

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

На правах рукописи

Карпов Борис Сергеевич

Эволюция мировоззрения английских мыслителей в контексте социально-
экономического развития Англии XVI–XVIII вв.

Специальность 5.6.2. –
Всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Александр Анатольевич Орлов

Москва – 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Исторические условия развития Англии в XVI–XVIII вв. (основные точки бифуркации).....	41
1.1. Экономическое и политическое развитие Англии.....	41
1.2. Кризис религиозной картины мира и его влияние на английскую общественно-политическую мысль.....	64
1.3. Специфика социального развития страны. Трансформация социального облика английских мыслителей.....	89
Глава 2. Доминанты мировоззрения английских интеллектуалов XVI – XVIII вв.....	107
2.1. Право как основа «народной справедливости».....	107
2.2. Эволюционный путь общественного развития.....	129
2.3. Английское понимание «патриотизма».....	152
Глава 3. Типы мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв.: общее и особенное.....	167
3.1. Общая характеристика мировоззренческих типов английских мыслителей.....	167
3.2. «Рационально-механистический» тип мировоззрения и его эволюция.....	184
3.3. «Органический» тип мировоззрения: от религии к личной «вере».....	212
Заключение.....	236
Список источников и литературы.....	241

Введение

Актуальность темы. Период XVI–XVIII вв. является временем масштабного ускорения общественного развития, серьезной трансформации как социально-политической, так и экономической, и духовной сфер европейского социума. Изменения, происходившие в обществе в данный хронологический промежуток, требовали от современников детального осмысления и объяснения, что обусловило небывалый подъем общественной мысли, выдвижение множества идей, гипотез и концепций. Из всех европейских стран Англия¹ в области изучения развития общественной мысли представляет наибольший интерес. Английские мыслители при построении своих концепций одновременно ориентировались и на укоренившиеся, в особенности в правовой сфере, традиции и обычаи; обладали определенными мировоззренческими «доминантами»; являлись представителями динамично развивающегося общества. Таким образом, их идеи представляли собой уникальный синтез мировоззренческих традиций и оценки передовых общественных трансформаций.

Более того, динамично развивающееся английское общество заставляло интеллектуалов находить ответы на все новые и новые вопросы, рассматривать, переосмысливать и искать пути решения возникающих проблем. Данные ответы, выраженные посредством разнообразных идей и концепций, в свою очередь, оказывали непосредственное влияние на историческую обстановку, становились основой для формирования политических движений и «групп влияния (давления)» (the group of pressure), ложились в основу проводимых реформ. На примере Англии, как страны с

¹ В отечественной историографии названия «Англия» и «Великобритания» традиционно применяются равнозначно, хотя формально это не соответствует действительности. Официальное наименование государства с 1 мая 1707 г. – Королевство Великобритания, созданное политической унией королевств Англии и Шотландии в соответствии с Договором об Унии 1706 г., который был согласован в предыдущем году и ратифицирован английским и шотландским парламентами.

развитой политической культурой и преемственностью, проблемы которой в подавляющем большинстве случаев разрешались в среде политической элиты дискуссией, а не насилием, можно проследить, как исторические факторы влияли на эволюцию общественной мысли, а выдвигаемые идеи, в свою очередь, на дальнейшее развитие страны.

Наконец, именно в среде английских интеллектуалов зародились и развивались, а затем и реализовывались на практике многие проекты изменения социально-политического строя и реформирования европейского общества: парламентаризм, система разделения властей и их взаимного контроля, культура политических дебатов и формирования политических партий, идея рассмотрения права и законов как установлений «народной справедливости», а не воли конкретного человека или группы лиц. Не подвергнув рассмотрению эволюцию мировоззрения английских мыслителей в перманентно кризисный период XVI–XVIII вв., мы не только упустим многие детали развития Англии, но и не сможем осознать истоки формирования мировоззренческих основ современного европейского общества².

Степень разработанности темы. Социально экономическому развитию Англии и эволюции английской общественной мысли в XVI–XVIII

² При обсуждении вопроса о влиянии английского опыта на другие европейские страны, необходимо в каждом случае учитывать конкретные особенности страны-реципиента. Так, например, в России XVIII в. «...законодатель усиленно ищет образцы правовых норм на Западе – в Швеции, немецких государствах, отчасти во Франции и в Англии. Не следует, однако, преувеличивать влияния западноевропейского права на русское даже в XVIII веке. Заимствовались западные учения и нормы (часто дословно) потому, что законодатель считал их подходящими для России; однако, то, что не считалось подходящим, отбрасывалось или видоизменялось (яркий пример этого – Наказ Императрицы Екатерины II в отношении к политической системе Монтескье). XIX век принёс с собой значительно более бережное отношение к нормам отечественного права». – Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. (Период империи) / Предисл. А.С. Сенина. [2-е изд.]. М.: ГПИБ, 1998. С. 15–16.

О влиянии идей и концепций английских мыслителей по социально-экономическим вопросам, вопросам о государственном строе и институтах на европейских, в т.ч. и российских, интеллектуалов подробно говорится в докторской диссертации А.И. Минаева. – Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03/Минаев Андрей Иванович. М., 2009. – 480 с.

вв. посвящено огромное количество работ. Поэтому при историографическом обзоре мы обратимся, прежде всего, к тем ученым, которые предлагали новаторские для своего времени концепции.

Первые попытки анализа развития английского социума и общественной мысли рассматриваемого хронологического периода были предприняты еще мыслителями XVII – начала XVIII вв., работы которых, таким образом, можно рассматривать как первые попытки исторического анализа. Изначально в Англии формируется два крупных историографических направления по данным проблемам – либеральное (вигское) и консервативное (торийское), фундаментальным различием между которыми был вопрос об отношении к революционным преобразованиям в обществе. Одним из первых предпринял попытку описания исторического развития Англии в середине XVII в. – в период Английской революции – английский политик второй половины XVII в., советник короля Карла II (1660–1685) Эдвард Хайд, 1-й граф Кларендон. В работе «История мятежа и гражданских войн в Англии» (1702–1704 гг.)³, опубликованной уже после смерти автора, он рассматривал Английскую революцию как великую народную трагедию, мятеж против законного монарха, разоривший страну и приведший к бессмысленному кровопролитию.

На протяжении XVIII в. позиция Кларендона не получила поддержки со стороны большинства представителей интеллектуальной элиты Англии. Окончательно консервативное направление в изучении английской истории формируется уже в первой половине XIX в. и получает наиболее полное выражение в работах шотландского историка А. Алисона (1792–1867). Он в своих работах «История Европы в период Французской революции» (1833–1843 гг.) и «Англия в 1815–1845 гг.» (1845 г.)⁴ на основе освещения и анализа общественного развития Англии и других стран, а также изучения опыта

³ Clarendon E.H. The History of the Rebellion and Civil Wars in England Begun in the Year 1641. In 3 vol. L.: Clarendon Press, 2001.

⁴ Alison A. History of Europe from the Commencement of the French Revolution in 1789 to the Restoration of the Bourbons in 1815. In 10 vol. L.: Nabu Press, 2011; Idem. England in 1815 and 1845. L.: Nabu Press, 2013.

Французской революции 1789–1799 гг. и ее влияния на европейское развитие, отстаивал идею о пагубности любых масштабных и, тем более, революционных изменений в обществе. Алисон восхвалял английскую политическую систему, ее правовую преемственность, противопоставляя ее нестабильной и подверженной кризисам французской политической системе.

Либеральное (вигское) направление в английской историографии XVIII– первой половины XIX вв. было более развито. Представители данного направления, критически относясь к революционному насилию, прежде всего, к Английской революции середины XVII в., при этом позиционировали развитие английского общества и общественной мысли как постепенное, поступательное движение в направлении признания, законодательного закрепления и последующего расширения прав и свобод английского народа. Идею основу данного направления заложил еще в конце XVII в. Дж. Локк (1632–1704) обосновавший в своей работе «Два трактата о правлении» (1690 г.)⁵ наличие у всех без исключения граждан естественных прав и свобод, необходимость их законодательного закрепления и защиты со стороны государства. При этом, в обосновании своих идей Локк фактически не прибегал к анализу общественного развития Англии.

Первую попытку исторического анализа развития английского государства в русле либерального историографического направления предприняла в конце XVIII в. К. Маколей (1731–1791). В своей главной работе «История Англии...» (1763–1783 гг.)⁶ на основе последовательного описания исторических событий в Англии XVII в. она отстаивала идею о борьбе народа за свои права и свободы как стержне общественного развития. При этом, признавая право народа на восстание, автор отмечала, что «короли, призванные служить народу, превращаясь в тиранов, утрачивают

⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 135-407.

⁶ Macaulay C. The history of England...

право на правление»⁷. Маколей в целом негативно относилась к революции как механизму общественных изменений⁸.

О принадлежности современника Маколей шотландского философа и историка Д. Юма (1711–1776) к вигской или торийской историческим традициям исследователи спорят до сих пор⁹. Однако именно Юм одним из первых в своем труде «История Англии...» (1754–1762 гг.)¹⁰ стремился изложить историю развития английского общества от периода римского владычества до XVIII в., абстрагировавшись от религиозных трактовок и излишней политизации тех или иных исторических событий. Он акцентировал внимание на причинно-следственных связях и деятельности исторических личностей.

В XIX в. либеральную традицию в английской историографии развивал историк Г. Галлам (1777–1859), стремившийся на страницах своих произведений обосновать идею об исключительности английской политической системы, сформировавшейся в результате поступательного развития и избегания крайностей¹¹.

Эта традиция достигла пика развития и логического завершения в работе историка и политического деятеля Т.Б. Маколей (1800–1859) «История Англии» (1848 г.)¹². Центральной идеей Маколей была вера в необходимость реформирования общества с целью одновременного расширения прав и свобод граждан, сохранения и укрепления политической стабильности в обществе. Идеалом социального и политического

⁷ Ibid. P. 337.

⁸ О ней подробнее см.: Креленко Н.С. Кэтрин Маколей – «леди Фукидид» XVIII века // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. кол.: А.И. Аврус и др. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1998. С. 80-89.

⁹ См.: например: Высокова В.В. Эпоха Просвещения и рождение историзма: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. № 21. С. 274-292; Mossner E.C. The Life of David Hume. L.: Clarendon Press, 2001.

¹⁰ Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Indianapolis: Liberty Fund, 1983 (далее – Hume D. The History of England...).

¹¹ Hallam H. The Constitutional History of England from the Accession of Henry VII to the Death of George II. L.: British Library, Historical Print Editions, 2011.

¹² Маколей Т.Б. История Англии // Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. СПб.-М.: Издательство М.О. Вольфа, 1863–1868. Т. 6–12.

реформирования для него была «Славная революция» 1688–1689 гг., модернизовавшая английскую политическую систему и при этом не приведшая к массовому кровопролитию. «Славную революцию», как акт продуманных общественных преобразований, Маколей противопоставлял консерватизму, стремлению к недопущению изменений и революционному насилию.

Особняком среди английских историков первой половины – середины XIX в., подвергавших анализу события XVI–XVIII вв., стоят У. Коббет (1763–1835) и Т. Карлейль (1795–1881). Оба они стремились выйти за рамки двух основных направлений английской историографии – либерального и консервативного, затронуть новые аспекты английской истории. Поэтому главным объектом изучения для них стали не политические события и их последствия, а судьбы ярких личностей и изменение положения простого народа. Коббет, являвшийся радикальным политическим деятелем, непримиримым критиком английской политической системы, сторонником расширения избирательных прав англичан и ликвидации «гнилых местечек», свой главный исторический труд – «История протестантской реформации в Англии» (1824–1826 гг.)¹³ – посвятил критике прерогатив королевской власти. Рассматривая начавшуюся в правление Генриха VIII (1509–1547) Реформацию, исследователь пришел к выводу о её изначально корыстном и антинародном характере. С его точки зрения, правители использовали Реформацию как механизм собственного обогащения. Карлейль одним из первых историков посвятил несколько масштабных работ рассмотрению роли выдающихся личностей в историческом процессе, в особенности, его внимание привлекала фигура и деятельность лидера революции середины XVII в. О. Кромвеля (1599–1658)¹⁴.

¹³ Cobbett W. A History of the Protestant Reformation in England and Ireland. L.: TAN Books, 1988.

¹⁴ Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2011; Idem. Oliver Cromwell's Letters and Speeches: With Elucidations. N.-Y.: Wentworth Press, 2016.

Из ученых XIX в., происходивших из других европейских стран и посвятивших масштабные произведения истории Англии и английской общественной мысли XVI–XVIII вв., следует назвать выдающегося французского политика и историка Ф. Гизо (1787–1874). Объектом его исследовательского интереса стало развитие представительных органов власти в политических системах европейских стран. В данном вопросе он, естественно, не мог обойти стороной английскую политическую систему. Значительная часть его фундаментального труда «История происхождения представительного правления в Европе» (1821 г.)¹⁵ посвящена проблеме более интенсивного развития представительных органов власти в Англии по сравнению с другими странами. Также объектом исторического анализа для Гизо стала Английская революция середины XVII в., как опыт борьбы народа за свои права. Данному событию французский историк посвятил отдельное исследование – «История Английской революции от воцарения Карла I до его смерти» (1846 г.)¹⁶.

Попытки исторического анализа, изначально выраженные в форме кратких оценочных суждений о тех или иных аспектах английской истории или общественной мысли XVI–XVIII вв., предпринимались в XVIII–XIX вв. и отечественными исследователями. Одним из первых к культуре и общественной мысли Англии как источнику ухудшения нравов верхушки российского общества, еще в середине XVIII в. обратился кн. М.М. Щербатов (1733–1790) в сочинении «О повреждении нравов в России»¹⁷ (создано в 1780-х гг., впервые опубликовано в 1858 г.). Младший современник Щербатова, философ, писатель и публицист А.Н. Радищев в своей главной работе «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.)¹⁸, напротив, описывал Англию как пример страны с развитыми гражданскими

¹⁵ Guizot F. The History of the Origins of Representative Government in Europe. L.: Liberty Fund, 2002.

¹⁶ Idem. History of the English Revolution of 1640: From the Accession of Charles I to His Death. L.: Forgotten books, 2018.

¹⁷ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М.: Типо-лит. русского товарищества, 1908.

¹⁸ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Азбука-классика, 2013.

правами и свободами, отмечая, что уже в конце XVII в. «вольность печатания была утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув последний раз, издохла»¹⁹. В первой половине XIX в. к истории Англии как примеру успешного политического, экономического и духовного развития обращались русские западники. Философ и публицист П.Я. Чаадаев (1794–1856) в работе «Философические письма»²⁰ (созданы в конце 1820-х гг., публиковались по частям – 1836, 1861 гг.) при сравнении духовного развития Западной Европы и России обращался именно к английской Реформации как к явлению духовной жизни, которое подталкивало народ к самосовершенствованию и плодотворной политической деятельности. Современник Чаадаева знаменитый публицист и литературный критик Т.Н. Грановский (1813–1855) посвятил развитию политической и экономической системы Англии, как одному из примеров успешной общественной модели, несколько произведений, носивших, в основном, описательный и фактологический характер. В особенности, Грановского интересовал вопрос сравнения становления политических систем развитых западноевропейских стран – Англии и Франции – с аналогичными процессами в России²¹.

Начиная со второй половины XIX в., как в России, так и в странах Западной Европы, начинают выходить исследования, посвященные развитию английского общества в целом или отдельным его аспектам. В 1858 г. выходит в свет труд философа, правоведа и историка Б.Н. Чичерина (1828–1904) «Очерки Англии и Франции»²², посвященный сравнительному анализу становления и развития правовых систем данных европейских стран. В самом конце XIX в. – в 1892 г. – публикуется фундаментальное исследование

¹⁹ Там же. С. 113.

²⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма. Казань: Тип. Д.М. Грамъ, 1906.

²¹ Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении Всеобщей Истории // Грановский Т.Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 13-31; Он же. Судьбы Европейского народа // Там же. С. 110–134; Он же. Реформа в Англии // Там же. С. 477-488.

²² Чичерин Б.[Н.] Очерки Англии и Франции. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: Тип. Э. Барфкнехта и комп., 1858.

Н.И. Кареева (1850–1931) «История Западной Европы в Новое время»²³. В нём исследователь первым из российских ученых предпринял попытку целостного описания общественного развития различных европейских стран на протяжении XVI–XIX вв. Позднее, уже в начале XX в., Кареев посвятил отдельную монографию истории английских революций XVII в. – революции середины XVII в. и «Славной революции», в которой уделил внимание личностям революционеров, в первую очередь, Кромвелю, а также различным общественно-политическим группам и движениям в Англии XVII в.²⁴

В 1896 г. английский историк С.Р. Гардинер выпускает знаменитую монографию «Пуритане и Стюарты. 1603–1660 гг.»²⁵. В ней он предложил новый взгляд на революционные события в Англии в середине XVII в. По мнению Гардинера, основные причины революции заключались не в жестком, антинародном характере внутренней политики королей Якова I (1603–1625) и Карла I (1625–1649), и не в экономических процессах – пауперизации крестьянства, усилении позиций джентри, стремившихся к политической власти, а в вопросах религиозных. Гардинер считал, что основной предпосылкой и главной причиной революционных событий в Англии в середине XVII в. был религиозный раскол общества на англикан, которым принадлежала политическая власть в государстве, и пуритан, обладавших солидными экономическими ресурсами и к данной власти стремившихся. Именно пуританизм, по его мнению, стал идейной основой революции²⁶.

²³ Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. В 7 т. СПб.: Тип. Е.А. Ефрона, 1892.

²⁴ Он же. Две английские революции XVII века. [2-е изд.]. М.: ГПИБ, 2002.

²⁵ Гардинер С.Р. Пуритане и Стюарты. 1603–1660 гг. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1896.

²⁶ Подробнее об этом см.: Креленко Н.С. Концепция «пуританской революции» С.Р. Гардинера и её судьбы в историографии // Историографический сборник, 1989, № 14. С. 18-35; Она же. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв.: Исторический миф в контексте политической борьбы. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990; Она же. Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 141–157.

Примерно в это же время (в 1899 г.) немецкий публицист, политик, один из лидеров Социал-демократической партии Германии Э. Бернштейн публикует новаторский труд под названием «Общественное движение в Англии XVII века»²⁷, в котором подробно рассматривает общественные движения левеллеров и диггеров и первым выдвигает концепцию о протосоциалистическом характере их идеологии.

В самом начале XX в. появляется первое отечественное детальное исследование взаимодействия Англии и её североамериканских колоний в XVII–XVIII вв. – «Великий раскол англо-саксонской расы»²⁸ (1901 г.), автором которого являлся отечественный историк и правовед П.Г. Мижуев. Целью исследования было выявление и анализ основных противоречий между английской метрополией и североамериканскими колониями.

В этот же период выходят в свет две обзорные работы, посвященные другому важному аспекту развития общественной мысли в Англии, затронутому в нашем исследовании, а именно феномену утопического мышления – это труды немецкого исследователя А. Фогта (1860–1940) «Социальные утопии» (1906 г.)²⁹ и польского историка А. Свентоховского (1849–1938) «История утопий» (1910)³⁰. В данных работах была предпринята попытка проанализировать эволюцию особенностей построения и содержания утопических произведений, начиная с Древней Греции и заканчивая европейской общественной мыслью XIX в. Большое внимание в данных исследованиях уделяется работам английских мыслителей XVI–XVII вв. Т. Мора Ф. Бэкона и Дж. Уинстенли.

В начале XX в. выходит также ряд работ крупнейшего отечественного дореволюционного историка, исследователя общественного развития Англии в Средние века и в XVI–XVII вв., интересовавшегося, в особенности,

²⁷ Бернштейн Э. Общественное движение в Англии XVII века. СПб.: Тип. Л.Ф. Пантелеева, 1899.

²⁸ Мижуев П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы. СПб.: Тип. Л.Ф. Пантелеева, 1901.

²⁹ Фогт А. Социальные утопии. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

³⁰ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

английской Реформацией и революцией середины XVII в., А.Н. Савина (1873–1923)³¹. Помимо описания событийного ряда английской истории, Савин стремился к выявлению причинно-следственных связей между событиями и процессами развития английского общества. В частности, он предложил оригинальную трактовку причин революции середины XVII в., видя её истоки не в каком-либо одном политическом, экономическом или же религиозном факторе, но в их уникально сложившейся совокупности.

В советской и зарубежной историографии XX в. количество работ, посвященных социальному развитию и развитию общественной мысли Англии XVI–XVIII вв., многократно увеличивается по сравнению с предыдущими периодами. Поэтому здесь будут обозначены основные направления исследований.

Для отечественной историографии данного периода, с одной стороны, был характерен повышенный интерес к развитию английской общественной мысли XVI–XVIII вв. Т.к. именно в Англии, как в стране, рано вставшей на путь буржуазного развития, существовало, на взгляд советских авторов, огромное количество прогрессивных общественных движений и отдельных мыслителей, выражавших и отстаивавших протосоциалистические идеи. Активно переводились на русский язык и издавались многочисленные труды английских интеллектуалов данного периода, в особенности, наиболее радикальных мыслителей и общественных деятелей – например, памфлеты лидеров радикальных общественно-политических движений периода революции середины XVII в. Лильберна и Уинстенли, сочинения радикала конца XVIII в. У. Годвина и др. Но, с другой стороны, в силу построения подавляющим большинством авторов своих исследований на основе принципов диалектического материализма, их стремления рассмотреть, прежде всего, развитие буржуазного строя в Англии, а также отыскать

³¹ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кунышева, 1903; Он же. Английская секуляризация. М.: Тип. Московского университета, 1906; Он же. Лекции по истории Английской революции. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

ростки социалистических взглядов в произведениях английских мыслителей, разнообразие высказываемых позиций и круг исследуемых проблем значительно сузились. Активно изучалось положение народных низов в Англии, в особенности, в XVI – начале XVII вв.

Наиболее известные работы в данной области, с привлечением огромной, ранее не известной, источниковой базы, были изданы в середине XX в. историками С.И. Архангельским (1882–1958)³² и В.Ф. Семеновым (1896–1973)³³. Важнейшей темой для исследований стала Английская революция середины XVII в., позиционировавшаяся советскими историками как одна из первых в мире буржуазных революций, и движения левеллеров и диггеров. Обоснованием буржуазного характера революции, рассмотрением ее причин и последствий, анализом идей, выдвигаемых Лильберном и Уинстенли, занимались такие видные советские ученые, как М.А. Барг (1915–1991)³⁴, В.М. Лавровский (1891–1971)³⁵, Г.Р. Левин (1915–2003)³⁶, Т.А. Павлова (1937–2002)³⁷.

³² Архангельский С.И. Аграрное законодательство английской революции 1649–1660 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940; Он же. Положение и борьба народных масс Англии в 60-е годы XVII века // Вопросы истории, 1958. № 6. С. 129–141; Он же. Крестьянские движения в Англии в 40-х – 50-х годах XVII века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

³³ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949; Он же. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века. М.: Наука, 1953. Вып. 4. С. 209–224 Он же. Раннее капиталистическое фермерство в Англии XVI – первой половины XVII века // Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI – первой половине XVII в. М.: Наука, 1965. С. 52–84.

³⁴ Барг М.А. Социальная утопия Уинстенли // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 58–88; Он же. Генезис идеологии истинных левеллеров // История социалистических учений. Сборник статей памяти академика В.П. Волгина. М.: Наука, 1964. С. 149–198; Он же. Великая английская революция в портретах её деятелей. М.: Мысль, 1991 (далее – Барг М.А. Великая английская революция...).

³⁵ Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция: некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. М.: Соцэкгиз, 1958.

³⁶ Левин Г.Р. Очерки по истории Англии. М.: Учпедгиз, 1959; Он же. Демократическое движение в Англии в годы Английской буржуазной революции XVII в. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973.

³⁷ Павлова Т.А. Закон свободы: Повесть о Джерарде Уинстенли. М.: Политиздат, 1985; Она же. О зарождении коммунистических воззрений Уинстенли // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1987. С. 129–153.

Не менее важной исторической проблемой, подвергшейся пристальному исследованию советских историков, было развитие, как им это виделось, социалистических идей в Англии. Ученых в данном случае особенно привлекали идеи таких мыслителей, как Т. Мор, Ф. Бэкон и Дж. Уинстенли. В первой половине XX в. изучением данной проблемы занимался академик В.П. Волгин (1879–1962)³⁸, во второй половине столетия его идеи о большом вкладе английских мыслителей в мировую социалистическую мысль развивали историки А.И. Володин (1933–2004)³⁹ и Г.С. Кучеренко (1932–1997)⁴⁰. Важным направлением в советской историографии являлось также освещение жизни и воззрений наиболее выдающихся представителей английской общественной мысли – Т. Мора, Ф. Бэкона, Дж. Уинстенли, Дж. Локка, Т. Гоббса, Д. Юма⁴¹ и др.

При этом, если творчество наиболее радикальных английских мыслителей, или интеллектуалов, критикующих социальное и экономическое неравенство, в советской историографии освещалось очень полно, то творчество приверженцев традиционализма, старых феодальных порядков, противников революционных преобразований не получало должного внимания или лишь подвергалось критике. Так, Лильберну и Уинстенли – мыслителям, выдвигавшим в период революции наиболее радикальные проекты общественных преобразований – в советской исторической науке было посвящено большое количество трудов. В то время, как их идейным оппонентам – представителю старой родовой аристократии Р. Филмеру и стороннику умеренных преобразований, направленных на сосредоточение

³⁸ Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М.: Наука, 1975.

³⁹ Володин А.И. О понятии «утопический социализм» // История общественной мысли. Современные проблемы. М.: Наука, 1972. С. 453-474.

⁴⁰ Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии, XVI – первая половина XIX в. М.: Наука, 1981.

⁴¹ Осинковский И.Н. Томас Мор и его «Утопия» // Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1947. С. 5-83; Он же. Томас Мор. М.: Мысль, 1985; Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974; Павлова Т.А. Уинстенли. М.: Молодая гвардия, 1988; Зайченко Г.А. Джон Локк. М.: Мысль, 1973; Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975; Нарский И. С. Давид Юм. М.: Мысль, 1973.

власти в государстве в руках наиболее состоятельных граждан Дж. Гаррингтону – либо вовсе не уделялось внимания, либо – в случае Гаррингтона – их идеи подвергались только критике⁴².

Среди части зарубежных исследователей метод диалектического материализма в истории также был популярен, они тоже стремились к рассмотрению Англии как передовой капиталистической державы, акцентировали внимание на изучении протосоциалистических идей в английской общественной мысли. Так, например, в 1939 г. вышло в свет исследование Г. Холореншоу (1900–1995) «Левеллеры и английская революция»⁴³, в котором автор позиционировал Лильберна и Уинстенли как мыслителей, близких в своих идеях к социализму.

В середине XX в. по решению руководства Коммунистической партии Великобритании (КПВ) была создана «Группа историков КПВ», представители которой стремились к созданию полномасштабной «народной истории Англии», к изучению положения народных низов и всех этапов развития социалистической мысли. Наиболее известным трудом представителей этой «Группы...», посвященным развитию социума и общественной мысли Англии на протяжении всей её истории – от периода римского владычества до середины XX в. – является работа А.Л. Мортон (1903–1987) «Народная история Англии» (1938 г.)⁴⁴. Кроме нее, Мортон в середине XX в. выпустил ряд исследований, специально посвященных развитию общественной мысли Англии XVI–XVIII вв.⁴⁵

⁴² Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона // Средние века. Вып. 04. М.: Наука, 1953. С. 249-270; Он же. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона (окончание) // Средние века. Вып. 05. М.: Наука, 1954. С. 228-249.

⁴³ Холореншоу Г. Левеллеры и английская революция. М.: Издательство иностранной литературы, 1947.

⁴⁴ Morton A.L. A People's History Of England. L.: Gollancz, 1938. В Советском Союзе она была издана под несколько изменённым названием. – Мортон А.Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.

⁴⁵ Он же. Английская утопия. М.: Издательство иностранной литературы, 1956; Он же. Возникновение социалистической мысли в Англии // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Наука, 1962. С. 34-57.

Главной областью исследований современника Мортонна, также некоторое время состоявшего в рядах КПВ, К. Хилла (1912–2003), было развитие английской общественной мысли XVII в. При этом, несмотря на то, что Хилл в своих работах придерживался метода диалектического материализма, позиционировал революцию середины XVII в. как буржуазную, он, анализируя революционные события, стремился рассмотреть не только экономические причины революции, как это делало большинство отечественных исследователей, но и её отдельные аспекты. В частности, не отрицая главенства экономических факторов в развитии английского общества и общественной мысли, он уделял пристальное внимание пуританизму как весомому фактору духовного развития английского общества, как в период революции, так и в период Реставрации монархии⁴⁶.

В зарубежной историографии XX в. были распространены и другие подходы к изучению истории Англии и английской общественной мысли XVI–XVIII вв. Свою интерпретацию социальной истории Англии в середине XX в. представил Дж.М. Тревельян (1876–1962), полагавший, что именно английский народ через своих представителей во власти в большей степени, нежели английские монархи и аристократия, оказывал влияние на развитие исторического процесса⁴⁷.

Развитию Англии в данный период времени множество трудов посвятили представители «исторической школы в экономике». Они не стремились доказывать, подобно историкам-марксистам, универсальность экономического развития различных стран, а хотели показать на конкретных примерах особенности экономики того или иного региона, а затем, по возможности, обобщить их. Наиболее известными представителями данного

⁴⁶ Хилл К. Английская революция. М.: Издательство иностранной литературы, 1947; Он же. Пуританизм и революция: исследование английской революции XVII века. М.: Издательство иностранной литературы, 1958; Он же. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998 (далее – Хилл К. Английская Библия...).

⁴⁷ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

направления были английский ученый Р.Г. Тоуни (1880–1962), рассматривавший социально-экономические трансформации в английском обществе XVI – начала XVII вв., и прежде всего, появление и усиление влияния слоя джентри, приведшие к началу революции середины XVII в.⁴⁸, а также его современник, американский и канадский экономист и историк венгерского происхождения К. Поланьи (1886–1964), проанализировавший в своей обширной монографии «Великая трансформация» (1944 г.)⁴⁹ особенности становления и развития рыночной экономики в Англии.

Непримиримым критиком как марксистских концепций развития общества в Новое время, так и идей представителей «исторической школы в экономике», был английский историк Х. Тревор-Ропер (1914–2003). Он стремился показать, что главной причиной социальных кризисов в Англии в XVII–XVIII в. были не экономическое развитие, формирование основ буржуазного общества или же становление рыночной экономики, а общий кризис общественного развития, наступивший повсеместно в период перманентной нестабильности в Европе в XVII–XVIII вв. Важнейшую роль в данном кризисе английского общества, по мнению Тревор-Ропера, сыграли не экономические противоречия, а духовный раскол общества на протестантских диссентеров, англикан и католиков⁵⁰.

Во второй половине XX в. концепцию Тревор-Ропера продолжали развивать и одновременно критиковали, доказывая, что, несмотря на всеобщность кризиса, в его основе всё же лежали масштабные социально-

⁴⁸ Tawney R.H. The agrarian problem in the sixteenth century. L.: Longmans, 1912; Idem. Religion and the Rise of Capitalism. L.: John Murray, Albemarle street, 1926.

⁴⁹ Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Boston: Beacon Press, 2001. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

⁵⁰ Trevor-Roper H. The Crisis of the Seventeenth Century: Religion, the Reformation, and Social Change. N.-Y.: Harper & Row, 1967; Idem. Catholics, Anglicans and Puritans: Seventeenth Century. Chicago: Chicago press, 1987; Idem. From Counter-Reformation to Glorious Revolution. L.: Secker & Warburg, 1992.

экономические изменения, британские историки Т. Астон (1925–1985)⁵¹ и Н.Дж. Паркер (род. в 1943 г.)⁵².

Отдельным масштабным направлением исследований в зарубежной историографии XX в. стало изучение религиозного развития Англии в XVI–XVIII вв. Основной проблематикой исследований американского ученого Переса Загорина (1920–2009) стал анализ взаимоотношений церкви и государства, а именно, содержание и влияние на религиозное и политическое развитие государственных указов, требовавших от протестантских диссентеров принесения различных клятв. Также значительное внимание в своих работах Загорин уделял развитию общественно-политической мысли в Англии XVII в., в первую очередь, ее религиозной составляющей⁵³. Другой американский исследователь середины XX в. Дэвид Петегорски (1915–1956)⁵⁴ отдельно исследовал религиозную константу идей Уинстенли. Во второй половине XX в. его идеи будут развивать, анализируя взаимосвязь между идеями диггеров и концепцией миллениаризма, Дж. Джуретик (1922–2014)⁵⁵.

Во второй половине – конце XX в. развитие английского общества и английской общественной мысли XVI–XVIII вв. начинает рассматриваться многими исследователями в контексте исторической антропологии и микроистории. Представители этих направлений не стремились описать масштабные социально-политические изменения, их задачей было изучение повседневности и мировосприятия отдельных личностей или социальных слоев. Английский исследователь К. Дарстон (род. в 1951 г.) анализировал

⁵¹ Aston T. *Crisis in Europe 1560–1660*. L.: Routledge & K. Paul, 1965.

⁵² Parker G. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. L.: Routledge, 1978; Idem. *Europe in Crisis, 1598–1648*. N.-Y.: Cornell University Press, 1979; Idem. *Empire, War and Faith in Early Modern Europe*. L.: Allen Lane, 2002.

⁵³ Zagorin P. *A History of Political Thought in the English Revolution*. L.: Routledge & Paul, 1954; Idem. *Culture and politics from Puritanism to the Enlightenment*. Los-Angeles: University of California press, 1980; Idem. *The English Revolution: politics, events, ideas*. N.-Y.: Ashgate Variorum, 1998.

⁵⁴ Petegorsky D.W. *Left-wing Democracy in the English Civil War: Gerrard Winstanley and the Digger*. L.: Sutton Publishing Ltd, 1995.

⁵⁵ Juretic G. *Digger no millenarian: The Revolutionizing of Gerard Winstanley* // *Journal of the History of Ideas*. 1975. Vol. 36. P. 263-280.

пуританскую культуру XVII в. и представления различных слоев английского общества о семье в данный период истории⁵⁶. Его соотечественник Д. Кресси (род. в 1946 г.) исследовал представления англичан XVI–XVII вв. о жизни и смерти, семье и институте брака⁵⁷. Восприятию роли женщины в английском обществе и семье в XVI–XVIII вв. посвящал свои работы историк А. Флетчер (род. в 1941 г.)⁵⁸.

В настоящее время, как в отечественной, так и в зарубежной историографии продолжается активное изучение различных аспектов социального развития и эволюции общественной мысли в Англии XVI – XVIII вв.

После распада СССР в отечественной историографии возросло разнообразие подходов к изучению данной темы, исследователи стремятся проанализировать слабо освещенные до этого аспекты развития английского общества и общественной мысли, взглянуть на уже изученные события с иных методологических позиций. В конце XX – самом начале XXI вв. продолжали выходить работы Т.А. Павловой, посвященные развитию английской общественной мысли в период революции середины XVII в. и Реставрации. Её научные интересы в этот период немного смещаются – она стремится осветить развитие движения квакеров в Англии XVII в., до этого слабо изученное в отечественной историографии. В особенности её привлекает мировоззрение и деятельность одного из создателей и идеологического лидера квакеров – Дж. Фокса (1624–1691)⁵⁹.

⁵⁶ Durston C. The family in the English revolution. Oxford: Blackwell, 1989.

Idem. The Culture of English Puritanism, 1560–1700. L.: Palgrave Macmillan-3PL, 1996.

⁵⁷ Cressy D. Birth, Marriage, and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford: Oxford University Press, 1996.

⁵⁸ Fletcher A. J. Gender, Sex, and Subordination in England, 1500–1800. L.: Yale University Press, 1999.

⁵⁹ Павлова Т.А. Народная утопия в Англии XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998; Она же. Джордж Фокс и движение квакеров // Хью МакГрегор Росс. Говорит сам Джордж Фокс. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 7–18.

В 2007 г. А.В. Шубин (род. в 1965 г.) выпустил монографию «Социализм: «золотой век» теории»⁶⁰, в которой предложил оригинальный, новаторский взгляд на развитие мировой, в т.ч. и английской, социалистической мысли. Он рассматривал идеи Уинстели и У. Годвина как первые попытки выдвижения анархических идей построения бесклассового общества самоуправляющихся общин.

Исследованием развития общественной мысли Англии XVII в. активно занимается отечественная ученая И.М. Эрлихсон. Работая в рамках методологии интеллектуальной истории и новой культурной истории, она стремится комплексно проанализировать мировоззрение различных представителей интеллектуальной элиты Англии XVII в., а также рассмотреть эволюцию жанровых особенностей их произведений. Эрлихсон одной из первых подробно осветила развитие консервативно-абсолютистских идей в эпоху Английской революции середины XVII в. и Реставрации⁶¹.

Эволюции политической мысли английских католиков XVI–XVII вв., их взаимоотношениям с англиканской церковью, посвятила обширные монографии – «Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.» (2006 г.), «Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю» (2017 г.)⁶² исследовательница А.Ю. Серегина.

⁶⁰ Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное образование, 2007.

⁶¹ Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М.: Научная книга, 2007; Она же. Роберт Фильмер и политическая философия абсолютизма периода поздней реставрации (1679–1689 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9 (64). С. 50-55 (далее – Эрлихсон И.М. Роберт Фильмер и политическая философия абсолютизма...); Она же. Английская социальная антиутопия и сатира реставрации и раннего просвещения (1660–1714) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №81. С. 146–159; Васильева С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальной истории» и «Истории социальных практик» в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 48-56.

⁶² Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006 (далее – Серегина А.Ю. Политическая мысль

Процессы формирования национального государства в Англии на рубеже Средних веков и Нового времени анализирует петербургский историк С.Е. Фёдоров. На страницах своих работ он подробно рассматривает эволюцию взаимодействия политических элит и монархической власти в раннестюартовской Англии; выдвигает новаторскую идею о формировании и институционализации в Англии в начале XVI в. различных интеллектуальных групп, под воздействием каждой из которых происходила трансформация монархической власти и формировалась коллективная национальная идентичность⁶³.

Руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории (ИВИ) РАН Т.Л. Лабутина посвятила монографии и статьи изучению культуры Просвещения в Англии в XVII–XVIII вв., а также развитию женского образования и института семьи в Англии в данный период⁶⁴. Первое в отечественной историографии исследование роли истории в мировосприятии и политической культуре английских интеллектуалов XVIII в., а также феномена возрастания важности исторического знания в английской общественной мысли XVIII в. выпустила ведущий научный сотрудник ИВИ РАН М.П. Айзенштат⁶⁵.

Активно работают англоведы кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г.

английских католиков...); Она же. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

⁶³ Фёдоров С.Е. Британская идентичность / идентичность в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2013. № 3. С. 75-81 (далее – Фёдоров С.Е. Британская идентичность...); Он же. Генезис британской аристократии в начале XVII в. // Вопросы истории. 2017. № 8. С. 5-20; Он же. Универсализм vs этноцентризм: империя и монархия к исходу Средних веков // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 176–189.

⁶⁴ Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: Издательство РАН, 1994; Она же. Английские просветители: взгляды на воспитание и образование подрастающего поколения. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2012; Она же. Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII – начало XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2016; Она же, Ковалёв М.А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб.: Алетейя, 2020.

⁶⁵ Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 2019.

Чернышевского. В работах Н.С. Креленко, Л.Н. Черновой, С.Е. Киясова⁶⁶ рассмотрены различные аспекты политической, социально-экономической и идеологической борьбы в Англии в XVI–XVIII вв., что, вкупе с другими исследованиями⁶⁷, позволило нам получить целостное представление о достижениях отечественной науки в данной области.

В современной зарубежной историографии также продолжается изучение разнообразных аспектов развития английского общества и эволюции общественной мысли Англии XVI–XVIII вв. В начале XXI в. вышли в свет два монографических исследования уже упомянутого нами Д. Кресси – «Общество и культура в Англии Раннего Нового времени» (2003 г.) и «Англия на грани: кризис и революция 1640–1642 гг.» (2006 г.)⁶⁸, в которых он подробно осветил социальную трансформацию английского общества в XVI – начале XVII вв. и особенности восприятия различными социальными слоями начала революции середины XVII в. Изучать развитие института семьи и брака в Англии XVI–XVII вв. продолжил историк Флетчер. В 2010 г. вышла в свет его монография «Взросление в Англии:

⁶⁶ Креленко Н.С. Английские просветители о революции середины XVII века // Новая и новейшая история. Рабочее и демократическое движение: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. И.Д. Парфёнов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. С. 132–151; Она же. Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем, 2001, № 4. С. 74–83; Она же. Пуританин в английской литературе XVII века: становление мифа // Британская ойкумена российской новистики: К 70-летию профессора И.И. Шарифжанова / Под ред. О.В. Бодрова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2010. С. 129–135; Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: Олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2005; Она же. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: Механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2011; Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н. Лондон на рубеже эпох: Мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.). Саратов: Техно-Декор, 2015; Киясов С.Е. Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.

⁶⁷ Особо отметим ценное издание, хотя формально и относящееся к учебной литературе, но по сути являющееся научным исследованием. – Егоров А.А. История Англии: учебник / Под общ. ред. В.Ю. Апрыщенко. Ч. I–II. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018–2021.

⁶⁸ Cressy D. Society and culture in early modern England. L.: Ashgate Variorum, 2003; Idem. England on Edge: Crisis and Revolution 1640–1642. Oxford: OUP Oxford, 2006.

опыт детства 1600–1914»⁶⁹, посвященная принципам воспитания детей и восприятию детства в целом в Англии в Новое время.

Остается актуальной в зарубежной историографии и тема развития общественной мысли в период Английской революции середины XVII в. Американский исследователь Д.Р. Комо (род. в 1970 г.), вводя в оборот неопубликованные источники (прежде всего, эпистолярные источники личного происхождения), реконструирует переговорный процесс между королем Карлом I и членами парламента, а также между представителями различных идеологических течений пресвитериан и индепендентов в 1640-е гг.⁷⁰ Новую трактовку политических событий в Англии в первой половине XVII в. стремится дать американский историк Т. Харрис (род. в 1958 г.), анализирувавший в своей монографии «Восстание: первые английские короли из династии Стюартов. 1567–1642» (2014 г.)⁷¹ восприятие различными слоями английского общества восшествия на английский престол династии Стюартов. Автор приходит к выводу о том, что правление Карла I и Якова I воспринималось большинством английского народа как слом политических традиций, что послужило важнейшей предпосылкой начала революции середины XVII в. Новаторские исследования в области исторической семантики применительно к английской общественной мысли XVI–XVII вв. проводит американский исследователь Н. Милстон (род. в 1978 г.). На страницах своих исследований («Обращение рукописей и английская политика первых Стюартов» и «Радикальные голоса и методы: формирование и распространение радикализма в Британии XVII–XVIII вв.»

⁶⁹ Fletcher A.J. *Growing Up in England: The Experience of Childhood 1600–1914*. New Haven: Yale University Press, 2010.

⁷⁰ Como D.R. *Print, Censorship, and Ideological Escalation in the English Civil War* // *The Journal of British Studies*, 2012. 51(4). P. 820–857; *Idem. Making «the Heads of the Proposals»: The King, the Army, the Levellers, and the Roads to Putney* // *The English Historical Review*, 2020. Vol. 135. Issue 576. P. 1387–1432 (далее – Como D.R. *Making «the Heads of the Proposals»...*).

⁷¹ Harris T. *Rebellion: Britain's First Stuart Kings, 1567–1642*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

(оба – 2016 г.)⁷²) Милстон, на основе анализа политических памфлетов, анализирует изменение семантического наполнения понятия «политический радикализм» в общественной мысли Англии XVI–XVIII вв.

Таким образом, анализ историографии по заявленной нами исследовательской теме показывает, что в различные периоды, как в зарубежной, так и в отечественной историографии, были опубликованы труды, в той или иной степени затрагивавшие её важные аспекты. Но проблема эволюции взглядов английских мыслителей в контексте социально-экономического развития Англии XVI–XVIII вв. ещё не становилась темой отдельного обобщающего исследования.

Объектом исследования является комплекс новаторских идей, выдвинутых английскими мыслителями XVI–XVIII вв. в процессе острой идейной и общественно-политической борьбы в Англии по принципиальным вопросам внутреннего развития общества и государства.

Предмет исследования – особые, принципиально отличные от континентальных моделей, типы мировоззрения английских мыслителей, сформировавшиеся в процессе их деятельности в различных обстоятельствах на протяжении перманентно кризисного для страны периода XVI–XVIII вв.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница исследования – начало XVI в., т.е. начало Раннего Нового времени в Европе⁷³. Для нашей работы принципиально важно выделить период

⁷² Millstone N. Manuscript Circulation and the Invention of Politics in Early Stuart England. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; Idem. Radical voices, radical ways: Articulating and disseminating radicalism in seventeenth- and eighteenth-century Britain. Manchester: Manchester University Press, 2016.

⁷³ Вопрос о хронологических рамках Нового времени, несмотря на многолетние дискуссии, остается открытым. Некоторые ученые считают исходной точкой Нового времени начало Реформации в Европе. Одним из первых данную позицию высказал и отстаивал еще в XVIII в. Г.В.Ф. Гегель, для которого Реформация являлась переходом к последнему этапу развития истории – германскому миру. – Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Другие – данная точка зрения была свойственна, прежде всего, советским ученым и зарубежным историкам-марксистам – отталкивались от экономической перестройки общества, начиная отсчет Нового времени от Английской революции середины XVII в. Подобный взгляд на хронологию Нового времени был, по сути, закреплен в фундаментальной советской монографии, в составлении которой приняли участие такие знаменитые специалисты по

коренных изменений в развитии английского общества и мировоззрении английских мыслителей. В это время происходит радикальное духовное обновление мировоззрения европейцев, связанное с культурой Высокого Возрождения, ускоряется общественно-экономическое развитие, начинается период протоиндустриализации⁷⁴. Более того, в начале XVI в. в Англии начинается Реформация, спровоцировавшая религиозный раскол в обществе. К этому периоду складывается английская национальная общественная мысль: интеллектуалы начинают прочно ассоциировать себя и свою деятельность со своей страной, а не с верностью определенному феодалу или с территорией проживания⁷⁵. Верхняя хронологическая граница – конец XVIII в. Это был период значительного воздействия на сознание и деятельность английских мыслителей комплекса новаторских идей, порожденных Французской революцией 1789–1799 гг., их рецепции, осмысления и критического отклика. При необходимости более полного изучения какой-либо проблемы или исторического процесса, рассматриваемых в рамках исследования, мы выходили за заявленные хронологические границы.

Новой и Новейшей истории Европы, как Е.М. Жуков, Е.С. Варга, А.И. Володин, И.И. Минц, М.Н. Тихомиров и др. – Всемирная история в 10 т. / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. С. 516-531 (далее – Всемирная история в 10 т. Т. 5). В конце 1970-х – 1980-х гг. данная точка зрения была пересмотрена или скорректирована самими советскими учеными. М.А. Барг предлагал считать началом Нового времени XVII в. в целом, называя его периодом, когда «класс, олицетворяющий капиталистический уклад, впервые стал политически господствующим». – Барг М.А. Место XVII века в истории Европы // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 68 (далее – Барг М.А. Место XVII века в истории Европы). Другой советский историк, специалист по народным движениям XIV-XV вв. и культуре эпохи Возрождения, В.И. Рутенбург сдвигал границы Нового времени на рубеж XVI–XVII вв. – к революции в Нидерландах, как «к первой в истории победе буржуазного строя над феодальным». – Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 74.

⁷⁴ Концепцию о радикальном духовном и общественно-экономическом обновлении Европы в начале XVI в., о датировке нижней хронологической границы Нового времени именно этим периодом в XX – начале XXI вв. последовательно отстаивали американский историк Ю.Ф. Райс Младший и британский историк, экономист М. Ангус. – Rice E.F. (Jr.) *The foundations of early modern Europe, 1460–1559*. N.-Y.: Norton, Corp. 1970; Angus M. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD, 2003.

⁷⁵ Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 200-240.

Цель работы – выявление особых типов мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв. и их эволюции в контексте социально-экономического развития страны в указанный период времени.

Реализация поставленной цели предопределяет решение следующих исследовательских **задач**:

1) Проанализировать (с особым вниманием к принципиально важным точкам бифуркации) исторические условия развития Англии в XVI–XVIII вв., указав на события и процессы (политические, социально-экономические, ментальные), оказавшие значительное влияние на развитие английской общественной мысли и трансформацию мировоззрения английских мыслителей указанного хронологического периода.

2) Определить базовые мировоззренческие установки (доминанты), сохранявшиеся неизменными в произведениях английских мыслителей на протяжении всего рассматриваемого периода.

3) Выявить различные мировоззренческие типы английских интеллектуалов.

4) Обосновать особенности и отличительные черты каждого из выявленных мировоззренческих типов.

5) Проследить эволюцию выявленных мировоззренческих типов у различных мыслителей в их взаимосвязи с исторической обстановкой и особенностями общественного развития.

6) Дать оценку способности английской общественно-политической мысли XVI–XVIII вв. реагировать на разнообразные изменения в кризисные периоды жизни общества и государства.

Источниковая база. При написании исследования использовались как опубликованные, так и неопубликованные ранее исторические документы, находящиеся в архиве Национальной библиотеки Великобритании на электронных носителях.

В этом архивохранилище наибольший интерес и ценность для нашего исследования представляет «Архив Харли», ядро которого было

сформировано еще в конце XVII–XVIII вв. английским политиком Робертом Харли, 1-м графом Оксфордским (1661–1724) и его сыном Эдвардом Харли, 2-м графом Оксфордским (1689–1741). В XVIII в. рукописи, собранные ими, были переданы Британскому музею, а в дальнейшем – Национальной библиотеке Великобритании. Архив содержит более 7 тыс. манускриптов и более 14 тыс. документов официального происхождения, большинство которых посвящено истории Англии, в особенности XVI–XVII вв.⁷⁶ Среди неопубликованных документов, содержащихся в данном оцифрованном архиве, мы использовали произведение английского священника-пуританина Ральфа Браунригга (1592–1659) «Соображения относительно клятвы» (1640 г.)⁷⁷, отражавшее мировоззрение части пуритан, сохранивших в начале Английской революции верность королю Карлу I (1625–1649). Также было использовано завещание («Последние слова»)⁷⁸ английского католика Джона Хаскинса (годы жизни неизвестны), найденное в 1640 г. в Саутуоркской церкви в Лондоне, как пример веры части англичан в необходимость предсмертного покаяния перед Богом и властью. Важное значение для характеристики отношения народных низов начала XVII в. к королевской власти имеет «Декларация диггеров Уоркшира»⁷⁹ (1607 г.), демонстрирующая возможность сочетания в их мировоззрении идей одновременной критики действий лендлордов и веры в божественную справедливость и непогрешимость монарха.

Из опубликованных материалов основная группа источников, использованных в работе – это политические, научные и религиозно-философские труды английских мыслителей XVI–XVIII вв., в которых

⁷⁶ Nares R., Stebbing Sh., Planta J., Douce F. A Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum. In 4 vol. L.: Eyre and Strahan, 1808–1812.

⁷⁷ Ralph Brownrigg Considerations on the Etcaetera Oath (1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 54r-55r. URL: <https://mpese.ac.uk/t/BrownriggConsiderations1640.html> (дата обращения: 15.02.2021).

⁷⁸ Haskins J. Last Words (7 June 1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 65r-65v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/HaskinsLetter1640.html> (дата обращения: 20.02.2021).

⁷⁹ Declaration of the Diggers of Warwickshire (1607) // British Library, Harley MS 787, f. 9v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/DeclarationDiggersWarwickshire1607.html> (дата обращения: 10.01.2021).

отразились их мировоззрение, взгляды на развитие общества и государства. Учитывая невозможность охватить в исследовании деятельность всех мыслителей заявленного хронологического периода, мы отбирали работы тех из них, кто предлагал новаторские идеи, новую трактовку путей развития общества и государства, стремился к нетрадиционному обоснованию выдвигаемых концепций. Это произведения английских философов-утопистов XVI – начала XVII вв. Т. Мора (1478–1535)⁸⁰, Ф. Бэкона (1591–1626)⁸¹ и Ф. Годвина (1562–1633)⁸². Представителей политической мысли английских католиков XVI – начала XVII вв. Н. Сандера (1530–1581)⁸³, Дж. Лесли (1527–1596)⁸⁴, У. Аллена (1532–1594)⁸⁵, Р. Парсонса (1536–1610)⁸⁶, их идейных оппонентов – англикан и представителей формировавшегося в Англии пуританизма Т. Мортон (1564–1659)⁸⁷, Дж. Фокса (1517–1584)⁸⁸, Г. Барроу (1550–1593)⁸⁹. Мыслителей периода Английской революции середины XVII в., в произведениях которых отразились взгляды различных

⁸⁰ Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1947.

⁸¹ Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 5-45; Он же. Новый Органон. Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ (Ленинградское отделение), 1935.

⁸² Годвин Ф. Человек на Луне или необыкновенное путешествие, совершенное Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или воздушный посол // Наука и жизнь. 1967. № 4. С. 64-70 (далее – Годвин Ф. Человек на Луне...).

⁸³ Sander N. The Rocke of the Church. Lovanii: Apud Ioannem Foulherum, Anno D., 1567 (далее – Sander N. The Rocke of the Church); Idem. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae. Lovanii: Apud Ioannem Foulherum, Anno D., 1571 (далее – Sander N. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae).

⁸⁴ Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth and the Crown of England. L.: The Scholar Press, 1975 (далее – Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth...).

⁸⁵ Allen W. An apologie and true declaration of the institution of the two English colleges. Antwerp: J. de Foigny, 1581 (далее – Allen W. An apologie and true declaration...); Idem. An Admonition to the nobility and people of England and Ireland. Antwerp: J. de Foigny, 1588 (далее – Allen W. An Admonition to the nobility...).

⁸⁶ Parsons R. Confessio Fidei Patris Poberti Personii // Letters and Memorials of Fr.R. Parsons, S.J. / Ed. by L. Hicks. L.: Catholic Record, 1942. P. 211-243 (далее – Parsons R. Confessio Fidei...); Idem. A Quiet and Sober Reckoning with T. Morton. L.: Scholar Press, 1975 (далее – Parsons R. A Quiet and Sober...); Он же. Рассуждение о наследовании английского престола. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013.

⁸⁷ Morton T. An Exact Discoverie of Romish Doctrine in the case of Conspirasie and Rebelion. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1605; Idem. A Full Datisfaction conderning a double Pomish Iniquitie. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1606.

⁸⁸ Foxe J. The Acts and Monuments of John Foxe. In 7 vol. L.: R.B. Seeley and W. Burnside, sold by L. & G. Seeley, 1838.

⁸⁹ Barrow H. A brief discovery of the false churches: wherein the rights of the Christian church are further asserted by the Holy Scriptures. L.: Gale ECCO, Print Editions, 2010.

социальных групп как на природу революции, её цели, так и на общественное развитие в целом: Р. Филмера (1588–1653)⁹⁰, Дж. Гаррингтона (1611–1677)⁹¹, Дж. Уинстенли (1609–1676)⁹², Дж. Лильберна (1614–1657)⁹³. Интеллектуалов периода Реставрации монархии в Англии, переосмысливших опыт революции середины века и выработавших новые подходы к развитию общества, государства и путям достижения справедливости – Т. Гоббса (1588–1679)⁹⁴, Дж. Локка (1632–1704)⁹⁵, У. Пенна (1644–1718)⁹⁶, Дж. Фокса (1624–1691)⁹⁷. Английского утописта и социального реформатора (квакера) конца XVII – начала XVIII вв. Дж. Беллерса (1654–1725)⁹⁸, в мировоззрении которого одновременно сочетались религиозные догматы и стремление к рациональному обоснованию выдвигаемых идей, опоре на точный экономический расчет. Интеллектуалов XVIII в., предпринявших первые попытки анализа современной им действительности через призму

⁹⁰ Filmer R. Anarchy of a limited or mixed monarchy // Filmer R. Patriarcha and other writings. Cambridge: Cambridge university press, 2004. P. 131–172; Idem. Patriarcha // Filmer R. Patriarcha and other writings. Cambridge: Cambridge university press, 2004. P. 3–131.

⁹¹ Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge: Cambridge university press, 1992.

⁹² Уинстенли Дж. Закон свободы // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 179-363; Он же. Знамя, поднятое истинными левеллерами // Там же. С. 47-83; Он же. Новогодний подарок парламенту и армии // Там же. С. 135–179.

⁹³ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии // Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 107–120; Он же. Новые цепи Англии // Там же. С. 47-66; Он же. Вторая часть Новых цепей Англии // Там же. С. 67-94; Он же. Открытое письмо Дж. Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы // Там же. С. 24-34.

⁹⁴ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 6-547 (далее – Гоббс Т. Левиафан...); Он же. О гражданине // Там же. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 270-507.

⁹⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135-407 (далее – Локк Дж. Сочинения); Он же. Мысли о воспитании // Там же. С. 407-609; Он же. Опыт веротерпимости // Там же. С. 66-90.

⁹⁶ Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe // The political writings of William Penn. Indianapolis: 2002. P. 401-421 (далее – Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe); Idem. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.01.2021).

⁹⁷ Fox G. George Fox's Journal. L.: Isbister and company, limited, 1903.

⁹⁸ Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства // Хрестоматия по истории педагогики в 4-х т. / Сост. И.Ф. Свядковский. М.: Учпедгиз, 1935. Т. 1. С. 296-303 (далее – Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа...).

английской истории: Д. Юма (1711–1776)⁹⁹ и К. Маколей (1731–1791)¹⁰⁰. Знаменитого политика и философа конца XVIII в., одного из родоначальников идеологии консерватизма, непримиримого противника революционных преобразований в обществе, обосновывавшего в своих трактатах необходимость постепенного реформирования общества с опорой на уже достигнутые результаты, национальные традиции и обычаи Э. Бёрка (1729–1797)¹⁰¹. И идейного оппонента Бёрка, сторонника радикального реформирования английского общества, Уильяма (Вильяма) Годвина (1756–1836)¹⁰², одним из первых выдвинувшего идею построения бесклассового общества, организованного как система самоуправляющихся общин. Важное значение для нас имели работы его жены М. Уолстонкрафт (1759–1797)¹⁰³, выступавшей за развитие прав и свобод народа, республиканскую форму

⁹⁹ Юм. Д. Диалоги о естественной религии // Юм Д. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 379-483; Он же. Об изучении истории // Там же. С. 707-711; Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688, in 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983.

¹⁰⁰ Macaulay C. The history of England, from the revolution to the present time, in a series of letters to the Reverend Doctor Wilson. L.: Andesite Press, 2017 (далее – Macaulay C. The history of England...); Idem. Letters on Education with Observations on Religions and Metaphysical Subjects. N.-Y.: Gale Ecco, 1994 (далее – Macaulay C. Letters on Education...).

¹⁰¹ Burke E. Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in certain societies in London. Oxford: Oxford University Press, 1999 (далее – Burke E. Reflections...); Idem. Letter to a Member of the National Assembly. L.: Woodstock Books, 1990 (далее – Burke E. Letter to a Member of the National Assembly); Idem. Remarks on the Policy of the Allies with Respect to France // The works of Edmund Burke in 9 vol. L.: Nobel Press, 2020. Vol. 7. P. 117-201 (далее – Burke E. Remarks on the Policy of the Allies...); Idem. Select Works of Edmund Burke: Letters on a Regicide Peace. L.: Liberty Fund, 1999 (далее – Burke E. Select Works...).

¹⁰² Годвин В. О собственности. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958 (далее – Годвин В. О собственности); Godwin W. An Account of the Seminary // Godwin W. Four Early Pamphlets. The Project Gutenberg EBook. 2004. URL: www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=43583 (дата обращения: 26.06.2020); Idem. Italian Letters, Vols. I and II or, The History of the Count de St. Julian. The Project Gutenberg EBook. 2012. URL: www.gutenberg.org/cache/epub/9299/pg9299-images.html (дата обращения: 26.06.2020); Idem. An enquiry concerning political justice, and its influence on general virtue and happiness. N.-Y.: Nabu Press, 2011 (далее – Godwin W. An enquiry concerning political justice...). Ещё один его трактат, написанный в 1824–1828 гг., проанализирован Н.С. Креленко («История Английской республики» Уильяма Годвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2008. Т. 8, № 2. С. 23-27), не вошёл в поле нашего зрения, поскольку не укладывается в заявленные хронологические рамки диссертации.

¹⁰³ Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. Harmondsworth: Penguin, 2004; Idem. The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman. Toronto: Broadview Literary Texts, 1997.

правления и равноправие женщин в обществе. А также английского политика, принципиального противника войны Англии с североамериканскими колониями и сторонника идей Французской революции 1789–1799 гг. Дж. Картрайта (1740–1824)¹⁰⁴.

Третьей группой источников, использованных при написании диссертационного исследования, являются документы официального происхождения. Обращение к ним обусловлено необходимостью детального анализа исторической обстановки в Англии с целью выявления событий, явлений и процессов, оказавших наибольшее влияние на трансформацию и эволюцию мировоззрения английских мыслителей. В работе использовались, прежде всего, парламентские акты, законы и постановления, непосредственно влиявшие как на развитие социума, так и общественной мысли Англии. Это такие важные документы, как «Акт о супрематии»¹⁰⁵, «Акт об измене»¹⁰⁶ (оба – 1534 г.), «Петиция о праве» (1628 г.), «Великая ремонстрация» (1640 г.), «Постановление палаты общин об объявлении себя верховной властью английского государства»¹⁰⁷, «Акт об объявлении Англии свободным государством» (оба – 1649 г.)¹⁰⁸, «Навигационный акт» (1651 г.)¹⁰⁹, «Билль о правах»¹¹⁰, «Акт о веротерпимости» (оба – 1689 г.)¹¹¹, «Акт о

¹⁰⁴ Cartwright J. Take Your Choice!: Representation and Respect, Imposition and Contempt; Annual Parliaments and Liberty, Long Parliaments and Slavery. L.: Forgotten Books. 2019 (далее – Cartwright J. Take Your Choice!).

¹⁰⁵ Henry VIII's Act of Supremacy (1534). URL: <https://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm> (дата обращения: 31.01.2020).

¹⁰⁶ Treasons Act (1534). URL: <http://fs2.american.edu/dfagel/www/1534treasons.htm> (дата обращения: 31.01.2020).

¹⁰⁷ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 22–29, 41–49, 71 (далее – Конституции и законодательные акты буржуазных государств...).

¹⁰⁸ Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. Кн. 1. С. 35 (далее – Хрестоматия по истории Нового времени...).

¹⁰⁹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств... С. 81–84.

¹¹⁰ Хрестоматия по истории Нового времени... Кн. 1. С. 126–133.

¹¹¹ An Act for Exempting their Majestyes Protestant Subjects dissenting from the Church of England from the Penalties of certaine Lawes // The Statutes of the Realm: Volume 6, 1685–94 / Ed. John Raithby. L.: Great Britain Record Commission, 1819. P. 74–76.

соединении с Шотландией» (1707 г.)¹¹². Также, при необходимости, использовались материалы дебатов в английском парламенте, изданные в начале XIX в. публицистом Уильямом Коббетом¹¹³.

Для того чтобы лучше оценить самобытность английских мыслителей, выявить свойственные им мировоззренческие доминанты, показать их новаторство в сравнении с идеями континентальных философов, были изучены произведения мыслителей других государств. Например, чешский «Трактат об установлении мира в мире христианском» (1464 г.)¹¹⁴, «Завещание» (1502 г.)¹¹⁵ королевы Кастилии и Леона Изабеллы I Кастильской (1451–1504), сочинение французского мыслителя начала XVI в. Э. Крюсе (1590–1648) «Новый Киней...» (1623 г.)¹¹⁶.

В тех случаях, когда английские мыслители параллельно с изданием научных и философских трактатов создавали художественные произведения, содержащие их идеи в популярной форме, мы прибегали также к анализу художественной литературы. Так, был проанализирован роман У. Годвина «Приключения Калеба Уильямса» (1794 г.)¹¹⁷, в котором мысли философа были изложены в более простой форме, призванной привлечь к выдвигаемым им идеям и рассматриваемым проблемам широкий круг читателей.

В совокупности все обозначенные группы исторических источников создают репрезентативную источниковую базу для проведения исследования, позволяющую раскрыть тему диссертационной работы.

Методологическая основа исследования. Методологической основой диссертационного исследования является такое современное научно-

¹¹² Конституции и законодательные акты буржуазных государств...С. 137–140.

¹¹³ Cobbett W. Parliamentary History of England from the earlier period to the year 1803. L.: T.C. Hansard, 1816–1819. Vols. II-V, XVIII, XIX.

¹¹⁴ The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1964. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin). P. 91-99.

¹¹⁵ Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново: Ивановский государственный университет, 1992. С. 113–145.

¹¹⁶ Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 60–114.

¹¹⁷ Годвин У. Калейб Уильямс. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

методологическое направление, как новая интеллектуальная история. Именно это направление позволяет детально реконструировать процесс формирования и эволюции мировоззрения мыслителей различных эпох, а также сферы бытования выдвигаемых ими идей в социуме¹¹⁸. В рамках новой интеллектуальной истории уместно обращение как к классическим методам исторической науки – принципам историзма и объективизма, так и к специальным историческим методам: сравнительно-историческому, проблемно-хронологическому и историко-психологическому.

Принцип историзма подразумевает постижение исторических явлений и процессов в динамике их развития, с учетом того, как данное явление или процесс зарождались, и какие стадии в своем развитии прошли. Принцип объективизма предполагает акцентирование внимания в исследовании на конкретных исторических событиях, явлениях и процессах с опорой на данные исторических источников.

Сравнительно-исторический метод применялся нами для выявления особенностей мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв. посредством анализа и сравнения выдвигаемых ими идей и концепций. Также применение данного метода способствовало рассмотрению эволюции мировоззрения английских интеллектуалов путем сопоставления идей мыслителей разных эпох.

Применение проблемно-хронологического метода позволило рассмотреть трансформацию общественного развития Англии, выявить взаимосвязь между изменениями, происходившими в английском обществе и эволюцией мировоззрения английских мыслителей. Кроме того, применение данного метода позволило проследить трансформацию мировоззренческих типов английских мыслителей на протяжении XVI–XVIII вв.

¹¹⁸ «Интеллектуальная история – это современное направление развития исторической науки, ориентированное на реконструкцию исторического прошлого, каждой из областей и форм знания как части интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию». – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 348.

Историко-психологический метод расширил возможности анализа мировоззрения английских мыслителей путем изучения не только текстов их трудов и влияния на них исторических условий, но и рассмотрения личностных особенностей и жизненного пути интеллектуалов. Также применение данного метода способствовало выявлению причинно-следственных связей между историческими событиями, явлениями и процессами, и трансформацией мировоззрения рассматриваемых деятелей.

Научная новизна данной работы заключается в переосмыслении причин, хода и последствий эволюции мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв. При изучении социально-экономического контекста их деятельности обращено внимание на то, что в развитии английской общественной мысли было несколько важнейших точек бифуркации, кардинальным образом сменивших направленность основных идей, выдвигаемых интеллектуалами и серьезно повлиявших на социальные характеристики английских мыслителей. Осуществлена критика работ предшествующих авторов, писавших о жёсткой детерминированности ментальных процессов в Англии социально-экономическими условиями. Предложено принципиально иное объяснение причин этой эволюции, заключающееся в том, что, несмотря на существование в сознании английских интеллектуалов устойчивых доминант мировоззрения, определявших направленность их идей, и отличавших их от мыслителей других стран, перманентно кризисные условия развития страны на протяжении XVI–XVIII вв. привели к формированию «рационально-механистического» и «органического» типов мировоззрения. Каждый из них, сохраняя определенные базовые доминанты, претерпевал серьезную трансформацию на протяжении рассматриваемого хронологического периода. Это обеспечило, в основном, эволюционный переход от религиозного сознания к иным ментальным конструкциям, характерным для общества с буржуазными ценностями. Научную новизну исследования усиливает использование ранее неизвестных в российской историографии

документов из «Архива Харли» Национальной библиотеки Великобритании (British Library).

Основные положения, выносимые на защиту.

- 1) Новаторские идеи, выдвигаемые английскими мыслителями, являясь отражением различных этапов социально-экономического развития общества, в то же время, оказывали огромное влияние на изменение взглядов представителей правящих кругов и политической элиты страны.
- 2) Деятельность аристократов-интеллектуалов (подобных Т. Мору, Ф. Бэкону или Ф. Годвину), как правило, жёстко детерминированная их социальным положением, изменила свой смысл с началом идейной полемики с представителями идущих на смену аристократии новых социальных слоёв. При этом, и те, и другие были вынуждены вырабатывать другую аргументацию, переходя от опоры на традиционные религиозные авторитеты (библейские истины, христианский «здравый смысл» (common sense) и концепцию «истинной справедливости») к иным ментальным конструкциям. Наличие парламента (в мирное время), революционные события середины XVII в., а в XVIII в. – освобождение прессы от государственной цензуры вывели эту идейную полемику, а, следовательно, и её носителей, на арену политической борьбы между различными социальными группами английского общества.
- 3) Вне зависимости от социального положения, конкретного жизненного опыта и отношения к существующей действительности, все английские мыслители в той или иной форме – от прямого пацифизма и реформизма до веры в историческую преемственность и прогресс разума – придерживались концепции эволюционного пути развития общества. Эта концепция неизменно включала в себя такие доминанты мировоззрения английских мыслителей, как признание существования данной англичанам Богом «народной справедливости» и особое понимание концепта «патриотизм».

- 4) По отношению к мировоззрению английских мыслителей XVI–XVIII вв. фактически неприменима устоявшаяся в научной литературе классификация мировоззренческих типов – религиозно-мифологического, метафизического и научно-рационального. Мировоззрение английских интеллектуалов, зачастую, содержало разноплановые элементы, характерные для различных типов мировоззрения.
- 5) Несмотря на высокую степень напряжения в идейной полемике английских мыслителей XVI–XVIII вв. по поводу принципиальной возможности, способов и принципов построения «справедливого общества», в выдвигаемых ими концепциях прослеживаются общие базовые мировоззренческие установки.
- 6) Многофакторная эволюция идейных концепций английских мыслителей XVI–XVIII вв. привела к формированию «рационально-механистического» и «органического» типов мировоззрения, каждый из которых обеспечил Англии, в основном, эволюционный переход от религиозного сознания к иным ментальным конструкциям, характерным для общества с устоявшимися буржуазными ценностями. Эта ментальная революция в дальнейшем способствовала завоеванию Англией лидерских позиций в Европе и во всём мире.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что в научный оборот вводится ряд неопубликованных и малоизвестных в российской историографии архивных материалов из оцифрованных фондов Национальной библиотеки Великобритании («Архив Харли»). Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в научной деятельности, связанной с анализом развития английской общественной мысли XVI–XVIII вв. и изучением мировоззрения английских интеллектуалов данного периода. Материал диссертационного исследования может быть также применён для подготовки элективных учебных курсов и пособий для студентов высших учебных заведений по истории Англии XVI–

XVIII вв. и по широкому кругу тематики Новой истории стран Европы и Америки.

Апробация результатов исследования. Результаты и выводы, полученные в ходе работы над диссертацией, представлены в ряде публикаций, подготовленных автором на различных этапах исследования. Результаты исследования были представлены на 30-й Юбилейной Международной научно-практической конференции «Запад и Восток: история и перспективы развития», проходившей в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина 18–19 апреля 2019 г. в виде доклада на тему «Идеи Джерарда Уинстенли и Роберта Филмера в контексте интеллектуальной истории». А также на Международной научно-практической конференции «Личность и общество в историческом процессе», проходившей в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина 9–10 апреля 2020 г. в виде доклада на тему «Роль интеллектуального наследия Роберта Филмера в формировании идеологий политических партий в Англии во второй половине XVII века».

Публикации:

В *рецензируемых научных изданиях ВАК* представлены следующие публикации автора, отражающие этапы подготовки диссертации:

1. Карпов Б.С. Эволюционный путь развития как доминанта мировоззрения английских мыслителей Нового времени (XVII–XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 70-86 (1 п.л.).
2. Карпов Б.С. Концепция изоляционизма в трудах английских мыслителей раннего Нового времени (XVI – начало XVII века): характерные черты и исторические условия формирования // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3 (47). С. 306-324 (1,1 п.л.).
3. Карпов Б.С. Эволюция мировоззрения Уильяма Годвина: влияние ранних ценностных установок на выработку общественно-политической концепции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 1. С. 59-73 (0,9 п.л. / 0,45 п.л.) [в соавторстве с А.А. Орловым].

В *других изданиях* представлены следующие публикации автора:

1. Карпов Б.С. Вильям Годвин и его концепция справедливого общества // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. Вып. IV. М.: МПГУ, 2015. С. 102–111 (0,6 п.л.).
2. Карпов Б.С. Духовные искания в эпоху Английской революции: в поисках «справедливого общества» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11. С. 83-91 (0,5 п.л.).
3. Карпов Б.С. Либертины как феномен общественной жизни Англии XVII века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. С. 197-205 (0,5 п.л.).
4. Карпов Б.С. Идеиные искания во времена Английской революции середины XVII века: левеллеры VS диггеры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 8. С. 62-70 (0,5 п.л.).
5. Карпов Б.С. Когнитивная культура английских мыслителей XVI–XVIII веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 37-44 (0,4 п.л.).

Участие в конференциях.

1. Карпов Б.С. Идеи Джерарда Уинстенли и Роберта Филмера в контексте интеллектуальной истории // Запад и Восток: история и перспективы развития: сборник статей 30-й Юбилейной Международной научно-практической конференции, 18–19 апреля 2019 года / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2019. С. 526-534 (0,5 п.л.).
2. Карпов Б.С. Роль интеллектуального наследия Роберта Филмера в формировании идеологий политических партий в Англии во второй половине XVII века // Личность и общество в историческом процесс: сборник статей Международной научно-практической конференции, 9–10

апреля 2020 года / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2020. С. 549-557 (0,5 п.л.).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Первая глава посвящена рассмотрению исторических условий развития Англии XVI – XVIII вв.; анализу основных исторических событий и процессов, повлиявших на эволюцию мировоззрения английских мыслителей изучаемого периода.

Во второй главе анализируются базовые мировоззренческие установки (доминанты) английских мыслителей.

В третьей главе рассмотрены основные типы мировоззрения английских мыслителей XVI – XVIII вв., их основные отличительные черты.

Глава 1. Исторические условия развития Англии в XVI – XVIII вв. (основные точки бифуркации)

1.1. Экономическое и политическое развитие Англии

В XVI–XVIII вв. в английской экономике произошли революционные изменения, в значительной степени повлиявшие на жизнь и мировоззрение англичан. Будучи в конце XV – начале XVI вв. аграрной страной, разоренной чередой войн, периферией Европы, оставшейся фактически за бортом разворачивавшегося в то время освоения Нового Света, Англия к концу XVIII в. превратилась в могущественную колониальную империю, а чуть позже, в XIX в., и в самое большое по территории государство в мире. Именно Англия, наряду с Республикой Соединенных провинций, с точки зрения историков-марксистов, является родиной капиталистических отношений. Для обоснования этой концепции приводятся следующие тезисы: в Англии произошла крупнейшая социальная революция середины XVII в., приведшая к казни короля Карла I и установлению республиканской формы правления. По мнению марксистов, революция, носившая буржуазный характер, являлась наглядным показателем кризиса феодализма и преимуществ более передового капиталистического строя. Революционные события, вызванные, во многом, экономическими причинами, разрушили привычный жизненный уклад англичан, заставили их превратиться из пассивных наблюдателей в движущую силу истории, что коренным образом меняло их мировосприятие. Если учитывать, что перемены в экономике приводили не только к кровавым гражданским войнам, но и к трансформации самого социума, т.е. к перемене основ менталитета части населения, а также к глубокой рефлексии по поводу совершившихся событий у представителей интеллектуальной элиты общества, то взаимозависимость между

экономической сферой и эволюцией мировоззрения английских мыслителей в трудах марксистов прослеживается еще более явно¹¹⁹.

К аналогичным выводам о наличии взаимосвязи между развитием английской экономики и трансформацией мировосприятия английских интеллектуалов приходили и представители других методологических направлений. Выдающийся представитель школы «Анналов», т.е. цивилизационного подхода к развитию истории, Ф. Бродель (1902–1985) рассматривал появление и развитие капитализма как продукт материальной культуры человеческого общества в целом, утверждая, что капитализм «не мог выйти из одного ограниченного источника»¹²⁰, быть продуктом развития лишь производительных сил. Но при этом, стремясь опровергнуть представления марксистов об экономике, как главной движущей силе общественного развития, он также отмечал взаимосвязь и взаимовлияние между различными сферами общественной жизни и непосредственное влияние экономического развития на духовную жизнь и мировосприятие людей¹²¹. Геополитик К. Хаусхофер (1869–1946) считал основной силой социального развития борьбу народов за расширение жизненного пространства и достижение экономической самодостаточности (автаркии), а развитие экономических, в т.ч. капиталистических отношений, производной от этой борьбы, способом более рационального использования имеющихся ресурсов. Он также указывал на взаимозависимость экономического развития и трансформации мировоззрения людей. С его точки зрения, необходимость постоянной борьбы с другими народами подстегивала духовное сплочение нации, выработку в мировоззрении граждан идеалов борьбы за свою страну и необходимость расширения жизненного пространства. Всё это, по мнению геополитиков, подстёгивало эволюцию

¹¹⁹ См., например: Всемирная история в 10 т. Т. 5. С. 516-531; Рутенбург В.И. Указ. соч. С. 72-81; Барг М.А. Место XVII века в истории Европы. С. 58-74; Он же. Великая английская революция...; Мортон А.Л. История Англии; Холореншоу Г. Указ. соч.; Хилл К. Английская революция.

¹²⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 400.

¹²¹ Он же. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 55-61.

экономических отношений, необходимых для расширения производства и экономической экспансии¹²².

В данной работе, ориентированной на реконструкцию процесса эволюции мировоззрения английских мыслителей на протяжении длительного периода, мы будем использовать как выводы учёных-марксистов, не отрицавших влияния ментальных изменений на экономический базис общества, так и выводы представителей иных исторических школ, прежде всего, цивилизационной школы исследований. Это позволит комплексно рассмотреть заявленную тему, избегая идеологических искажений, характерных не только для советских историков, но и для английских учёных XIX-XX вв., открыто заявлявших о своих политических пристрастиях в ущерб научной объективности или избравших такую методологию, которая заранее предопределяла их выводы¹²³.

Действительно, экономическое развитие Англии на рубеже XV-XVI вв. было крайне неровным. С одной стороны, как внешнеполитическая, так и внутриполитическая ситуация во второй половине XV в. были для Англии неблагоприятны. Середина века ознаменовалась для страны окончательной потерей обширных и богатых владений на юго-западе Франции, которыми она обладала на протяжении более чем двух столетий. В 1453 г. английские войска были полностью разгромлены в битве при Кастийоне, что стало последним сражением Столетней войны. И, хотя никакого мирного договора формально между Англией и Францией в 1453 г. подписано не было, из всех владений на континенте в руках англичан остался только порт Кале, который, впрочем, спустя столетие (в 1559 г.) по Като-Камбрезийскому договору также отойдет Франции. Через три года после Столетней войны, которая и без того была тяжелым испытанием для экономики и народа

¹²² Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 253-350.

¹²³ См., например, классическую работу яркого представителя консервативного направления (в Советском Союзе его называли «твердокаменным консерватором») Чарлза Омана (Ch. Oman) «A History of England» (Twenty-First Impression. L.: Edward Arnold, 1906).

Англии¹²⁴, в стране начинается междоусобная война за трон, вошедшая в историю под названием «Война Алой и Белой Розы» и продолжавшаяся с перерывами более трех десятилетий (1455–1487 гг.).

В Новое время Англия входила разоренной, в качестве терпящей одно бедствие за другим периферии Европы. В то время, как Испания и Португалия соперничали в погоне за богатствами Нового Света, получая тонны драгоценных металлов и уникальных (колониальных) товаров¹²⁵, Англия не приняла участия в начальном этапе Великих географических открытий. Английский мореплаватель Роберт Торн, проживавший долгое время в Севилье и участвовавший в открытии новых земель, в 1527 г. в письме Генриху VIII сетовал на пассивность своей страны в области географических открытий и настойчиво называл участие в них «исключительным долгом» английского короля¹²⁶. Однако его призыв не нашел тогда отклика в правящих кругах Англии, поскольку государство не обладало ни сильным флотом, ни достаточным количеством денег для организации масштабных экспедиций.

Но серьезные катаклизмы в истории государства и следующие за ними неизбежные перемены, приносящие, казалось бы, лишь горе, нищету и смерть множества людей, в долгосрочной перспективе привели к качественному повороту в развитии страны, к ее экономическому

¹²⁴ Английский богослов XV в. Джон Капгрейв писал о том, что англичане «питались древесной корой» во время военных походов. – Capgrave J. Chronicle of England. L.: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. P. 311-312. По свидетельству валлийского священника Адама из Аска, парламент вынужден был дважды отказать одному из популярнейших английских королей Генриху V в увеличении податей из-за «невыносимой тяжести налогов, сопровождавшейся слухами и сдержанными ругательствами народа, налоги ненавидящего». – Adam de Usk Chronicon. L.: Oxford University Press Warehouse, Amen Corner, E. C., 1904. P. 318-319.

¹²⁵ В итоге Испания и Португалия разделили по Тордесильяскому договору 1494 г. все открытые земли Нового света и продолжали покорение как Северной, так и Южной Америки.

¹²⁶ Thorne R. The discourse of the foresaid Robert Thorne, written to Doctour Leigh the Kings Ambassadour in Spaine touching that matter // Hakluyt R. The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. P. 164–181.

обновлению. Важнейшей точкой бифуркации ¹²⁷ в экономическом и политическом развитии Англии стало правление Генриха VII (1485–1509), реформы которого – изменение порядка взимания налогов с населения, протекционизм в торговле, создание Звездной палаты, как высшего суда при короле Англии и т.д. – привели к постепенному восстановлению экономики разорённой страны и укреплению королевской власти.

Война Роз означала для страны не только масштабную усобицу, политический хаос, кровопролитие и упадок экономики, но и то, что за период войны, по выражению Мортон, «вымерли почти все крупные аристократические семьи Англии... и новая монархия, основанная Генрихом VII, была уже монархией нового типа, базировалась на новом соотношении классовых сил»¹²⁸.

Под «монархией нового типа» английский ученый подразумевал монархию абсолютную, с сильной королевской властью¹²⁹. Действительно, большинство крупных феодалов (естественных противников усиления центральной власти в Англии со времён создания Великой хартии вольностей в 1215 г.) погибли в Войне Роз. Но основатель династии Тюдоров король Генрих VII, взошедший на престол в конце войны, несмотря на явные достоинства (военные навыки, дальновидность, умение лавировать между разными социальными группами) не отличался ни большим авторитетом в массе народа, ни выдающейся знатностью происхождения, ни харизмой. Необходимую поддержку власти Генриха VII могли обеспечить только городские олдермены (банкиры, ростовщики, купцы, богатые ремесленники) и представители постепенно складывающегося слоя джентри, т.е. те, кто в будущем составит оппозицию королевской власти в Палате общин английского парламента. Английский историк Н. Хеншелл оспаривал

¹²⁷ «Точка бифуркации — критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределённость: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдёт на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности». – Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2007. С. 631.

¹²⁸ Мортон А.Л. История Англии. С. 131.

¹²⁹ Там же. С. 150–155.

представление о формировании абсолютной монархии в Англии в конце XV – начале XVI вв., указывая, что «для Тюдоров активная пропаганда своей абсолютной власти была лишь своего рода защитным механизмом, ограждавшим права монархов от внешних посягательств»¹³⁰. Но, при этом, также заявлял о союзе королевской власти и городских олдерменов, сложившемся, согласно его мнению, не в силу формирования абсолютной монархии, а из-за слабости королевской власти, нуждавшейся в опоре¹³¹.

Для представителей данных групп населения войны, а, тем более, войны междоусобные, были крайне невыгодны, им нужна была крепкая королевская власть, покровительствующая развитию производства и торговли. Генрих VII как нельзя лучше подходил на эту роль. Он последовательно и относительно мягко нейтрализовал претензии оставшихся претендентов на английский престол¹³², ослабив, тем самым, влияние крупных феодалов.

Восстанавливая в государстве порядок, так, как он его понимал, Генрих VII занимался и развитием экономики. Для человека, не имевшего до восшествия на престол опыта управления, действия короля отличались прозорливостью и последовательностью. Прежде всего, внимание государственной власти было обращено на накопление денежных запасов в рамках традиционной для того времени экономической политики протекционизма или меркантилизма. Накопление денег стало главным лозунгом короля и за это должны были отвечать преданные ему люди. За исключением первых нескольких месяцев его правления, в Англии лишь раз

¹³⁰ Хеншелл Н. Миф Абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. С. 97.

¹³¹ Там же. С. 96–118.

¹³² Он подавил восстания самозванцев – Симнела Ламберта и Перкина Уорбека, выдававших себя за выживших представителей семейства Йорков, казнил, после попытки побега, последнего представителя династии Плантагенетов графа Эдварда Уорика, создал в 1488 г. отдельный суд при короле – «Звездную палату». При этом, расправляясь с потенциальными соперниками, Генрих VII в ситуациях, не угрожавших его власти, проявлял милосердие. Так, формальный лидер йоркского мятежа 1487 г. десятилетний Симнел Ламберт, которого, благодаря его удивительному сходству с Эдвардом Уориком, использовали сторонники Йорков, был после подавления восстания помилован и отправлен работать на королевскую кухню. – Cunningham S. Henry VII. N.-Y.: Routledge historical biographies, 2005. P. 17-53.

сменился лорд-казначей – большую часть правления эту должность занимал Джон Дайнем, а после его смерти в 1501 г. – Томас Говард. (Для сравнения: в предшествующий период, с 1401 по 1485 гг. эту должность занимали 40 чел., причем некоторые из них дважды¹³³). Первый король из династии Тюдоров показал себя бережливым правителем. Спустя столетие Френсис Бэкон так охарактеризует Генриха VII: «Он был королем, который любил богатство и деньги и не потерпел, чтобы торговля захирела»¹³⁴. Современная отечественная исследовательница Ю.И. Царева оспаривает тезис о решающей роли политики протекционизма и меркантилизма в правление Генриха VII, отметив: этот тезис «...противоречит некоторым финансовым и налоговым мероприятиям, проводимым им (королём. – Б.К.) по отношению к экспортным пошлинам»¹³⁵. Главным источником экономического развития Англии в конце XV – начале XVI вв. она считает реформы денежной системы и налогообложения в стране, проводимые в правление Генриха VII, в первую очередь, ухудшение пробы монеты и учащение займов (беневоленций) с населения на ведение войн¹³⁶.

Но, всё же, факт остаётся фактом – королю удалось накопить крупные средства в казне. Он прозорливо использовал их для интенсификации участия Англии в международной торговле, приносившей значительные прибыли. Тревельян отмечал, что «в начале XVI века английская торговля переживала подъем после относительного застоя»¹³⁷. В результате этих действий в казне появились свободные денежные средства для масштабного реформирования в последующую эпоху всех важнейших отраслей жизни страны. Мортон акцентирует внимание на том, что после своей смерти король оставил в казне почти 2 млн. ф.ст., цифру колоссальную,

¹³³ Chrimes S.V. Henry VII. California: University of California Press, 1973. P. 121.

¹³⁴ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М.: Наука, 1990. С. 99.

¹³⁵ Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.-СПб.: Петроглиф, 2020. С. 8.

¹³⁶ Там же. С. 8. Подробнее об этом см. на с. 68–125.

¹³⁷ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. С. 116–117.

«равняющуюся, по крайней мере, сумме обычных поступлений в казну за 15 лет»¹³⁸.

Не забудем и про неоднозначное влияние на английскую экономику «революции цен» XVI в. После открытия и начала освоения Нового Света в Европу массово начали поступать драгоценные металлы. От их переизбытка в Европе выиграли не те страны, которые их ввозили – Испания и Португалия (они довольно быстро, благодаря расточительности власть имущих, отсутствию протекционизма и постоянным «войнам за веру», утратили свои богатства), а страны, руководствующиеся принципами протекционизма. Выше уже говорилось о том, что эти принципы были взяты на вооружение Генрихом VII.

Обесценивание драгоценных металлов, и, как следствие, падение стоимости денег (инфляция) привели к резкому росту цен на продукцию сельского хозяйства и ремесла. Согласно расчетам Ч. Киндлбергера, в Испании и Португалии за период XVI в. цены выросли в 4-5 раз; в Англии цены поднялись не так существенно, всего в 1,5-2 раза¹³⁹, хотя для европейцев, фактически не знавших инфляции в Средние века, данное явление было шоком, качественным изменением их жизни. При росте цен в 1,5 раза рост заработной платы городских наемных работников едва достигал 30%¹⁴⁰. Что, естественно, делало их труд крайне выгодным, но не для условий феодального общества.

С существенным ростом цен и небольшим повышением как платы наемных работников, так и арендной платы за землю, прежнее хозяйство феодального типа приходило в упадок. Если прибавить к этому тот факт, что рост цен на товары легкой, в первую очередь, текстильной промышленности существенно превышал рост цен на хлеб, традиционное земледелие мелких крестьянских собственников становилось и вовсе невыгодным, что

¹³⁸ Мортон А.Л. История Англии. С. 151.

¹³⁹ Kindleberger C.P. Economic and Financial Crises and Transformations in Sixteenth-century Europe. Princeton: International Finance Section, Department of Economics, Princeton University, 1998. P. 69-72.

¹⁴⁰ Царева Ю.И. Указ соч. С. 186.

подстегивало стремление богатых и предприимчивых людей сгонять крестьян с общинных земель. Благодаря совокупности вышеизложенных факторов, в XVI в. в Англии началось развитие буржуазных отношений в некоторых отраслях легкой промышленности.

Так в Англии на заре Раннего Нового времени появились условия для выхода экономики и торговли из длительной рецессии и кризиса, на базе чего оказалось возможным складывание тесного союза королевской власти и производящих слоёв общества, предопределившее постепенное укрепление основ абсолютной монархии. Это, в свою очередь, способствовало началу масштабных социальных изменений на базе давно уже идущего процесса огораживаний в деревне и разложения системы цехового производства в городах. Такая картина в сочинениях историков-марксистов именовалась «разложением феодальных отношений»¹⁴¹.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что в XVI в., действительно, перекраивались границы всех социальных групп старой Англии. Среднее и мелкое дворянство (сквайры), неспособное обеспечить выживание своего хозяйства за счёт производства зерновых культур и других продуктов питания, переходило к созданию перерабатывающих предприятий, продукция которых поступала на внутренний и внешний рынок. Ради получения кредитов они вступали в тесные экономические и личные отношения с олдерменами. Английская деревня стремительно менялась. Десятки тысяч крестьян теряли свои земли, становясь пауперами, т.е. бедняками, жившими чаще всего за счет церковного прихода и случайных заработков, а иногда и воровства. Под впечатлением от массовых народных бедствий Томас Мор в своей «Утопии» поместит фразу, ставшую уже после его смерти крылатым выражением – «Овцы съели людей»¹⁴². Английское мануфактурное производство, конечно, росло в XVI–XVII вв., но не настолько, чтобы дать работу всем её жаждавшим, тем более, что в XVI в.

¹⁴¹ Всемирная история в 10 т. Т. 4. М., 1958. С. 314.

¹⁴² Мор Т. Утопия. С. 132.

«армия пауперов» пополнялась и из других источников – это были бывшие солдаты, участвовавшие в Войне Роз, после которой их содержание для разорившихся сеньоров стало невыгодным, да и не нужным в относительно мирное время, и огромное количество монастырских служек, ставших пауперами в результате массового закрытия монастырей во время реформации Генриха VIII¹⁴³. Подобные социальные изменения, естественно, вызывали протесты со стороны бедноты, и порождали меры английских властей по борьбе, с одной стороны, с огораживаниями, а, с другой, с самой беднотой – знаменитые законы «о бродяжничестве»¹⁴⁴.

Кризис XVI в. не мог не отразиться на мировоззрении английской интеллектуальной элиты. Потеря «исконно английских» территорий на континенте, отставание от стран, первыми начавших колониальные захваты, тяготы войн и горечь поражений, тяжёлые внутренние проблемы не могли не вызвать у английских интеллектуалов идею необходимости изоляции общества, как условия его успешного развития, а также отвращение к насилию и войнам, любовь к строгости и порядку. А социальные катаклизмы, в частности, пауперизация крестьянства, породили, с одной стороны, критику верховной власти, которая не может или не хочет справиться с народными бедствиями, а, с другой стороны, критическое отношение к «нуворишам», использующим богатство и частную собственность не во благо обществу, а для личных своекорыстных целей.

Королевская власть, ощутившая твёрдую почву под ногами при Генрихе VII, смогла добиться немалых успехов как в промышленном производстве, так и в торговле, а позже и во внешней политике в период правления его знаменитого преемника. Развитие английского общества в период «Королевской реформации», проведённой Генрихом VIII, является, на наш взгляд, следующей важной точкой бифуркации.

¹⁴³ Мортон А.Л. История Англии. С. 143–145.

¹⁴⁴ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения... С. 9.

При всей её неоднозначности, «Королевская реформация», безусловно, укрепила как силу королевской власти – король стал главой не только власти светской, но и церковной, так и экономическое положение государства. Во-первых, сама по себе Реформация подразумевала более «дешевую» церковь, и, во-вторых, государство обогатилось за счет церковной собственности. Только монастырей в Англии было закрыто около 800, а земли их конфискованы в пользу государства¹⁴⁵. Большая часть этих земель была впоследствии перераспределена в пользу сквайров.

Огромная масса дешевой рабочей силы, сочетавшаяся с «революцией цен», кризисом феодальной знати и проникновением в Англию идей кальвинизма (в Англии известен под названием «пуританизм»), одним из главных догматов которого было стремление к материальной состоятельности, как показателю возможной богоизбранности, способствовали развитию буржуазных отношений. Если, например, в середине XIV в. Англия экспортировала менее 5 тыс. кусков сукна, то к 1547 г. уже более 120 тыс.¹⁴⁶ Если до середины XVI в. угольная промышленность в Англии была фактически не развита, наемный труд в ней практически не использовался (число шахтеров не превышало 3-4 тыс.), то к началу XVII в. в этой отрасли промышленности трудилось более 30 тыс. чел.¹⁴⁷ Подобную статистику можно привести и по другим отраслям английского производства XVI в., но анализ экономической статистики не является нашей целью.

Мы лишь констатируем, что к концу XVI в. Англия, бывшая столетие назад периферией Европы, начала стремительно догонять, а в отдельных случаях и перегонять другие европейские страны. Этому способствовала деятельность дочери Генриха VIII королевы Елизаветы I. Внешнеполитические успехи периода её правления, способствовавшие превращению Англии не только в экономически развитую державу, но и в одну из сильнейших в военном плане стран Европы, проводящую активную

¹⁴⁵ Morris T.A. Europe and England in the Sixteenth Century. L.: Routledge, 1998. P. 162–180.

¹⁴⁶ Левин Г.Р. Очерки по истории Англии. С. 71-73.

¹⁴⁷ Там же. С. 77.

колониальную экспансию, можно назвать очередной точкой бифуркации. Факты, подтверждающие это, как говорится, налицо. В 1588 г. был разгромлен считавшийся сильнейшим в Европе военный флот – испанская «Непобедимая армада»¹⁴⁸. Если Генрих VII и Генрих VIII лишь наращивали торговый флот, не вступая в прямую конфронтацию с торговыми «гигантами» того времени – Испанией и Португалией, то Елизавета I бросила им открытый вызов.

Да, Англия практически не участвовала в Великих географических открытиях и не могла напрямую вывозить богатства из Нового Света, однако, в богатствах этих, а также в ослаблении испанского и португальского влияния была крайне заинтересована. И, в данном стремлении, нашла себе необычного, но очень полезного союзника – пиратов. Несмотря на то, что в 1560–1570-х гг. никакой официальной войны между Англией и Испанией не было, пираты, негласно подчиняющиеся Англии¹⁴⁹, нещадно грабили испанские суда¹⁵⁰. Накопленные таким образом средства были легализованы через создание монопольных торговых компаний, прежде всего, тех, которые занимались внешней (морской) торговлей. Своеобразным итогом торговой политики Елизаветы I, показателем её успешного развития было учреждение в 1600 г. Британской Ост-Индской компании, купцы которой в начале XVII в. совершили несколько успешных торговых экспедиций в Юго-Восточную Азию, в 1612 г. основав факторию в Сурате (город на западе Индии)¹⁵¹.

Экономический потенциал Англии рос колоссальными темпами, однако, диспропорции в экономике усиливали и социальные противоречия. Благодаря развитию торговли, мореплавания, промышленного производства обогащались представители нарождающейся буржуазии, что имело два

¹⁴⁸ Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester: Penguin Books, 1999. P. 10–19.

¹⁴⁹ Наиболее известным из них является Френсис Дрейк – сын фермера, который в 1580 г. после удачной экспедиции привез в Англию награбленные испанские сокровища на сумму, в 2 раза превышавшую ежегодный доход королевства, и был за это посвящен королевой в рыцари. – Губарев В.К. Фрэнсис Дрейк. М.: Молодая Гвардия, 2013. С. 179–180.

¹⁵⁰ См.: Там же. С. 49-73.

¹⁵¹ См.: Gardner B. The East India Company: a History. L.: Hart-Davis, 1971.

непосредственных следствия. Низшие слои общества – пауперизированные крестьяне, бродяги – оказывались выкинуты за пределы всех общественных слоев, количество представителей маргинального социального дна росло, их ненависть к власти имущим и богачам увеличивалась, поэтому неудивительно, что у представителей низших слоев английского общества в середине XVII в. появятся свои идеологические лидеры. Дискуссия о путях построения «справедливого общества» и его основных компонентах серьезно расширится в социальном плане. Непосредственным катализатором такого расширения послужит очередная точка бифуркации, являвшаяся итогом копившихся длительное время социально-экономических, политических и религиозных противоречий – Английская революция середины XVII в.

Конечно, социальные низы английского общества к середине XVII в. еще не выработали собственной идеологии и не были готовы к широкой общественной полемике в интеллектуальном поле. Впрочем, историки-марксисты считали иначе. Например, Холореншоу в своей работе «Левеллеры и английская революция» писал: «Важность движения левеллеров для британского современного социализма заключается в том, что идеалы социализма и коммунизма не оказываются для Англии чем-то чуждым. <...> На самом деле справедливо как раз обратное. Англичане во время революции XVII века первые увидели образ кооперативной социалистической республики и начали борьбу за её осуществление»¹⁵². Однако подобная оценка революции как борьбы народа за социалистическое устройство общества среди большинства историков в дальнейшем не нашла поддержки.

Революция в Англии середины XVII в. была явлением разноплановым – её причины заключались и в социальных, и в религиозных, и в экономических противоречиях. О социальных и религиозных противоречиях в английском обществе XVII в. будет рассказано в последующих разделах данной главы. Экономически же революция продемонстрировала разрыв

¹⁵² Холореншоу Г. Указ. соч. С. 133.

союза монархии, с одной стороны, городских олдерменов и части джентри, с другой, сложившегося в XV – начала XVI вв.

Если в начале XVI в. и корона, и предприимчивые дельцы нуждались друг в друге, то к началу следующего века представители богатой, но незнатной части общества желали большего, чем невмешательство короны в их дела и покровительство в торговле. Разбогатевшие на огораживаниях джентри, «денежные мешки» лондонского Сити, владельцы крупных мануфактур и торговых компаний жаждали увеличения своей политической роли. Пока «старое дворянство» слабело, все вышеперечисленные группы населения богатели. О такой тенденции, например, свидетельствуют интересные данные о землевладении в Англии в XVI–XVII вв. В период с 1558 (восшествие на престол Елизаветы I) до 1642 г. (начало первой гражданской войны) количество пэров – представителей высшей знати – возросло в 2 раза, но при этом к 1642 г. в сумме они владели меньшим числом маноров, нежели в 1558 г.¹⁵³

Король, бывший еще столетие назад защитником торговли и инициатором изменений в экономике, стал олицетворением деспотизма и тирании, а парламент, как орган сословного представительства – «гласом обделенного народа». Способствовали ослаблению авторитета королевской власти и сами личности английских королей начала XVII в. – Якова I и Карла I Стюартов, которые проводили политику укрепления абсолютизма по французским и испанским образцам, да еще и сами по себе являлись для англичан «чужаками» – представителями шотландской династии. Если, по выражению Гардинера, Елизавете I «английский народ был готов простить очень многое, то новых королей он прощать не собирался»¹⁵⁴, обвиняя их во всех мыслимых и немыслимых несчастьях.

Так, в середине XVII в. в Англии накал общественных, религиозных, экономических и политических противоречий привел к кровавой революции

¹⁵³ Барг М.А. Великая английская революция... С. 62.

¹⁵⁴ Гардинер С.Р. Указ. соч. С. 9.

1640–1660 гг., в период которой был казнен Карл I, Англия стала республикой (1649 г.), «переродившейся» в протекторат Кромвеля (1653–1658 гг.), а затем в 1660 г. была вновь восстановлена монархия – к власти пришел сын казненного короля Карл II.

Однако в рамках задач нашего исследования описание событий революции нам не столь необходимо. Важно отметить два момента – революция, с одной стороны, являлась противостоянием короля в союзе с частью «старой аристократии» и блока джентри и олдерменов, борющимся за власть, которую до свержения монархии поддерживали народные низы, ожидающие от короля защиты и разнообразных подачек. В события революции оказалось вовлечено все английское общество, что привело к появлению у каждого социального слоя своего идеологического лидера. Общественная мысль Англии в период революции переживает бурный подъем, связанный с радикальным расширением социальной базы – обсуждение вопросов построения идеального общества, экономических и политических реформ становится уделом не только интеллектуалов из верхушки общества, но актуальной задачей для совершенно разных по своему происхождению людей. Причем произведения данного периода, в силу скоротечности социально-экономических и политических изменений, а также возникшей вследствие этого веры многих людей в возможность осуществления любых, даже радикальных изменений, принимают характер не «образных утопий», а конкретных моделей «справедливого общества».

Свои модели «справедливого общества» предлагала «старая аристократия» в лице Филмера – труды «Патриарх» и «Анархия ограниченной монархии»; представители состоятельных джентри – трактат «Республика Океания» Гаррингтона; бедные джентри, представители средних торгово-ремесленных кругов – политические памфлеты Лильберна;

и даже малоземельные и пауперизированные крестьяне – «Закон свободы» Уинстенли¹⁵⁵.

Английская экономика во второй половине XVII в., несмотря на последствия революции и гражданских войн, развивалась стремительными темпами. Еще в период революции был принят важнейший для английской торговли закон – «Навигационный акт 1651 года», который предоставлял английским купцам исключительное право ввоза неевропейских товаров в Англию. «Никакие продукты или товары, произрастающие, производимые или вырабатываемые в Азии, Африке и Америке, или в какой-либо их части, или на принадлежащих им или кому-либо из них островах... не должны ввозиться или доставляться в английское государство, или в Ирландию, или же в какие-либо другие земли, острова, плантации или территории, принадлежащие английскому государству или состоящие в его владении, на каком-либо ином корабле или кораблях, судне или судах, кроме тех, которые действительно и без обмана принадлежат лишь гражданам английского государства или ее плантаций как собственникам...», – говорилось в нём¹⁵⁶. Естественно, столь жесткие протекционистские меры возмутили главного торгового конкурента Англии XVII в. – Республику Соединенных провинций. Однако три англо-голландские войны (1652–1654, 1665–1667, 1672–1674 гг.) привели не к отмене «Навигационного акта» а, напротив, к уступкам со стороны Республики – она была вынуждена отдать Англии огромные колониальные владения – Новые Нидерланды (Восточное побережье Северной Америки)¹⁵⁷. Так, Англия, защищая своих купцов, военным путем добилась торгового преимущества над главным торговым конкурентом.

¹⁵⁵ Filmer R. Patriarcha; Harrington J. The commonwealth of Oceana; Лильберн Дж. Памфлеты; Уинстенли Дж. Закон свободы.

¹⁵⁶ Акт об увеличении торгового флота и поощрении мореплавания английской нации (Навигационный акт) 9 октября 1651 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств... С. 82.

¹⁵⁷ См.: Boxer C.R. The Anglo-Dutch Wars of the 17th Century, 1652–1674. L.: Her Majesty's stationery office, 1974.

Но Новыми Нидерландами отнюдь не ограничились колониальные приобретения Англии. Еще в правление Елизаветы I в 1583 г. английский путешественник Гилберт Хемфри объявил о присоединении к Англии о. Ньюфаундленд, а уже через год его единоутробный брат – сэр Уолтер Рэли основал колонию Роанок на побережье современной Северной Каролины (однако, вследствие отсутствия опыта или внешней угрозы колония исчезла до прибытия третьей группы поселенцев, за что получила название «потерянная колония») ¹⁵⁸. В XVII в. к англичанам приходят настоящие успехи в деле колонизации. В 1607 г. появляется первое постоянное поселение англичан в Северной Америке – Джеймстаун. Появляется ряд английских колоний на о-вах Карибского моря – Сент-Китс (1624 г.), Барбадос (1627 г.), Невис (1628 г.). Эти колонии приносили немалую прибыль за счет выращивания там сахарного тростника. В середине XVII в. (в 1655 г.) – Англия отвоевала у Испании о. Ямайку. В правление Карла II Уильямом Пенном была основана одна из крупнейших колоний в Америке – Пенсильвания ¹⁵⁹. Продолжалось развитие торговых компаний. Упомянутая выше Ост-Индская компания расширяла свое влияние на п-ове Индостан – к середине века количество её факторий выросло с 1 в 1612 г. до 23 в 1647 г., а в 1668 г. компания арендовала огромный о. Бомбей. В 1670 г. англичанами была основана одна из старейших и крупнейших торговых компаний Северной Америки – Компания Гудзонова залива, получившая монопольное право на торговлю мехами в Земле Руперта (центральная часть современной Канады) ¹⁶⁰. И это лишь небольшая часть торговых и колониальных успехов англичан XVII в., их полное описание заняло бы сотни страниц.

Естественно, при подобном развитии экономики и торговли, а, значит, и укреплении влияния буржуазии, ни о каком английском абсолютизме

¹⁵⁸ См.: Hariot Th., Lawson J., White J. A Vocabulary of Roanoke. NJ.: Evolution Publishing, 1999.

¹⁵⁹ См.: Richter D. Before the Revolution: America's ancient pasts. Cambridge: Belknap Press, 2011.

¹⁶⁰ См.: Lawrence J. The Rise and Fall of the British Empire. N.-Y.: St. Martin's Publishing Group, 1997.

времен XVI в. не могло больше идти и речи. Революция середины века обернулась диктатурой Кромвеля и закончилась реставрацией монархии, но её главная идея – ограничение королевской власти – забыта не была. Весь период правления Карла II Англия последовательно двигалась к парламентской монархии. В правление Карла II в парламенте формируются политические партии – вигов и тори, первая из которых отражала интересы блока джентри и торгово-промышленной буржуазии¹⁶¹. Ни политическая изворотливость Карла II, ни его интриги, направленные на ослабление влияния парламента в финансовых вопросах – наиболее ярким примером такой интриги является тайный Дуврский договор (1670 г.) с Францией, в котором он обещал принять католичество и разорвать отношения с протестантскими странами в обмен на финансовую помощь, не способны были вернуть Англию на путь абсолютной монархии.

В 1679 г. был принят важнейший законодательный акт, составивший одну из главных частей неписанной английской конституции – «Хабес корпус акт». Этот закон закреплял принцип презумпции невиновности, предоставляя гражданам право получать сведения о причинах задержания и доказательства законности задержания. Правило «Хабес корпус» существовало в Англии еще в период Средних веков, но применялось по усмотрению судей, акт же 1679 г. сделал его правом любого гражданина¹⁶². Важнейшей вехой (точкой бифуркации) в формировании в Англии основ парламентской монархии и расширении законных возможностей представителей формирующейся буржуазии влиять на политико-экономическое развитие страны стала «Славная революция» 1688–1689 гг. После прихода к власти Якова II в 1685 г., человека крайне непопулярного в народе, сторонника сближения с Францией, а также установления в Англии абсолютной монархии по французскому образцу, ограничение королевской

¹⁶¹ Лабутина Т.Л. Наследие английской революции в идеологии ранних политических партий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История, 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 587-600.

¹⁶² См.: Sharpe R.J. The law of Habeas Corpus. Oxford: Clarendon press, 1976.

власти стало насущной необходимостью. От Якова II отвернулись практически все социальные слои, что позволило «Славной революции» 1688–1689 гг. стать фактически бескровной. Яков II был свергнут, а в Англии окончательно установилась парламентская монархия¹⁶³. В 1689 г. был принят «Билль о правах», законодательно ограничивающий власть монарха, и закрепляющий за английскими подданными их основные права и свободы (свобода слова, подачи петиций, право на справедливый суд – запрещалось наложение штрафов и иные наказания без решения суда)¹⁶⁴.

Бурное развитие торговли, экономики и колонизации в XVII в. в совокупности со становлением в Англии институтов парламентской монархии двояко повлияли на развитие английской общественной мысли. С одной стороны, в среде тори становятся популярны идеи Филмера. Большинство его работ были написаны в 1640-е гг., но получили распространение, а многие и были впервые изданы только в 1670-е гг.¹⁶⁵ Однако не эта тенденция была магистральной в развитии социально-экономической мысли данного периода. Большая часть работ второй половины XVII в. – это труды, посвященные обоснованию идеи неотчуждаемости человеческих прав, необходимости ограничения королевской власти, разделения властей, веротерпимости. Подобные идеи в различной форме – от философских трактатов до реальных государственных экспериментов – с разной степенью радикальности отстаивали Гоббс, Локк и Пенн¹⁶⁶.

¹⁶³ См.: Harris T., Taylor S. *The Final Crisis of the Stuart Monarchy*. Woodbridge: Boydell Press, 2013.

¹⁶⁴ Билль о правах (1689 г.) // Хрестоматия по истории Нового времени... Кн. 1. С. 126–133.

¹⁶⁵ Эрлихсон И.М. Роберт Филмер и политическая философия абсолютизма... С. 50-55; *Dictionary of National Biography* / Ed. by L. Stephen. L.: Smith, Elder & Co., 1889. Vol. XVIII. P. 440-441.

¹⁶⁶ Локк Дж. Два трактата о правлении; Гоббс Т. Левиафан...; Он же. О гражданине; Penn W. *An essay towards the Present and Future Peace of Europe*; Idem. *Frame of Government of Pennsylvania*. May 5, 1682. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.01.2021).

Так, в XVII в. в Англии окончательно утвердились буржуазные отношения в экономике, страна стала колониальной империей, а в конце столетия, после «Славной революции», Англия обрела и новое политическое устройство – парламентскую монархию.

В XVIII в. экономическое развитие не только не замедлилось, но, напротив, ускорилось в разы. Продолжалась колонизация Америки – население колоний с 1700 по 1790 гг. выросло с 275 тыс. до 3,9 млн. чел. К 1720 г. товарооборот и прибыль Британской Ост-Индской компании превысили аналогичные показатели Голландской Ост-Индской компании, что ознаменовало окончательную победу англичан над своим старым торговым конкурентом. По результатам Семилетней войны 1756–1763 гг., которая велась как в Европе, так и в колониях, Англия серьезно подорвала влияние Франции в Америке. Согласно Парижскому мирному договору 1763 г., завершившему Семилетнюю войну, Франция отказалась от претензий на Землю Руперта и передала Англии Новую Францию (огромную территорию, в состав которой входили Канада, Луизиана, Акадия и Новая Земля (о. Ньюфаундленд))¹⁶⁷.

Успехи английской колонизации в XVIII в. в сочетании с развивающейся с середины столетия промышленной революцией стали новой точкой бифуркации в развитии английской экономики, превратив Англию в лидера мирового производства и торговли, и, в то же время, заставив всех европейцев считаться с достижениями английской общественно-политической мысли.

Ведь материальный успех одних в условиях буржуазного развития и отсутствия помощи нуждающимся слоям населения со стороны государства, неизменно ведет к обнищанию других. Мортон отмечал: «Вся сущность истории периода от 1688 г. до середины XVIII в. может быть выражена в

¹⁶⁷ Lawrence J. The Rise and Fall of the British Empire. N.-Y.: St. Martin's Publishing Group, 1997. P. 66–111.

двух словах: накопление капитала»¹⁶⁸. Это накопление происходило не только за счет торговли и колонизации, но и благодаря росту налогообложения и эксплуатации дешевой рабочей силы. Принимая во внимание тот факт, что в XVIII в. население Англии и Уэльса увеличилось практически вдвое – с 5,1 до 9 млн. чел., ясно, что бродяжничество, нищета и социальное расслоение в Англии XVIII в. серьезно превзошли аналогичные явления времен огораживаний XV-XVI вв.¹⁶⁹ Английские власти, конечно, пытались противостоять росту обнищания населения, но средства, применяемые ими, напротив, усложняли жизнь бедняков. Главным из этих средств было создание работных домов – учреждений, направленных на включение в трудовую деятельность нищих, бродяг и преступников. Первые работные дома появились в Англии в середине XVII в., а к 1776 г. их количество достигло 1800, с общей численностью работников более 90 тыс.¹⁷⁰ Жизнь в работных домах, позиционировавшихся властями как благотворительные заведения, была зачастую хуже бродяжничества. Вот, например, как описывает устройство работного дома в своей книге «Состояние бедных» (1797 г.) английский политик и писатель Ф. Иден: «Работный дом – неудобное здание с небольшими окнами, низкими комнатами и темными лестницами. Он окружен высокой стеной, что придает ему вид тюрьмы. Не ведется регулярный учет рождений и смертей, но, когда оспа, корь или злокачественная лихорадка появляются в доме, смертность очень велика. Из 131 работника дома 60 – дети»¹⁷¹.

Социальное расслоение, постоянные войны в интересах промышленников, господство частной собственности меняют вектор развития радикального направления английской общественной мысли XVIII в. с критики деспотизма властей и призывов к отстаиванию «естественных

¹⁶⁸ Мортон А.Л. История Англии. С. 268.

¹⁶⁹ Трегельян Дж.М. Указ. соч. С. 357-358.

¹⁷⁰ Fowler S. Workhouse: The People: The Places: The Life Behind Closed Doors. L.: Pen and Sword, 2014. P. 275.

¹⁷¹ Цит. по: Hopkins E. Childhood Transformed. Manchester: Manchester University Press, 1994. P. 163–164.

прав» и веротерпимости на критику основ экономического развития как такового, системы частной собственности и товарно-денежных отношений.

В зависимости от религиозных взглядов мыслителя, его социального положения и политической ситуации в стране, критика эта могла быть разноплановой. Так, Дж. Беллерс видел возможность преодоления социального неравенства и достижения общественного консенсуса во внедрении новой системы образования и воспитания в стране. Он создал «Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремёсел и сельского хозяйства» как учебного заведения, призванного создать «человека нового типа», с одной стороны, ненавидящего частную собственность, и, с другой, чуждого любому насилию. Основу для достижения такого, казалось бы, внутренне противоречивого результата Беллерс видел как в противоречивости современной ему экономической системы – он одним из первых высказал идею о том, что именно труд бедных является источником благосостояния богатых, за что спустя более чем столетие К. Маркс (1818–1883) в «Капитале» назовет Беллерса «истинным гением политической экономии своего времени»¹⁷², так и в «естественной невыгодности» частной собственности для всех людей. Частная собственность, по мнению философа, обесценивает труд бедных, ибо они не получают за него справедливого вознаграждения, а богатых превращает в «паразитическую прослойку» общества, существующую исключительно за счет других. Поэтому «новое поколение людей», прошедших обучение в трудовом колледже, следует с самого детства приучать к мысли о том, что именно труд является мерилom стоимости всех вещей. «Это товарищество-колледж будет видеть в работе, а не в деньгах то мерило, по которому будут расцениваться все предметы первой необходимости»¹⁷³.

Уильям Годвин был гораздо более радикальным в своих воззрениях, и видел в уничтожении частной собственности лишь базу для дальнейших

¹⁷² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. С. 499.

¹⁷³ Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа... С. 302.

социальных преобразований – уничтожения эксплуатации человека человеком и государства как политического института, эту эксплуатацию легитимизирующего. Но при этом, подобно Беллерсу, он исходил в своей концепции из идеи о «естественной невыгодности» частной собственности для всех слоев населения. «Бедные остаются невежественными за отсутствием досуга. Богатые имеют, конечно, возможность получать лоск и образование, но их оплачивают за то, что они беспутны и ленивы. <...> Накопление собственности втаптывает в грязь мыслительные способности, он оглушит искры дарования и погружает большую часть человечества в низкие заботы...»¹⁷⁴, – писал Годвин.

Таким образом, мы можем сделать вывод о ряде взаимосвязанных точек бифуркации в политико-экономическом развитии Англии XVI–XVIII вв. Наиболее важными из них являются реформы Генриха VII, «Королевская реформация» Генриха VIII, внешнеполитические успехи периода правления Екатерины I, революция середины XVII в. и «Славная революция» 1688–1689 гг., а также успехи в развитии колониальной империи и начало промышленной революции в XVIII в. Как мы видим, важнейшие процессы и события, кардинальным образом менявшие облик английского общества, следовали друг за другом практически непрерывно. Это, во-первых, подтверждает выдвинутый нами тезис о перманентно кризисном состоянии английского общества, а, во-вторых, свидетельствует о том, что бурная экономическая и политическая жизнь Англии неизменно становилась объектом рефлексии в среде английских мыслителей и являлась мощным стимулом развития общественной мысли. При этом, каждое важное изменение находило как ярых сторонников, стремившихся к возведению в абсолют каких-либо явлений, так и противников, заявлявших о катастрофическом разрушении «основ английского общества» вследствие происходящих изменений.

¹⁷⁴ Годвин В. О собственности. С. 77.

1.2. Кризис религиозной картины мира и его влияние на английскую общественно-политическую мысль

Резкий разрыв между эпохами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени существует, скорее, как конвенциональная установка ученых позднейшего периода, нежели реально существующий исторический факт. Любая смена эпох и трансформация связанных с ними мировоззренческих установок не происходит мгновенно. Если мы обратимся к мировоззрению средневекового человека, то заметим, что и политические, и экономические события, какими бы масштабными они не были, оказывали на него опосредованное влияние. Первое место в картине мира средневекового человека занимала религия. Религия давала ему не только смысл существования, обесценивая материальное и направляя его стремления на трансцендентное «потустороннее» существование; не только регламентировала его образ жизни, призывая следовать всем необходимым традициям, обычаям и обрядам, но и определяла его мировоззрение в целом.

Именно в религиозном символизме видели основную доминанту мировоззрения средневекового человека русские философы и историки-медиевисты начала XX в. П.М. Бицилли (1879–1953) и Л.П. Карсавин (1882–1952). «Все, что видит средневековый человек, он старается истолковать самому себе символически. Все окружающее его полно особого значения, таинственного смысла...»¹⁷⁵, – писал Бицилли в труде «Элементы средневековой культуры» (1-я публ. – 1919 г.).

В Новое время религия перестает быть непререкаемой и естественной доминантой мировоззрения. Великие географические открытия разрушили привычный мир средневекового человека – он оказывается лишь песчинкой среди множества цивилизаций и народов. Средневековая,

¹⁷⁵ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М.: Мифрил, 1995. С. 15.

теллурократическая, система взаимоотношений и торговли отмирает, открывая дорогу океаническим (талассократическим) цивилизациям и межконтинентальной торговле¹⁷⁶. Кардинальные изменения экономических условий приводят к постепенному краху другой, не менее важной, чем религия, основы средневекового общества – феодальной системы, которая уступает место системе буржуазных отношений. Церковь, обладающая материальными богатствами, в условиях первичного накопления капитала и развития мануфактурного производства становится не символом европейской цивилизации, а обузой для развития общества. Кроме того, сами основы церковного вероучения оказываются под угрозой. С одной стороны, развитие грамотности и книгопечатания, перевод Библии на европейские языки способствуют критическому отношению людей, прежде всего, священнослужителей, к современным им церковным реалиям¹⁷⁷. Сравнивая содержание Библии и текущее положение вещей в церкви, они находят множество расхождений. Самым ярким и общеизвестным примером в данном случае являются «95 тезисов против индульгенций» М. Лютера. Немецкий реформатор прямо противопоставил авторитет Евангелия буллам римского папы, покупка которых гарантировала отпущение грехов. «Мнение папы, безусловно, состоит в том, что если индульгенции – ничтожнейшее благо – славят с одним колоколом, одной процессией и молебствием, то Евангелие – высшее благо – надлежит проповедовать с сотней колоколов, сотней процессий и сотней молебствий»¹⁷⁸. С другой стороны, церковь теряла монополию на объяснение мироустройства. Распространение идеи гелиоцентрической системы мира, как бы церковь с ним не боролась (заставив Н. Коперника отречься от своих убеждений, а Дж. Бруно просто казнив, объявив еретиком), невозможно было остановить.

¹⁷⁶ Кернс Э. Дорогами христианства. М.: Протестант, 1992. С. 155–158.

¹⁷⁷ Лозинский С.Г. История папства. М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 225-245.

¹⁷⁸ 95 тезисов Мартина Лютера // Хрестоматия по истории Средних веков в 3-х т. / Под ред. С.Д. Сказкина. М.: Учпедгиз, 1950. Т. 3. С. 109–110.

Для нашего исследования достаточно будет отметить беспрецедентное разрушение религиозных основ мировоззрения жителей Европы в данный период. Пожалуй, наиболее кратко, и, в то же время, не утерев сути происходящих перемен, описал мировоззрение человека при переходе от Средневековья к Новому времени философ середины XX в. М. Бубер, отметив, что Новое время погрузило человечество в период «экзистенциальной бездомности», период, когда «личность чувствует себя подкидышем природы, брошенным, подобно нежелательному ребенку, на произвол судьбы...»¹⁷⁹.

Однако разрушение одной из основ мировоззренческой системы неминуемо вызывает к жизни необходимость либо формирования другой – и ей стала научная картина мира, либо радикального обновления старой – и подобным ответом в Европе стала Реформация.

Реформация в Англии прошла уникальный путь развития. Как уже отмечалось нами ранее, «Королевская реформация» в Англии являлась важнейшей точкой бифуркации. Но она не только привела к укреплению экономической и политической мощи королевской власти, но и стала основой для формирования уникальной религиозной ситуации, когда в стране существовало сразу три крупных христианских религиозных течения, имевших многочисленных сторонников – католицизм, англиканство и пуританизм. Их представители не только вели бурную богословскую дискуссию между собой, но и стремились непосредственно влиять на определение политического курса страны.

Еще в начале 1520-х гг. Англия, казалось бы, оставалась, наравне с Испанией, оплотом католической веры. Высшая власть страны в лице Генриха VIII и члена Тайного Совета, будущего лорда-канцлера Т. Мора открыто выступала против начинавшегося в Европе реформационного движения. В 1521 г. был опубликован трактат «В защиту семи таинств», автором которого официально являлся король, хотя, вероятно, большая часть

¹⁷⁹ Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 228.

трактата была написана Мором¹⁸⁰. В книге подвергались резкой критике идеи Лютера, подтверждалось и обосновывалось верховенство римского папы над всеми верующими. Многие историки, исследовавшие религиозную полемику 1520-х гг. между сторонниками обновления католической церкви и самой официальной католической церковью, отмечали продуманность системы аргументации данной работы, а современный британский исследователь начального периода Реформации в Европе – Д. Скарисбрик – назвал труд «В защиту семи таинств» «одной из самых успешных частей католической полемики, созданной первым поколением антипротестантских писателей»¹⁸¹. За данный трактат Генрих VIII был удостоен от римского папы Льва X официального титула «Защитник веры».

Однако в конце 1520-х гг. религиозная ситуация в Англии резко меняется, причем, в отличие от других стран Европы, меняется не из-за широкого распространения в народе идей протестантизма, а вследствие изменения взглядов короля. К 1527 г. Генрих VIII пришёл к пониманию необходимости расторжения брака с испанской принцессой Екатериной Арагонской. Большинство исследователей объясняют подобное желание двумя факторами – его увлечением молодой фрейлиной Анной Болейн (будущей второй женой) и отсутствием наследника престола мужского пола – единственным ребенком, достигшим зрелого возраста, была Мария (будущая королева Мария I Тюдор)¹⁸². Сам же король, естественно, требуя развода, апеллировал к Священному Писанию, к тому, что Екатерина Арагонская была, хотя и непродолжительное время, замужем за его старшим братом – Артуром, скоропостижно скончавшимся в 1502 г. в возрасте 15 лет. Женитьба на вдове брата прямо противоречила Священному Писанию, поэтому в 1504 г. для помолвки Екатерины Арагонской и Генриха Тюдора было выдано специальное разрешение римского папы Юлия II, позволявшее

¹⁸⁰ Ackroyd P. The Life of Thomas More. N.-Y.: Nan A. Nalese, 1999. P. 225-232.

¹⁸¹ Scarisbrick J.J. Henry VIII. Los-Angeles: University of California Press, 1968. P. 113. (The English Monarchs Series).

¹⁸² Phillips R. Untying the Knot: A Short History of Divorce. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 20-35.

испанской принцессе выйти замуж за брата своего покойного мужа¹⁸³. В 1527 г. Генрих VIII назвал это решение Юлия II ошибочным и, утверждая, что его брак с Екатериной Арагонской никогда не был законным, попросил у Климента VII – нового римского папы – разрешения на развод. Вероятно, Генрих VIII мог бы рассчитывать на благосклонность папы, однако, именно в 1527 г. Рим был разграблен войсками испанского короля Карла I, что не только вызвало ослабление папской власти в Европе, но и сделало самого Климента VII марионеткой в руках испанской короны. В такой ситуации Климент VII, также апеллируя к нормам канонического права, не мог аннулировать брак, препятствия к которому уже ранее были устранены специальным папским разрешением, и отказал английскому королю¹⁸⁴.

Король оказался в безвыходной ситуации, не получив поддержки ни от римского папы, ни от собственного духовенства. Глава английской церкви архиепископ Кентерберийский Уильям Уорхэм, хотя и подписал, боясь навлечь на себя немилость короля, письмо Клименту VII с прошением аннулировать брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской, однако, впоследствии не выступил открыто против папского запрета. Не желая уступать, Генрих VIII решился на беспрецедентный шаг – разорвать отношения с католической церковью. Получив поддержку парламента и добившись избрания новым архиепископом своего сторонника – Томаса Кранмера, Генрих VIII способствовал принятию парламентом в 1534 г. «Акта о супрематии», ознаменовавшего окончательный раскол между английской церковью и папским престолом.

В этом акте объявлялось, что «король и его наследники, короли этого царства, признаны единственным высшей главой Церкви Англии», прерогативой королевской власти объявлялось право «сдерживать и исправлять все ошибки и злоупотребления, ереси и оскорбления во имя

¹⁸³ Scarisbrick J.J. Op. cit. P. 8–10.

¹⁸⁴ Kenneth G., Sheryl E.R. Pontificate Of Clement VII: History, Politics, Culture. Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2005. P. 217-245.

добродетели Христа и для сохранения мира и единства этого царства»¹⁸⁵. Свое согласие с «Актом о супрематии» обязаны были в письменной форме подтвердить все представители духовенства и гражданской власти страны. Те, кто не делал этого, проявляя несогласие с религиозной политикой Генриха VIII, обвинялись в государственной измене и приговаривались к смертной казни. Согласно «Акту об измене», принятому английским парламентом сразу после «Акта о супрематии» и негласно призванному силой государственного принуждения заставить английское духовенство и государственную элиту признать религиозную реформу короля, в государственной измене обвинялись все, кто «злонамеренно, письменно или устно заявлял, что король является еретиком и узурпатором власти»¹⁸⁶.

Мы видим, что развитие Реформации в Англии значительно отличалось от подобных процессов, происходивших параллельно в Европе. Во-первых, Англия являлась одной из немногих стран Европы, где Реформация развивалась «сверху» – путем государственных реформ; во-вторых, религиозные реформы Генриха VIII носили принудительный характер и были вызваны, скорее, личным желанием короля и причинами политическими, нежели волей народа и духовенства. В-третьих, по причине политического характера Реформации и внимания властей к нужным им деталям – король требовал лишь подчинить себе церковь, усилив собственную власть – религиозные реформы Генриха VIII не коснулись многих элементов церковной власти и богослужения – сохранился епископат, пышные украшения храмов, церковное богослужение и обряды англиканской церкви, практически ничем не отличающиеся от католических. Подобное религиозное развитие Англии неминуемо должно было привести к расколу английского общества, причем раскол этот не только был многограннее и сложнее, чем в большинстве стран континентальной Европы, не только

¹⁸⁵ Henry VIII's Act of Supremacy (1534). URL: <https://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm> (дата обращения: 31.01.2020).

¹⁸⁶ Treasons Act (1534). URL: <http://fs2.american.edu/dfagel/www/1534treasons.htm> (дата обращения: 31.01.2020).

сохранялся в качестве жесткого социального противоречия на протяжении всего Нового времени, зачастую перерастая в открытые и кровопролитные столкновения, но и оказал непосредственное влияние на английскую общественно-политическую мысль.

Религиозная реформа Генриха VIII концентрировала в руках единого правителя власть как светскую, так и духовную, а потому многие выступления против религиозной политики являлись одновременно и восстаниями против действующих властей. Даже историки, которые специально занимались изучением богословской мысли Англии Раннего Нового времени и общественно-политических идей, отмечали, что разделение данных категорий затруднительно и во многом условно. Так, А.Ю. Серегина в работе, посвященной развитию политической мысли английских католиков в Раннее Новое время, разделяя рассматриваемые труды на две группы – «Богословские труды» и «Политические памфлеты» – отмечала, что «подобное деление условно, так как английским католическим авторам не было свойственно выделять политику и политическую теорию в отдельную сферу человеческой деятельности и знания, свободную от теологических импликаций»¹⁸⁷.

Вторая половина XVI – первая половина XVII вв. в Англии ознаменовались очередной точкой бифуркации в религиозном развитии Англии – масштабной попыткой контрреформации. Королева Мария I Тюдор, будучи яркой католичкой, попыталась вернуть Англию в лоно римско-католической церкви. Однако правление её было недолгим, в 1558 г. королева скончалась от вирусной лихорадки, а жестокие попытки контрреформации, сопровождавшиеся казнями многих известных протестантов и иерархов англиканской церкви, не получили широкой народной поддержки. Кончина Марии I и восшествие на престол её сводной сестры Елизаветы I воспринимались большинством англичан как праздник. Например, после похорон Марии I «лондонцы, пришедшие посмотреть на

¹⁸⁷ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков... С. 64.

похороны королевы, буквально за несколько минут разорвали на куски все знамена и штандарты, уставленные вокруг алтаря»¹⁸⁸. Но и восстановление протестантизма не прошло без эксцессов. Произошло несколько масштабных католических заговоров – заговор Ридольфи 1572 г., целью которого являлось освобождение правнучки Генриха VII Марии Стюарт из заключения и возведение её на престол; заговор Энтони Бибингтона 1586 г., участники которого ставили задачу не только освобождения Марии Стюарт из заключения, но и намеревались убить Елизавету I, и, конечно же, «Пороховой заговор» 1605 г., направленный против всей верхушки власти Англии начала XVII в. – заговорщики хотели взорвать здание парламента во время тронной речи короля Якова I.

Заговорам и восстаниям XVI – начала XVII вв. посвящено огромное количество научной литературы¹⁸⁹, однако, нам при анализе событий, повлиявших на развитие английской общественной мысли, важно отметить тот факт, что любое общественное движение или значимый политический заговор обязательно имеют идейную основу. Поэтому обратим внимание на то, что параллельно со всеми вышеописанными событиями формируется отдельная ветвь политической мысли Англии – политическая мысль английских католиков.

В трудах английских католиков XVI – первой половины XVII вв. богословская и политическая составляющие не только тесно взаимосвязаны, но и первая из них, во многом, была детерминирована второй. Политические события (заговоры, государственные реформы, издания важнейших актов и указов) оказывали непосредственное влияние на католическую мысль в Англии. Пик её активности приходился на период, следовавший за каким-либо серьёзным политическим событием. Религиозная политика Елизаветы I в первое десятилетие её царствования, несмотря на стремление королевы

¹⁸⁸ Эриксон К. Мария Кровавая. М.: АСТ, 2001. С. 621.

¹⁸⁹ См., например: Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. L.: Blond and Briggs, 1976; Dures A. *English Catholicism, 1558–1642*. Harlow: Longman, 1983; Fraser A. *The Gunpowder Plot. Terror And Faith In 1605*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1996.

продолжить Реформацию в Англии, отличалась относительной сдержанностью. Не желая обострения и без того непростых отношений между протестантами и католиками, королева не подвергала католическое население страны жестоким преследованиям. Репрессий избежали даже большинство бывших сторонников Марии I. Период сдержанной религиозной политики сопровождался и малой активностью католической общественной мысли – в 1560–1570-х гг. в свет вышло лишь несколько памфлетов, написанных, в основном, английскими католиками-эмигрантами.

Среди них можно назвать произведения Н. Сандера – английского католического священника, эмигрировавшего в 1559 г. в Рим, а затем проживавшего во Франции, в г. Лувен – «Столп церкви» (1567 г.) и «О видимой монархии церкви» (1571 г.)¹⁹⁰. В первом из них он рассматривал происхождение и взаимодействие церковной и светской властей, отстаивая тезис о невозможности и пагубности полного подчинения церкви государству. Второе было посвящено конкретному историческому событию – отлучению римским папой Пием V королевы Елизаветы I от церкви. Сандер, как ярый католик, естественно, обосновывал правомерность такого решения папы и обязанность правительницы Англии пересмотреть свою религиозную политику.

Другим видным католическим публицистом конца 1560-х – начала 1570-х гг. был приближенный Марии Стюарт, католический епископ шотландец Дж. Лесли. Его главный памфлет «Трактат об изменах королеве Елизавете и короне Англии»¹⁹¹, адресованный непосредственно Елизавете I, должен был убедить её в пагубности Реформации. Шотландский священник, в отличие от Сандера, воздерживался от открытой критики королевы, напротив, он стремился «уберечь» её от ошибок и опасностей, грозящих стране. Источник этих опасностей Лесли видел в протестантах, приближенных к властным кругам Англии и стремящихся захватить власть в

¹⁹⁰ См.: Sander N. The Rocke of the Church; Idem. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae.

¹⁹¹ См.: Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth and the Crown of England. L.: The Scolar Press, 1975.

свои руки. Причем стремление Лесли обвинить в политических заговорах и росте социальной напряженности протестантов также было вызвано конкретным политическим событием – раскрытием заговора Ридольфи, в котором был замешан сам Лесли.

Мы видим, что в периоды относительной стабильности в Англии крупные полемические произведения католиков не появлялись, а те, что все-таки создавались, являлись реакцией на конкретные политические события. Но стоило религиозной и политической обстановке в стране обостриться в связи с резким ростом влияния в стране иезуитов в 1580-х гг., началом войны Англии с главной католической державой Европы – Испанией в 1585 г., и, главное, раскрытием «Порохового заговора» в 1605 г., как публицистические произведения английских католиков начинают появляться десятками¹⁹². Произведения английских католиков конца XVI – первой половины XVII вв., подобно работам начала правления Елизаветы I, являлись преимущественно реакцией на политику английских властей.

Памфлеты английского священника-эмигранта, проживавшего в Риме, участвовавшего в создании иезуитских колледжей и активного сторонника усиления испанского влияния в Европе, У. Аллена сочетали в себе освящение религиозной миссии иезуитов в Англии с критикой внешнеполитического курса Елизаветы I, самой фигуры королевы, в частности, и её прав на престол в целом. В своих произведениях Аллен всячески стремился разделить «заблудших» английских граждан и коварные английские власти во главе с королевой, ведущих страну к расколу общества и внешнеполитическому краху. В труде «Апология и правдивое объявление об основании английских коллегий» (1581 г.) Аллен описывает деятельность, причины создания и цели ордена иезуитов, отмечая, что иезуиты прибыли в Англию исключительно с «добрыми намерениями» и «их деятельность необходима для существования и процветания страны»¹⁹³.

¹⁹² Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков... С. 80.

¹⁹³ Allen W. An apologie and true declaration... P. 67.

В работе «Увещевание знати и народа Англии и Ирландии» (написана во время англо-испанской войны, в 1588 г.) Аллен открыто обвинял Елизавету I в тирании и узурпации престола, доказывая её незаконнорожденность, ибо брак Генриха VIII и Анны Болейн не был одобрен католической церковью, и призывал добропорядочных граждан свергнуть королеву и поддержать вторжение испанцев¹⁹⁴. Аналогичным темам были посвящены и ранние работы младшего современника Аллена, английского священника, члена ордена иезуитов, преподавателя нескольких английских колледжей, вынужденного из-за своих религиозных взглядов уйти в отставку, а, затем в начале 1580-х гг. бежать из Англии, Р. Парсонса¹⁹⁵. В работе «Исповедание веры» (1580 г.) еще до эмиграции Парсонса из Англии, священник обращался непосредственно к мэру Лондона, стремясь доказать пользу присутствия иезуитов на территории Англии и отвести от них подозрения в государственной измене¹⁹⁶. После отъезда Парсонса на континент основной темой его сочинений становится вопрос о престолонаследии – к концу XVI в. становится понятно, что стареющая королева Елизавета I умрет бездетной. В памфлете «Рассуждение о наследовании английского престола» (1595 г.) Парсонс разбирает принципы престолонаследия в Англии и доказывает, что, как с богословской, так и с историко-политической точек зрения, новой королевой должна стать дочь Филиппа II Изабелла¹⁹⁷.

Однако своего пика политическая мысль английских католиков достигает в начале XVII в. в связи с раскрытием «Порохового заговора» 1605 г., участники которого во главе с фанатичным католиком Р. Кейтсби стремились к уничтожению всей английской политической элиты. Естественно, после раскрытия столь радикального заговора английское

¹⁹⁴ См.: Allen W. An Admonition to the nobility...

¹⁹⁵ Серегина А.Ю. «Истинная» реформа церкви в представлении английской католической эмиграции конца XVI в.: «Записки о Реформации Англии Роберта Парсонса» // Средние века. Вып. 60. М.: Наука, 1997. С. 107–117.

¹⁹⁶ Persons R. Confessio Fidei... P. 211-243.

¹⁹⁷ См.: Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола.

общество охватила антикатолическая истерия. В печати стали появляться памфлеты, прямо связывающие католицизм с актами государственного неповиновения, призывающие к полному уничтожению католицизма в Англии во благо государственной стабильности и процветания страны. Наиболее известными из них являются произведения молодого английского теолога, непримиримого противника католицизма Т. Мортон «Точное объяснение Римского учения» (1605 г.) и «Полное объяснение в отношении Римского беззакония» (1606 г.)¹⁹⁸.

Большинство английских католиков в столь непростой для них ситуации стремились дистанцироваться от «Порохового заговора», объяснив действия его участников чисто политическими, но не религиозными мотивами. Осуждению заговора, обоснованию стремления английских католиков способствовать процветанию своей страны и недопущению политического экстремизма, был посвящен один из последних трудов Парсонса «Спокойное и трезвое подведение итогов» (1609 г.)¹⁹⁹. С осуждением заговора в начале XVII в. выступили и другие представители английской католической эмиграции, причем произведения их издавались не только на английском языке и были обращены к правящим кругам всех европейских монархий с целью доказать отсутствие связи между католицизмом и политическим экстремизмом. Так, в 1606 г. на испанском языке вышел памфлет «Письмо послу из Англии» английского священника-эмигранта, длительное время проживавшего в Испании, Дж. Кресуэлла, в котором тот доказывал лояльность католиков к правящим суверенам и неприятие ими любых политических заговоров против законных властей²⁰⁰.

Последняя группа католических памфлетов, посвященная теме «Порохового заговора» и политического экстремизма в целом, выходит в

¹⁹⁸ См.: Morton T. An Exact Discoverie of Romish Doctrine in the case of Conspiracie and Rebellion. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1605; Idem. A Full Satisfaction conderning a double Pomish Iniquitie. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1606.

¹⁹⁹ См.: Persons R. A Quiet and Sober...

²⁰⁰ См.: Loomie A.J. English Politics at the Spanish Court: Joseph Cresswell's «Letter to The Ambassador from England». N.-Y.: Fordham University Press, 1993.

свет в 1610-х гг. Поводом для нового обсуждения проблемы лояльности католиков государственной власти на сей раз стали события во Франции – в мае 1610 г. католик-фанатик Ф. Равальяк убил короля Франции Генриха IV. Отреагировали на убийство французского короля и английские власти. В 1610 г. английский парламент принял «Акт об истребовании присяги на верность», в котором не только подтверждалась необходимость принесения священниками, знатными людьми и лицами, занимающими важные государственные должности, присяги на верность Якову I и англиканскому вероисповеданию, но и значительно ужесточались наказания за отказ в принесении присяги. Так, отказавшиеся не только лишались права занимать важные государственные должности, но и незамедлительно помещались в тюрьму до проведения суда²⁰¹. Целью произведений английских католиков, как и после «Порохового заговора», было доказательство отсутствия взаимосвязи между католическим вероисповеданием и политическим экстремизмом, неправильности и пагубности усиления репрессий по отношению к католикам в Англии. Наиболее подробно данные идеи в «Предостережении английским католикам относительно указа короля Якова» (1610 г.)²⁰² выразил М. Уолпол – иезуит, долгое время находившийся в заключении за религиозные взгляды, но, благодаря вмешательству испанского посла, освобожденный и эмигрировавший из Англии в том же 1610 г.

В XVII в. влияние католической мысли на развитие английского общества постепенно уменьшается. Католицизм превращается из реальной политической силы и «угрозы», как в случае многочисленных заговоров второй половины XVI – начала XVII вв., скорее, в инструмент политических манипуляций. Единственным серьезным вопросом, связанным с католическим вероисповеданием, станет восшествие на престол католика герцога Йоркского – будущего короля Якова II. Высшим проявлением вновь

²⁰¹ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков... С. 293-294.

²⁰² См.: Walpole M. A Briefe Admonition to the all English Catholikes concerning a late Proclamation set forth against them. L.: English College Press, 1610.

возобладовавших антикатолических настроений в английском обществе станет попытка дискредитировать герцога Йоркского в 1678 г., обвинив его в намерении убить своего брата – Карла II. Это событие вошло в историю как «папистский заговор», хотя ещё в XVII в. была установлена невиновность герцога Йоркского, а главный осведомитель Т. Оутс был обвинен в лжесвидетельствовании²⁰³.

Католики, как активные участники общественной жизни, призывали английских правителей вернуться в лоно римской католической церкви. Но с конца XVI в., и на протяжении практически всего XVII в. главной религиозной и одновременно политической силой в стране, противопоставлявшей себя как господствующей религии – англиканству, так и власти, эту религию поддерживающую, становятся пуритане.

В отличие от большинства религиозных течений Нового времени, пуританизм не имел четких догматических и институциональных основ вероучения. «Пуританами» в Англии в конце XVI – начале XVII вв. называли всех протестантов, требующих дальнейшей Реформации в Англии²⁰⁴. Сам термин «пуритане» (от лат. *pure* – «чистые») изначально носил негативный оттенок и использовался противниками Реформации. В частности, одним из первых его начал широко применять в своих произведениях Сандер²⁰⁵.

Ученые выделяли различные истоки формирования пуританизма в Англии. П. Коллинсон характеризовал пуританизм как «реформацию снизу», отмечая, что его формирование было естественным продолжением религиозных реформ Генриха VIII в силу их преимущественно политического, а не религиозного характера²⁰⁶. К. Хейг основное внимание уделял личности и деятельности Елизаветы I. Он называл её «недогматичной протестанткой», отмечая, что религиозный фанатизм и желание

²⁰³ Kenyon J. The Popish Plot. L.: Phoenix Press, 2000. P. 150–171.

²⁰⁴ Bremer F.J. Puritanism: A Very Short Introduction. L.: Oxford University Press, 2009. P. 2-5.

²⁰⁵ Durston Ch., Eales J. Introduction: The Puritan Ethos, 1560–1700 // The Culture of English Puritanism, 1560–1700. L.: Macmillan Education, 1996. P. 1-31.

²⁰⁶ Collinson P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 1988. P. 38-40.

насильственного утверждения и радикального углубления Реформации в Англии были для нее чужды. Елизавета I, с его точки зрения, стремилась, прежде всего, предотвратить религиозный раскол в обществе. Поэтому её религиозные реформы носили мягкий, половинчатый характер, что вызвало недовольство среди рьяных протестантов и определило их окончательный разрыв с англиканской церковью²⁰⁷. Многие специалисты, например, англичане Р. Погсон и Д. Пэллизер, а также отечественные ученые Ю.М. Сапрыкин и О.А. Руденко акцентировали внимание на периоде правления Марии I, когда часть английских протестантов, опасаясь репрессий со стороны королевы-католички, бежала на континент и познакомилась там с идеями радикальных представителей Реформации²⁰⁸. Советские историки, рассматривая формирование пуританизма в Англии, видели в нем, в первую очередь, идеологическую основу формирующегося класса буржуазии. «Пуританизм становится оплотом нового общественного порядка, основанного на буржуазной собственности на землю...»²⁰⁹, – писал в своей работе «Английская буржуазная революция» В.М. Лавровский.

Безусловно, такое масштабное религиозно-политическое движение, как пуританизм, не могло сформироваться под влиянием какого-либо одного фактора, но являлось производной социально-экономического, религиозного и политического развития Англии в XVI в. в целом. Для нашего же исследования важно отметить, что с конца XVI – начала XVII вв. именно пуританизм становится главной оппозиционной как политической, так и религиозной силой в Англии. Изначально, в правление Елизаветы I, сторонники углубления Реформации в Англии выражали сначала лишь

²⁰⁷ Haigh C. English Reformations. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 237-241.

²⁰⁸ См.: Pogson R.H. Cardinal Pole: Papal Legate to England in Mary Tudor's Reign. Cambridge: Cambridge University Press, 1972; Palliser D.M. The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547–1603. L.; N.-Y.: Longman, 1983; Сапрыкин Ю.М. Политические идеи английской эмиграции при Марии Тюдор // Вестник Московского университета. Серия: История. 1983. № 4. С. 60-74; Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // Англия в эпоху абсолютизма: статьи и источники. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 69–103.

²⁰⁹ Лавровский В.М. Английская буржуазная революция. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 16.

недоумение, а затем и недовольство деятельностью властей в области религии. Наиболее ярким примером подобной трансформации отношения английских протестантов к религиозной политике королевы является жизнь и творчество английского протестантского историка XVI в. Джона Фокса. Исследователи его интеллектуального наследия отмечают, что содержание главного труда Фокса «Деяния и памятники», посвященного христианским мученикам, серьезно отличается в зависимости от времени издания. При жизни историка его произведение в 1560-х – 1580-х гг. издавалось несколько раз. Если в ранних изданиях Фокс говорит о торжестве Реформации, о победе над католицизмом, то последующие не только не содержат идеи победы протестантизма в Англии, но в них отмечается, что мученичество за веру для англичан еще впереди²¹⁰.

Фокс, основной период творчества которого пришелся на первую половину правления Елизаветы I, критиковал политику королевы лишь косвенно, так и не встав окончательно в оппозицию к действующим властям. Однако его младшие современники-протестанты в конце XVI в. начали открытое противоборство с властями. Одним из первых выразил недовольство англиканской церковью не с позиций католицизма, а, напротив, с позиций протестантизма профессор Кембриджского университета Т. Картрайт. Еще в 1570 г. он публично выступил против иерархии англиканской церкви, заявив, что священнослужителей должны избирать сами верующие, а церковь не может играть роли посредника между Богом и человеком, ибо спасение достигается только искренней верой и молитвой. Единственным главой церкви и всех верующих богослов называл Иисуса Христа. За публичное выражение подобных идей Картрайт подвергся преследованию. Ему удалось бежать из Англии, однако, после возвращения на родину он был арестован и заключен в тюрьму²¹¹. Современник Картрайта

²¹⁰ Loades D.M. John Foxe and the English Reformation. Aldershot: Scolar Press, 1997. P. 230-245; Mozley J.F. John Foxe and His Book. L.: The Macmillan Co., 1940.

²¹¹ Pearson A.F. Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism 1535–1603. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. P. 100–132.

богослов Г. Барроу в своей критике англиканской церкви и политики властей зашел еще дальше – он не только говорил о необходимости отмены любой церковной иерархии, признавая авторитет лишь Священного Писания, но и отстаивал принцип невмешательства государства в дела верующих. Барроу открыто выступил против одного из основных принципов англиканства о подчинении церкви монарху, публично защищал выдвигаемые идеи, подвергая беспощадной критике английские власти, за что в 1593 г. был повешен²¹².

К XVII в. пуританизм становится еще одним фактором идейного раскола английского общества. Причем, если католицизму так и не суждено было стать движущей силой развития английского общества, серьезно повлиять на становление политической системы Англии²¹³, то распространение пуританизма стало одним из главных факторов развития в Англии социальных противоречий. Они привели к важнейшему событию английской истории, радикальным образом изменившему картину мира всех социальных слоев; событию, ознаменовавшему расцвет английской общественной мысли, когда каждая общественная группа предлагала свои пути развития общества и государства – революции середины XVII в.

В предыдущем разделе данной главы мы отмечали, что развитие буржуазных отношений и формирование социальной группы джентри, жаждущих политической власти, стали одними из главных причин роста общественных противоречий, спровоцировавших появление точки бифуркации – революции середины XVII в. Однако ни одна революция, во-первых, не является производной от одной, например, экономической, группы причин, и, во-вторых, должна иметь определенную идейную основу. Такой идейной основой революции середины XVII в. и стал пуританизм. Концепция «пуританской революции» в Англии зародилась еще в конце XIX

²¹² Dexter H.V. The Congregationalism of the Last Three Hundred Years. N.-Y.: Harper & Brothers, 1880. P. 205-232.

²¹³ Католики находились у власти в Новое время в Англии лишь два коротких промежутка времени – правления Марии I и Якова II, причем ни тому, ни другому правителю не удалось кардинальным образом изменить вектор развития английского общества.

в., её основоположником является Гардинер. Он отстаивал идею о том, что Реформация и любые религиозные реформы в Англии были неотделимы от политической борьбы. «В Англии задачи религиозной свободы и парламентского управления разрешались в близкой связи одна с другой»²¹⁴, – говорится во введении к его работе. Превращение пуританизма в движущую силу общественного протеста он связывал именно с постепенным вытеснением и ослаблением влияния католицизма в Англии в XVII в. «Пока Англия боролась с католиками, простой народ поддерживал монархию и англиканство, как олицетворение этой борьбы. Но к концу царствования Елизаветы внешняя борьба победно завершается»²¹⁵. Ещё одним фактором развития пуританизма, с его точки зрения, была непопулярность в народе первых королей из династии Стюартов – Якова I и Карла I.

«Пуританская революция» завершилась установлением протектората Кромвеля и последующей реставрацией монархии. На престол взошел сын казненного в ходе революции короля Карла I Карл II. Часть пуритан, пришедших к власти во время революции («шёлковые индипенденты»), не смогла урегулировать противоречия между разными социальными слоями. Кроме того, борьба различных социально-политических движений периода революции привела к дискредитации смысла религиозных споров и толкований. Ведь «идеи, которые разделили страну на два лагеря в гражданской войне, а победивших сторонников парламента на консерваторов и радикалов, все были найдены в Библии»²¹⁶. Подобное развитие революции и её итог вызвали отторжение населения от пуританизма и, в особенности у высших слоев общества, скептическое отношение к религии в целом, что стало важнейшим стимулом в развитии кризиса религиозной картины мира. Примечательно, что само слово «пуритане» на какое-то время после реставрации монархии практически перестает употребляться. Сторонников углубления реформации в Англии начинают повсеместно называть

²¹⁴ Гардинер С.Р. Указ. соч. С. 2.

²¹⁵ Там же. С. 4-5.

²¹⁶ Хилл К. Английская Библия... С. 9.

«протестантскими диссентерами», т.е. «несогласными», подчеркивая тем самым негативное отношение к пуританам и опасность, исходящую от них²¹⁷.

В высших кругах английского общества начинают набирать популярность идеи либертинажа, являющиеся прямым противопоставлением строгой пуританской морали. Английские либертины призывали отказаться от моральных и религиозных ограничений и добиваться «истинной свободы», которую они видели в следовании естественному человеческому стремлению к удовольствиям. В своем творчестве английские либертины, прежде всего, приближенный короля Карла II государственный деятель и поэт, оставивший после себя более сотни стихов, Дж. Уилмот, 2-й граф Рочестер, обращались к пасторальной тематике, воспевали мир природы, животных, как существ, истинно следующих своим стремлениям²¹⁸. При дворе Карла II в 1660–1670-е гг. складывается кружок вольнодумцев-либертинов, за которым в истории закрепилось название «придворные остроумцы». К ним относились виднейшие политические деятели периода реставрации – упомянутый нами Уилмот, драматург и дипломат (член посольств Англии в Турции и немецком городе Ратисбон) сэр Дж. Этеридж, видный деятель английского парламента сэр Ч. Сэдли, политик и приближенный Карла II и Вильгельма III Оранского, Ч. Сэвилл, 5-й граф Дорсет. Активным участником увеселений «придворных остроумцев» был и сам Карл II, получивший за свой характер и образ жизни прозвище «Веселый король»²¹⁹.

Если на протяжении XVI – первой половины XVII вв. на мировоззрение англичан оказывали мощное влияние различные религиозные течения, то, начиная со второй половины XVII в., новым фактором влияния

²¹⁷ Гардинер С.Р. Указ. соч. С. 326.

²¹⁸ Бердичевский А.М. Трансформация пасторальной модальности в лирике английского либертинажа эпохи Реставрации Стюартов // Пасторали над бездной: сборник научных трудов / Отв. ред. проф. Т.В. Саськова. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 22-27; Рочестер, Джон Уилмот, граф. Стихотворения, письма. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2014.

²¹⁹ Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 300-315.

становится религиозный философский скептицизм, который был порожден не только конкретными историческими условиями, такими, как революция середины XVII в. и последовавшим за ней кризисом пуританизма и религиозной морали в целом, но и бурным развитием науки в Англии на протяжении всего Нового времени. Постепенная смена духовной основы произведений многих английских мыслителей в конце XVII–XVIII вв. – стремление к религиозному скептицизму или, по крайней мере, к выстраиванию своей аргументации на рациональных, научных фактах и расчетах, обращениях к историческому материалу или принципам личной «веры», также является точкой бифуркации в развитии английской общественной мысли.

Англия в XVI–XVII вв. стала родиной многих знаменитых ученых в области как естественных, так и гуманитарных наук. Это ученые-естествоиспытатели XVI – начала XVII вв. Ф. Бэкон (один из основоположников эмпиризма и английского материализма) и У. Гилберт – один из первых исследователей, изучавших природу магнетизма и электрические свойства тел; создатели фундаментальных химических и биологических законов XVII в. – Р. Бойль (вспомним «закон Бойля-Мариотта») и Р. Гук («закон Гука»); знаменитые философы-эмпирики XVII в. Локк и Гоббс. Более того, именно в Англии в 1660 г. было основано одно из прославленных научных сообществ Нового времени – Лондонское королевское общество.

Однако ученые XVI – начала XVII вв. в произведениях, посвященных общественному и научно-техническому развитию, хотя и прославляли достижения науки и техники, ратовали за увеличение роли науки и ученых в обществе, но не противопоставляли науку и религию. Наиболее яркими примерами в данном случае являются произведения Ф. Бэкона «Новая Атлантида» и Ф. Годвина «Человек на Луне»²²⁰.

²²⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 5-45; Годвин Ф. Человек на Луне... С. 64-70.

Как отмечал А.Л. Субботин, «Новая Атлантида» являлась совершенно новым типом утопии Нового времени – «утопией сциентистской»; основной целью данной повести, по мнению советского исследователя, было «создание проекта всегосударственной организации науки» и возвышение роли ученых в обществе ²²¹. Действительно, основная организация, управляющая о. Бенсалем, описанным в «Новой Атлантиде», «Дом Соломона», сочетала в себе черты политической организации и научного сообщества. Основными целями «Дома Соломона» были, с одной стороны, обеспечение успешного функционирования общества и государства, и, с другой, максимальное расширение знаний о мире и содействие научно-техническому прогрессу. Причем успешное функционирование общества, по мнению Бэкона, напрямую зависело от успехов в научном познании. Но, при всем сциентизме его мировоззрения, воспеваемая им наука ни в коем случае не должна была заменять или уменьшать значение религии в обществе. Напротив, наука, по мнению философа, была с религией тесно взаимосвязана и являлась в определенном смысле её продолжением. Ведь научное познание в «идеальном» обществе бенсалемцев Бэкона было ценно не само по себе, а как способ познания божественных творений. «Общество для познания истинной природы всех вещей, дабы прославить бога, создавшего их...»²²², – вот как сам Бэкон описывал в «Новой Атлантиде» основную задачу «Дома Соломона» и науки в целом. Уделил внимание роли религии в обществе Бэкон и в своем наиболее известном труде, посвященном описанию методологии и задач экспериментальной науки, «Новом Органоне» (1620 г.). В нем он называет религию «главной связующей силой общества»²²³.

Подобную идею о необходимости гармонии между верой и знанием можно найти и у Ф. Годвина. Он был священнослужителем, доктором богословия, но при этом являлся сторонником гелиоцентрической системы мира, ученым-естествоиспытателем, интересующимся, прежде всего,

²²¹ Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон. С. 146.

²²² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 23.

²²³ Бэкон Ф. Новый Органон. С. 50.

вопросом возможности путешествия человека на другие небесные тела²²⁴. В «Человеке на Луне» Годвин рассказывает о путешествии испанского авантюриста Доминика Гонсалеса на Луну, причём одним из первых в мире адекватно описывает явление невесомости. В обществе лунных жителей Годвина, также как и у бенсалемицев в «Новой Атлантиде», важную роль играют научные знания, разработка и создание новых приспособлений, облегчающих жизнь человека²²⁵.

Со второй половины XVII в. идея гармонии между наукой и религией начинает постепенно сменяться религиозным скептицизмом и противопоставлением науки и религии. В высших кругах английского общества, как говорилось выше, распространяются идеи либертинажа, но, что важнее, английские ученые и философы начинают ставить под сомнение роль религии в жизни общества. В 1667 г. Локк публикует «Опыт веротерпимости», в котором не только отстаивает идею пагубности религиозного фанатизма, но и, что было нехарактерно для английских авторов XVI–XVII вв., заявляет о возможности достижения загробного спасения последователями различных мировых религий. Кроме того, Локк объявляет выбор религиозной веры личным делом каждого человека и отстаивает принцип отделения церкви от государства. «Соблюдаю ли я пятницу с магометанином, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, молюсь ли я по форме или нет, поклоняюсь ли я богу, участвуя в разнообразных и пышных церемониях католиков или соблюдая более скромные обряды кальвинистов, – во всех этих поступках, когда они совершаются искренне и по совести, я не усматриваю ничего, что само по себе может сделать меня худшим подданным моего государя»²²⁶, – писал философ. Спустя два десятилетия Локк разовьет данные идеи в другом своем сочинении «Послание о веротерпимости» (1686 г.)²²⁷.

²²⁴ Орлов В.И. Фрэнсис Годвин и его книга // Наука и жизнь, 1967. № 4. С. 70.

²²⁵ Годвин Ф. Человек на Луне... С. 64-70.

²²⁶ Локк Дж. Опыт веротерпимости. С. 69-70.

²²⁷ Локк Дж. Послание о веротерпимости. С. 91–135.

Гораздо дальше в вопросе критики религии пошел Гоббс. В своих произведениях, прежде всего, в главной работе «Левиафан», посвященной проблеме образования и существования государства, Гоббс обращается к вопросу о причинах возникновения религии. Стоит заметить, что для английских мыслителей XVI – начала XVII вв. данный вопрос не имел важного значения в силу очевидности ответа – религиозная вера является божественным даром, неотъемлемой частью сущности человека. Гоббс же подошел к вопросу о происхождении религии с точки зрения материализма – истоки религиозной веры он усматривал в самой человеческой природе, стремлении человека «доискиваться причин наблюдаемых событий»²²⁸, и в естественном человеческом страхе перед неизвестностью. «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией»²²⁹, – писал он. При этом Гоббс в своих рассуждениях о религии не дошел до полного отрицания существования Бога, хотя и скептически относился к религиозным чудесам и вмешательству Бога в судьбу человека, что позволило большинству исследователей его творчества назвать философа одним из первых деистов²³⁰.

В XVIII в. влияние научного рационализма и религиозного скептицизма на мировоззрение английских мыслителей постоянно усиливалось. В конце XVII – начале XVIII вв. англо-ирландский философ Дж. Толанд (1670–1722) выпускает ряд произведений, посвященных рационалистической критике христианства. Наиболее известное из этих произведений, вышедшее в свет в 1696 г., носило провокационное название «Христианство без тайн». Книга была запрещена ирландским парламентом и публично сожжена, а сам автор приговорен к тюремному заключению, что вынудило его бежать из Ирландии в Англию²³¹. В данной и последующих

²²⁸ Гоббс Т. Левиафан... С. 81.

²²⁹ Там же. С. 43.

²³⁰ Мееровский Б.В. Гоббс. С. 171–192.

²³¹ Мееровский Б.В. Джон Толанд. М.: Мысль, 1979. С. 18-20.

своих работах Толанд последовательно критиковал христианское вероучение с рационалистических позиций. Основным объектом его критики были христианский иррационализм и влияние религии на жизнь человека. Философ отрицал существование в мире каких-либо объектов, не подвластных рациональному познанию и объяснению. «То, что я не понимаю, не может дать мне правильного понятия о боге и не способно повлиять на мои действия каким-либо образом»²³², – писал он. Христианское вероучение пагубно сказывается на развитии общества, считал Толанд, ибо вводит людей в заблуждение, заставляя «поклоняться тому, чего мы не в состоянии понять»²³³.

Убежденный эмпирик Д. Юм в своих многочисленных произведениях, посвященных проблемам человеческого познания и религиозной вере, не только подвергал критике роль религии в обществе как механизма подавления человеческого разума. «Трусость и смирение, полное подчинение и рабское послушание» стали, по его мнению, главными итогами воздействия религии на умы людей²³⁴. Юм в своих рассуждениях зашёл гораздо дальше – основная проблема одного из его главных сочинений, опубликованного уже после смерти, «Диалогов о естественной религии» (1779 г.), это проблема существования Бога. В данной работе, построенной в виде диалога трех людей – убежденного верующего, деиста и человека, сомневающегося в бытии Бога, Юм последовательно, устами одного из персонажей, логически опровергает все существующие доказательства бытия Бога, однако, останавливается в шаге от прямого атеизма, заявляя о возможности существования безличностной первопричины бытия во вселенной. «Причины порядка во вселенной, вероятно, имеют некую отдаленную аналогию с человеческим разумом»²³⁵, – заключает он в конце трактата. Примечательно, что Юм остался верен своим убеждениям до самой смерти. По свидетельству

²³² Toland J. *Christianity Not Mysterious*. L.: Franklin Classics, 2018. P. 26.

²³³ Ibid. P. 36.

²³⁴ Юм Д. Диалоги о естественной религии. С. 411.

²³⁵ Там же. С. 481.

его ученика и друга великого шотландского политэконома А. Смита (1723–1790), философ в последние часы своей жизни читал сочинения древнегреческого философа Лукиана из Самосаты и «иронизировал над сказками о загробном воздаянии»²³⁶. Пройдет несколько десятилетий после смерти Юма и некоторые английские философы под воздействием как его идей, так и произведений Гоббса, Толанда, и, конечно, французских просветителей, окончательно встанут в оппозицию к религии как таковой, отрицая существование Бога. Одним из первых таких мыслителей, назвавших религию «оправданием предрассудков и слабостей человечества»²³⁷, будет политический радикал У. Годвин.

Религия и наука в Новое время оказывали колоссальное влияние на мировоззрение английских мыслителей. Начальной точкой бифуркации в религиозном развитии Англии стала реформация Генриха VIII, расколовшая английское общество на приверженцев противоборствующих религиозных течений. Противоборство продолжится на протяжении XVI–XVII вв. и станет одной из основополагающих причин революции середины XVII в. В процессе революции все конфликтующие стороны в идейной полемике обращались к Священному Писанию, что в совокупности с формированием во второй половине XVII в. в английском парламенте политических партий и складыванием системы парламентской монархии, привело к отходу большинства английских мыслителей от приверженности богословской аргументации.

В конце XVII–XVIII вв. в среде английских мыслителей получает распространение религиозный скептицизм, опора при выдвижении различных концепций на исторический опыт, рационалистическую критику или принципы личной «веры». Это являлось важнейшей точкой бифуркации в эволюции мировоззрения английских мыслителей и, одновременно,

²³⁶ Цит. по: Нарский И.С. Давид Юм. С. 28.

²³⁷ Годвин В. О собственности. С. 228.

важным итогом кризиса религиозной картины мира и перехода к иным ценностным установкам.

1.3. Специфика социального развития страны. Трансформация социального облика английских мыслителей

На мировоззрение английских интеллектуалов XVI–XVIII вв. и на эволюцию английской общественной мысли в целом, оказывало влияние множество факторов. Причем данные элементы воздействия, такие, как религия, наука, становление и развитие буржуазных отношений, распространение внешней торговли и колонизации, как было показано в первых разделах главы, находились в постоянном тесном взаимодействии.

Представители разных социальных групп английского общества воспринимали происходящие изменения по-разному. Например, для джентри развитие буржуазных отношений в деревне было способом обогащения и стимулом к борьбе за власть, а для массы крестьян это были процессы, которые напрямую вели к потере земельных владений и пауперизации.

Сложность и уникальность развития английского общества в Новое время признавало, обращаясь к его описанию, большинство крупнейших исследователей социальной истории. Марксисты акцентировали внимание на классовом характере общества, разделяя английских мыслителей на «буржуазных», отстаивавших интересы новых слоев общества, и представителей эксплуатируемых слоев. Англия интересовала марксистских историков как страна передового развития капитализма. «Только в Англии пролетариат может быть изучен во всех своих отношениях и со всех

сторон»²³⁸, – писал во введении к работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) Ф. Энгельс.

Представители иных исторических школ обращали своё внимание на другие причины, приведшие к коренной социальной трансформации английского общества в XVI–XVIII вв. К. Поланьи в работе «Великая трансформация» (1944 г.) изобразил развитие английского общества как колыбели рыночной экономики и источника идеи национального государства. Поланьи стремился показать, что рыночная экономика, «основанная на принципе всеобщего эгоизма... неестественном и пагубном для общественного развития»²³⁹ складывалась параллельно с формированием и развитием национального государства, которое регулировало рыночные отношения, придавало им упорядоченность, способствовало ускорению изменения социальной структуры общества на буржуазный манер.

Немецкого историка и социолога М. Вебера (1864–1920) интересовало, в первую очередь, не взаимовлияние рыночной экономики и государства, а изучение протестантизма как идеологической основы для развития буржуазных отношений. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.) он обращался к рассмотрению английского общества, как примера страны, где, благодаря одновременному распространению Реформации и быстрому экономическому развитию, дух капитализма появился раньше, чем сложились зрелые капиталистические отношения²⁴⁰.

Предметом анализа одного из основных представителей современной исторической социологии американского ученого Р. Лахманна (род. в 1956 г.) является борьба политических элит как предпосылки формирования капиталистического общества. Но и специалиста преимущественно по социально-политическому развитию общества привлекает именно Англия,

²³⁸ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2. С. 243.

²³⁹ Polanyi K. The great transformation... P. 40.

²⁴⁰ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021.

как страна с множеством групп влияния, борьба между которыми подстегивала капиталистическое развитие²⁴¹.

Вне зависимости от того, какая сфера или взаимодействие сфер социума привлекали различных ученых, они неизменно обращались именно к английскому обществу, как, с одной стороны, наиболее прогрессивному, особенно в экономическом плане, а, с другой, как наиболее расколотому и эклектичному. Следовательно, когда мы говорим об эволюции мировоззрения английских мыслителей, необходимо каждый раз акцентировать внимание на том, к какой части английского общества принадлежал конкретный учёный или общественный деятель.

В данной части работы мы рассмотрим, во-первых, сам процесс формирования английской общественной мысли в Раннее Новое время как образец национального, а не феодального, мышления, а также то, представители каких общественных слоев оказывали наибольшее влияние на развитие английской общественной мысли в разные временные периоды в рамках заявленной нами темы исследования.

Первой точкой бифуркации в развитии и трансформации социального облика английских мыслителей будет формирование в XVI в. национальной общественной мысли, последующий анализ представителями интеллектуальной элиты существующих в Англии социально-экономических, религиозных и политических проблем и построение ими первых масштабных проектов «справедливого общества».

В Средние века говорить об английской национальной общественной мысли преждевременно в силу несформированности национального самосознания. Практически все историки-медиевисты говорят о вассально-ленных отношениях как основе общественного устройства. Для человека важно было не то, в какой стране он живет, а то, кто является его господином. «"Служить" или, как еще говорили, "помогать" – и "защищать":

²⁴¹ См.: Лахманн Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010.

этими очень незамысловатыми словами самые старинные документы определяют обязательства вооруженного верного воина и его господина. Именно в те времена, когда эти обязательства были обозначены так туманно и, вместе с тем, так ясно, связь между господином и слугой ощущалась как необыкновенно прочная и крепкая»²⁴², – описывает вассальную верность один из виднейших французских историков первой половины XX в., представитель школы «Анналов» М. Блок (1886–1944).

Формирование национальной идентичности, вкупе с началом Реформации и первичным развитием буржуазного уклада общества, а также связанного с данными процессами ростом социального расслоения и религиозным расколом, вызвали у английской интеллектуальной элиты потребность в осмыслении путей общественного развития, в построении идеальных моделей «справедливого общества». Именно в начале XVI в. в раненнестюартовской Англии происходит институализация различных интеллектуальных групп, конструировавших и выдвигавших идею коллективной национальной идентичности, противопоставляя её концепциям феодального и территориального самоопределения²⁴³.

Однако постепенность развития вышеозначенных процессов, сопровождавшаяся невысоким уровнем грамотности населения, и, главное, отсутствием (до середины XVII в.) масштабных социальных потрясений привели к тому, что размышление над судьбами и путями развития общества было уделом редких интеллектуалов, представителей верхов. А для их произведений была характерна утопичность – мыслители не предлагали конкретных путей достижения «справедливого общества», а лишь показывали его уже готовую модель.

Конечно, и в XVI – начале XVII вв. существовали полемические произведения, предлагавшие конкретные общественные преобразования. Это были труды Фокса и Картрайта – сторонников углубления Реформации;

²⁴² Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 143.

²⁴³ Фёдоров С.Е. Британская идентичность... С. 75-76.

произведения английских католиков – Парсонса, Аллена и др. Однако все они носили религиозно-политический характер, являлись реакцией на конкретные внешнеполитические или внутривнутриполитические события, не претендуя на целостное осмысление общественного развития Англии. Их авторами являлись преимущественно выходцы из верхушки общества, а содержание работ носило полемический характер, причём зачастую один труд являлся ответом на предыдущие работы идейного оппонента. Поэтому мы сосредоточимся на особенностях утопических произведений – совершенно нового явления английской общественной мысли, являвшихся первыми попытками целостного осмысления пути и перспектив развития общества, находящегося в перманентно кризисном состоянии. Наиболее известными произведениями подобного рода являются названные выше «Утопия» Мора, «Новая Атлантида» Бэкона и «Человек на Луне...» Ф. Годвина.

Краткий анализ жизненного пути и произведений каждого из названных мыслителей позволяет выявить сходство между их социальным положением, выдвигаемыми идеями и концепциями. Все они получили великолепное образование, были разносторонне одаренными людьми, занимали высокое положение в обществе. Мор происходил из знатной семьи – его отец сэр Дж. Мор являлся лондонским судьей Высшего королевского суда; его сын получил образование в Оксфордском университете и сделал выдающуюся политическую карьеру, заняв в 1525 г. высшую государственную должность в Англии – пост лорда-канцлера. Мор был одаренным юристом (учился в одном из лучших юридических колледжей – Линкольнс-Инн и некоторое время работал барристером) и писателем. Кроме уже упомянутой «Утопии», он был автором «Истории Ричарда III», нескольких небольших поэм, а также более 200 эпиграмм. Мор прославился как опытный религиозный полемист, искренний защитник католической веры. Мы уже упоминали о том, что именно Мор является автором или, по крайней мере, редактором знаменитого произведения Генриха VIII «В

защиту семи таинств». В конце концов, верность католической религии и погубила Мора, отказавшегося признавать «Акт о супрематии», за что он был в 1535 г. казнен²⁴⁴.

Ф. Бэкон, подобно Мору, происходил из знатной аристократической семьи – его отец Н. Бэкон был лордом-канцлером. С самого детства Ф. Бэкон был погружен, в силу бурной политической деятельности своего отца, в атмосферу большой политики. Он получил домашнее образование, закончил Тринити-колледж Кембриджского университета, личным учителем будущего великого философа и ученого был архиепископ Кентерберийский Дж. Уитгифт. Знатное происхождение, лучшее образование и природная одаренность позволили Бэкону достичь, подобно отцу, должности лорда-канцлера. Однако мыслитель известен не только как государственный деятель, талантливый историк и литератор, но и как выдающийся ученый-эмпирик, первым обстоятельно и подробно описавший в «Новом Органоне» методологию эмпирического научного познания²⁴⁵.

Ф. Годвин не достиг, подобно Мору и Бэкону, высоких политических должностей, впрочем, сделать это он и не пытался, не занимаясь политикой вовсе. Тем не менее, как и они, Годвин принадлежал к верхушке английского общества – его отец Т. Годвин был епископом Бата и Уэллса (Bishop of Bath and Wells), а сам Френсис получил степень доктора богословия и стал епископом Херефорда. Увлечения Ф. Годвина также не ограничивались его профессиональной деятельностью – выдающийся богослов интересовался и наукой, являлся сторонником коперниканской теории. Среди его произведений есть публикации по истории Англии и криптографии²⁴⁶.

В своих произведениях, посвященных общественному устройству, Мор, Бэкон и Годвин выдвигали сходные идеи. Наблюдая происходящие в обществе на заре Нового времени изменения, они старались их осмыслить, выявить пороки социально-экономического развития, описать

²⁴⁴ Осиновский И.Н. Томас Мор и его «Утопия» // Мор Т. Утопия. С. 5-83.

²⁴⁵ См.: Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон; Бэкон Ф. Новый Органон.

²⁴⁶ Орлов В.И. Указ. соч. С. 70.

альтернативный – справедливый общественный строй. Все их произведения были утопиями, т.е. и Мору, и Бэкону, и Годвину было пока «неизвестно понятие переходного периода, а преобразование общества представлялось [им] как полный разрыв исторической преемственности»²⁴⁷. Причем, если следовать классификации знаменитого польского исследователя утопий и утопического мышления Е.Р. Шацкого (1929-2016), произведения всех этих мыслителей являются утопиями одного типа – утопиями места. Т.е. произведениями, где основой разделения общественных порядков служит «граница между известным и неизвестным миром. Где известный мир дурен, а новый мир, как кажется, обещает все, являясь воплощением справедливости...»²⁴⁸. В «Утопии» Мора и «Новой Атлантиде» Бэкона «границей между мирами» является океан – общества утопийцев и бенсалемцев располагаются на островах; в «Человеке на Луне» Годвина «границей» является космическое пространство. Строгую изоляцию общества от пагубного внешнего воздействия они считали важнейшим условием построения «справедливого общества». Причем изоляция в описываемых обществах возникла не в силу неосведомленности жителей о «внешнем мире», а была установлена специально. Например, остров Утопия изначально являлся полуостровом, но легендарный правитель Утопии – Утоп, приведя свой народ «к такому образу жизни и такой просвещенности, что утопийцы превосходили в этом почти всех смертных»²⁴⁹, опасаясь пагубного влияния извне, приказал прорыть канал, отделивший Утопию от всего остального мира. Утопом также были установлены и жесткие правила, способствующие поддержанию общественной изоляции, которым утопийцы следовали на протяжении столетий. Естественным продолжением политики изоляции в описываемых обществах был строгий контроль над деятельностью и поведением граждан, а также четкий дуализм нравственных и моральных ценностей.

²⁴⁷ Шацкий Е.[Р.] Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 39.

²⁴⁸ Там же. С. 60.

²⁴⁹ Мор Т. Утопия. С. 172.

Для Мора, Бэкона и Годвина характерен взгляд на общество «сверху» – они считали, что есть только один справедливый и необходимый для всех общественный порядок, который должен быть раз и навсегда установлен и поддерживаем любыми средствами. Так лунные жители в «Человеке на Луне», заметив у ребенка нравственные пороки, отправляли его на Землю, забирая взамен другого. «Они ведут такую жизнь, что ничто не может нарушить её покой. Если же они замечают у ребенка склонность к пороку, то отправляют его неведомым мне способом на Землю, обменивая на другого...»²⁵⁰, – так описывал порядки лунных жителей Доминико Гонсалес. Поведение жителей острова Бенсалем в «Новой Атлантиде» контролировалось с помощью института семьи – бенсалемцы жили большими семьями, что обеспечивало постоянный надзор за поведением отдельного гражданина. Кроме того, у них существовал обычай «праздника семьи», на котором не только обсуждалось текущее положение дел, выделялась помощь нуждающимся, но и выносились «советы», негласно являвшиеся обязательными к исполнению. «Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносятся порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы»²⁵¹.

Мы можем сделать вывод, что в XVI – начале XVII вв. проблема общественного развития рассматривалась преимущественно представителями верхушки английского общества, для которых данная проблема, как и литературная деятельность, не являлись основными, а, скорее, были, хотя и важным, но интеллектуальным увлечением. Все названные мыслители являлись утопистами и не предлагали конкретных путей достижения выдвигаемых общественных идеалов, для них характерен был взгляд на общество «сверху» и моральный дуализм – установленный общественный порядок рассматривался как безусловно лучший, для

²⁵⁰ Годвин Ф. Человек на Луне... С. 69.

²⁵¹ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 25.

поддержания которого была необходима четкая регламентация жизни граждан и строгие наказания для отступников.

Следующая точка бифуркации, связанная с расширением социальной базы английских мыслителей, относится к революции середины XVII в. Революция неизбежно заставила людей разного социального положения задуматься о своем будущем и будущем своей страны, выработать личное отношение к происходящим событиям, переосмыслить существующие ценности. «Вместе с отталкиванием чужеродного, в любом бунте происходит полное и произвольное отождествление человека с определенной стороной его собственного существа.<...> Бунтовщик противопоставляет все, что ценно для него, всему, что таковым не является...»²⁵², – писал один из известнейших философов XX в., исследовавший метафизическую и историческую природу человеческих бунтов и восстаний, А. Камю (1913–1960).

В период революции и последующей Реставрации, когда основы английского общества, казалось, рухнули, страну захлестнула кровопролитная гражданская война, а после гибели Республики ещё долго происходили жестокие эксцессы как со стороны населения, так и со стороны власти, любые перемены для англичан стали казаться возможными, «справедливое общество», бывшее еще недавно лишь отдаленными абстрактными мечтаниями английских интеллектуалов, стало насущным вопросом ближайших преобразований.

Практически у каждого социального слоя английского общества нашелся собственный идеологический лидер, выражающий в своих произведениях надежды и чаяния своих сторонников. Филмер в «Патриархе» и «Анархии ограниченной монархии» защищал интересы феодальной аристократии, приверженцев «старого порядка» и абсолютной монархии. Гаррингтон в «Республике Океании» ратовал, как и другие состоятельные джентри, за создание республики, выдвинув идею «баланса собственности»,

²⁵² Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 126–127.

согласно которой при расширении количества земельных собственников должна меняться и форма правления. Нашлись свои защитники и у менее состоятельных и не отличавшихся знатностью происхождения слоев общества. Один из лидеров левеллеров, социальную базу которого составляли мелкие джентри и небогатые городские жители, Лильберн в своих многочисленных памфлетах выдвигал идеи масштабных политических и экономических реформ, направленных на поддержку развития свободы торговли и максимальное обеспечение участия свободных граждан в политической жизни²⁵³. Выразителем интересов пауперизированного крестьянства стал Уинстенли, отстаивавший необходимость уравнительного распределения собственности и ликвидации институтов частной владения и товарно-денежных отношений как таковых²⁵⁴.

После реставрации монархии в 1660 г. многие представители разочарованных итогами революции народных низов обратились к идеям набиравшего популярность во второй половине XVII в. движения квакеров. Один из основателей движения квакеров – Дж. Фокс, подобно Уинстенли, выдвигал идею о равенстве всех людей в силу наличия в каждом из них «божественной частицы». Однако, видя итоги революции и осознавая невозможность осуществления своих идей в рамках всей Англии, лидер квакеров призывал своих сторонников объединяться в общины, создавая справедливый общественный строй в рамках этих небольших сообществ²⁵⁵. Обострилась политическая борьба в парламенте, в котором началось формирование политических партий (вигов, выступавших за ограничение королевской власти, и тори, отстаивавших идею неограниченной монархии). В среде тори, представленных в основном земельной аристократией, обретали новую популярность идеи Филмера. Виги, представленные, в основном, формирующейся английской буржуазией и джентри, опирались на

²⁵³ Лильберн Дж. Защита прирожденного права Англии. С. 34-47; Он же. Новые цепи Англии. С. 47-66; Он же. Соглашение свободного народа Англии. С. 107–120.

²⁵⁴ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 179-363.

²⁵⁵ См.: Хью МакГрегор Росс. Указ. соч.

идеи Локка о естественном праве и теории «общественного договора», как основы возникновения государства²⁵⁶.

Одновременно с расширением социальной базы мыслителей происходила и поляризация выдвигаемых ими идей, а также увеличивалось разнообразие форм произведений, в которых данные идеи описывались. Они уже не смотрели на общество «сверху», а рассуждения о построении идеального социума были для них не интеллектуальной забавой, а насущным вопросом, который необходимо было решать «здесь и сейчас» – от былой абстрактности и утопичности идей не осталось и следа. Среди произведений данного периода встречались готовые проекты реформ, например, «Соглашение свободного народа Англии» Лильберна, построенное в форме перечисления конкретных политико-правовых реформ, предлагаемых и поддерживаемых «всем свободным народом Англии»²⁵⁷. Даже утопические произведения, предлагавшие быстрый переход от порочного общественного строя к справедливому, разительно отличались от работ XVI – начала XVII вв. Их авторы, несмотря на отсутствие понятия «переходного периода» и объяснения, каким именно образом произойдет смена общественного строя, искренне верили в скорейшее осуществление выдвигаемых идей. Классическим примером в данном случае является работа Уинстенли «Закон свободы». Как отмечали многие исследователи утопической литературы Нового времени, данный труд по своей форме схож с «классическими» утопиями – «Утопией» Мора и «Городом Солнца» Т. Кампанеллы²⁵⁸. Однако сам автор «Закона свободы» позиционировал описанную в его работе общественную модель как непосредственный образец для проекта реформ. Недаром «Закон свободы» был адресован непосредственно лидеру революции – Кромвелю с целью скорейшей реализации предложенных в нем идей²⁵⁹.

²⁵⁶ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 135-407.

²⁵⁷ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 109.

²⁵⁸ Волгин В.П. Диггеры и Уинстенли // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. С. 29.

²⁵⁹ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 179.

Бурные события середины – второй половины XVII в., вовлекшие в свой круговорот практически все слои английского общества, заставили мыслителей различного социального происхождения задуматься о конкретных методах воплощения своих представлений о справедливости, и эти представления четко сформулировать. Однако к концу XVII в. вследствие «Славной революции» 1688–1689 гг. и последующего принятия нормативно-правовых актов, прежде всего «Билля о правах» (1689 г.), ограничивших власть короля и закрепивших за гражданами их неотъемлемые права и свободы, политическая система Англии обрела стабильность, формирование её основ, существующих и по сей день, было завершено.

Мыслители XVIII в., основываясь на опыте пережитых англичанами потрясений предыдущего столетия, должны были предложить новые методы построения справедливого общественного строя. При этом, с изменением и стабилизацией политической обстановки, продолжением развития и становления буржуазного общества, меняется социальный состав английских мыслителей, круг волнующих их общественных вопросов и характер выдвигаемых идей. Важную роль в этом сыграли не только политико-экономические изменения, но и трансформация систем передачи, бытования и определения ценности информации в обществе. Серьёзное изменение как социального состава, так и мировоззренческих основ деятельности английских мыслителей, круга анализируемых ими проблем, произошедшее в конце XVII – начале XVIII вв. также является важной точкой бифуркации в трансформации их социального облика.

Прежде всего, меняется сама основа аргументации выдвигаемых идей. Идеи мыслителей периода революции и Реставрации и, тем более, ранних периодов, основывались либо на «библейских истинах», либо на апелляции к здравому смыслу и «истинной справедливости». Однако к концу XVII в., в силу определённой дискредитации библейских аргументов, применяемых в период революции как радикалами, так и консерваторами, развития научного познания и религиозного скептицизма, необходимости рационального

обоснования своих идей, ставшего особенно важным с появлением парламентских группировок вигов и тори, весомость и значимость религиозных аргументов в работах английских мыслителей падает²⁶⁰.

Место религиозных рассуждений занимает история. Исследуя особенности английской общественной мысли XVIII в., М.П. Айзенштат характеризовала основное изменение модели аргументации английских интеллектуалов следующим образом: «Исторические примеры существенно потеснили ссылки на Библию в философских и политических сочинениях, столь характерные для предыдущего столетия»²⁶¹. В XVIII в. в свет выходят фундаментальные труды, совмещавшие историческое описание с политической критикой. К наиболее значимым подобным произведениям следует отнести 8-томную «Историю Англии...» писательницы, философа и историка К. Маколей, вышедшую в свет в течение 20 лет – с 1763 по 1783 гг. «История Англии...» совмещала в себе последовательное описание исторических событий XVII в. с резкой критикой неограниченной власти, и восхвалением либеральных реформ, а также республиканского государственного строя²⁶². Подобное содержание имел и труд Д. Юма с аналогичным названием – «История Англии...» (1754–1762 гг.), в котором «Славная революция» оценивалась как закономерное и исторически обоснованное событие²⁶³.

Растущий интерес английских мыслителей к истории подогревался и спросом со стороны обеспеченных горожан. Сведения о громадных библиотеках состоятельных англичан мы найдем и в воспоминаниях соратницы российской императрицы Екатерины II княгини Е.Р. Дашковой (1743–1810), совершившей путешествие в Англию в 1770-х гг. Особенно княгиню поразила библиотека Дж. Спенсера, герцога Мальборо,

²⁶⁰ Хилл К. Английская Библия... С. 9–15.

²⁶¹ Айзенштат М.П. Историческое знание... С. 207.

²⁶² См.: Macaulay C. The history of England...

²⁶³ См.: Hume D. The History of England...

насчитывавшая несколько десятков тысяч книг²⁶⁴. В воспоминаниях и письмах английского поэта, философа и литературного критика конца XVIII – начала XIX вв. Ч. Лэма есть свидетельство о развитии моды на соби́рание книг не только у знатных и богатых граждан, но и у представителей средних слоев общества, стремившихся подражать им²⁶⁵.

Следствием спроса на научные трактаты, философскую, историческую и публицистическую литературу стало то, что в XVIII в. важной причиной их написания становится коммерческий успех. Количество публикуемых трактатов в течение столетия возрастало, появилась возможность приобретать книги не только в столице, но и в провинциальных городах, в журналах и газетах стали публиковаться сведения о новинках с указанием их цены²⁶⁶. О судьбе своих детищ в плане коммерческого успеха стали задумываться и авторы. Юм, первый том «Истории Англии...» которого с треском провалился, обвинял своих противников в заговоре против него²⁶⁷. Последующий коммерческий успех «Истории Англии...» и других произведений философа не только поправил его материальное положение, но и способствовал продвижению по государственной службе.

Писатели развивали в прессе бурную полемику относительно политических и исторических взглядов друг друга, которая непосредственно влияла на популярность тех или иных идей. Одним из самых распространенных литературных жанров становится рецензия. Критические рецензии, наряду с полемическими и публицистическими статьями, печатались в журналах, основателями которых зачастую являлись сами английские мыслители. К числу подобных изданий можно отнести журнал «Ремесленник» («The Craftsman»), издаваемый одним из идеологов английских тори первой половины XVIII в. и видным деятелем английского

²⁶⁴ Дашкова Е.Р. Путешествие одной русской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям // «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 40.

²⁶⁵ Lamb C. Letters of Charles Lamb with Some Account of the Writer, his Friends and Correspondents. In 2 vol. L.: Bell, 1886. Vol. 1. P. 7.

²⁶⁶ Айзенштат М.П. Историческое знание... С. 150.

²⁶⁷ Там же. С. 79.

Просвещения лордом Г. Болингброком²⁶⁸. Самый популярный радикальный антиправительственный журнал середины XVIII в. «Северный британец» («The North Briton») издавал литературный критик, журналист, политик и ярый критик правительства Дж. Уилкс²⁶⁹.

Мы можем заключить, что социальную основу сообщества английских мыслителей XVIII в. составляли люди, профессионально занимавшиеся созданием интеллектуального продукта, т.е., говоря современным языком, интеллигенция²⁷⁰. Если для Мора и Бэкона публицистическая и литературная деятельность не являлась основной, а мыслители, подобные лендлорду Филмеру или выходцу из среды мелких торговцев Лильберну, ещё не ассоциировали себя с определенным социальным слоем деятелей умственного труда, то в XVIII в. в Англии не только появляются отдельные представители профессий интеллектуального труда – литературные критики, писатели, публицисты, журналисты, для которых данная деятельность становится основной, но и целые группы интеллектуалов. К ним можно отнести, например, кружок единомышленников, сложившийся вокруг К. Маколей, куда входили её брат Дж. Соубридж, писатель Т. Холлис и др.²⁷¹

Таким образом, на протяжении рассматриваемого хронологического периода социальный облик английских мыслителей претерпел серьезную трансформацию. Первой точкой бифуркации, выделенной нами в данной области, являлся период формирования в начале XVI в. английской национальной общественной мысли, сопровождающийся попытками английских интеллектуалов, каждый из которых занимал высокое

²⁶⁸ Барг М.А. Историческая мысль английского просвещения: Болингброк // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 274-315.

²⁶⁹ Thomas P.D.G. John Wilkes: a friend to liberty. Oxford: Clarendon Press. 1996. P. 87-93.

²⁷⁰ При использовании понятия «интеллигенция» мы будем опираться на теорию выдающегося отечественного социолога Л.М. Баткина. Рассматривая вопрос о смысловом наполнении этого понятия, он выделял в данном социальном феномене две составляющие: социологическую – интеллигенция как определенный социальный слой, и философско-культурную – интеллигенция, как «творческая неформальная элита», принадлежность к которой субъективно осознаётся её членами. Формирование интеллигенции в Европе в данном контексте Баткин относил именно к XVIII–XIX вв. – Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 57-60.

²⁷¹ Айзенштат М.П. Историческое знание... С. 144.

общественное положение, создать и утвердить в общественном самосознании свои модели «справедливого общества».

Социальный состав английских мыслителей претерпел кардинальные изменения вследствие другой, выделенной нами, точки бифуркации – революции середины XVII в. В этот период практически у каждого социального слоя появляются свои защитники и выразители интересов, а сам социальный состав английских мыслителей серьезно расширяется.

Наконец, в конце XVII–XVIII вв. под влиянием как политических событий (формирования политических партий в парламенте, окончательного оформления системы парламентской монархии), так и вследствие культурных трансформаций (кризиса религиозной картины мира, увеличения интереса граждан к истории, появления большого количества частных библиотек) социальный облик английских мыслителей претерпевает очередную трансформацию. Появляются творцы, которые не просто пытаются переосмыслить принципы развития общества, но и живут за счет создания различного рода произведений. Данных мыслителей интересуют не только выдвигаемые ими и их идейными оппонентами концепции, но и, в немалой степени, коммерческий успех их работ.

* * *

Рассмотрев в данной главе влияние различных факторов – экономики, политики, социального развития, кризиса религиозного сознания и появления научных способов осмысления реальности на общественно-политическую мысль Англии XVI–XVIII вв., мы можем сделать несколько выводов.

Прежде всего, следует отметить многовекторность влияния факторов различной природы на общественную мысль Англии. Невозможно выделить какой-либо доминирующий фактор – развитие разных сфер общественной жизни Англии теснейшим образом взаимосвязано. Так, религия была неотделима от политики – в богословских трактатах зачастую

присутствовали критика, либо оправдание действий властей; экономические и политические требования, особенно в период революции середины XVII в., устойчиво коррелировали с социальным положением мыслителей; развитие научной мысли не только приводило к кризису религиозного мировоззрения, но и к переосмыслению природы государственной власти.

Социальные противоречия в английском обществе также носили разноплановый характер – это и борьба различных религиозных течений; и соперничество за власть между джентри и старой аристократией; и борьба пауперизированного крестьянства за улучшение условий существования; и соперничество политических элит в парламенте. При этом, следует отметить, что, за исключением революции середины XVII в., Англии удавалось избегать насильственного пути разрешения крупных социальных противоречий, что, конечно, не исключало возникновения по разным причинам острых социальных конфликтов.

В течение XVI–XVIII вв. в развитии английской общественной мысли было несколько важнейших точек бифуркации, кардинальным образом сменивших направленность основных идей, выдвигаемых интеллектуалами и серьезно повлиявших на социальный состав данной группы. Первая из них – это реформы Генриха VII, когда происходит восстановление английской экономики и, на этой базе, внутривластная стабилизация. «Королевская реформация» Генриха VIII (вторая точка бифуркации) ещё более укрепила власть монарха, но, при этом, расколола страну на противоборствующие религиозные течения, ведущие постоянную идейную полемику друг с другом. Именно в этот период формируется национальная английская общественная мысль, а представители верхушки английского общества предпринимают первые попытки осмысления особенностей развития социума и построения моделей «справедливого общества». Третья точка бифуркации – революция середины XVII в., являвшаяся масштабным политическим, экономическим и социальным кризисом, когда джентри в союзе с городскими олддерменами открыто заявили о своих претензиях на

политическую власть. Это же было и время расцвета английской общественной мысли. В середине XVII в. социальная база английских мыслителей серьезно расширяется – свои взгляды на пути развития общества высказывают представители различных социальных слоев.

Наконец, еще одной (четвёртой) точкой бифуркации нам представляется конец XVII – первая половина XVIII вв. Это был период окончательного формирования английской политической системы – политических партий в парламенте и, в целом, парламентской монархии, расширения колониальной экспансии и начала промышленной революции. В политической борьбе всё большую роль начинают играть парламентские дискуссии, что, в совокупности с кризисом религиозной картины мира, освобождением прессы от государственной цензуры, увеличением интереса граждан к истории, появлением большого количества частных библиотек и т.д., приводит к формированию отдельной прослойки в среде английских мыслителей, условно названной нами «интеллигенцией», которая и задает новаторский вектор направленности английской общественной мысли.

Глава 2. Доминанты мировоззрения английских интеллектуалов XVI–XVIII вв.

2.1. Право как основа «народной справедливости»

Задачей данной главы диссертационного исследования является выявление и анализ мировоззренческих доминант англичан – тех, получаемых из культуры, воспитания и традиций, идейных элементов, которыми, зачастую подсознательно²⁷², руководствовалось большинство английских мыслителей, независимо от их социального положения и отношения к политической и социально-экономической обстановке. Первой такой доминантой, ставшей, отчасти, основой и для других, является, по нашему мнению, упомянутое в эссе знаменитого писателя Дж. Оруэлла (Э.А. Блэра, 1903–1950) «Англичане» (1947 г.) уважение англичан к закону, т.е. к фундаментальным правовым установлениям, созданным на основе длительно вырабатываемого общественного консенсуса²⁷³.

Следует заметить, что уважение к закону и педантичность в исполнении его предписаний не является уникальной чертой именно англичан в сравнении с другими народами Европы. Важнейшее отличие их мировоззрения заключается не только и не столько в стремлении к исполнению законов, а в уникальном понимании их сущности. Если для народов континентальной Европы характерна трактовка исполнения закона

²⁷² Научному и философскому мировоззрению предшествует мировоззрение «естественное», которое, по выражению немецкого философа начала XX в., одного из основателей исторической антропологии М. Шелера, «большинство людей получает из традиции и впитывает с молоком матери». – Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994. С. 3.

²⁷³ «Свежему взгляду иностранца откроется многое, что примелькалось наблюдателю, живущему здесь постоянно... Почти наверное он сочтет основными чертами рядовых англичан их глухоту к прекрасному, благонравие, уважение к закону, недоверие к иностранцам...». – Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 314-315.

как следование его букве, т.е. строгое исполнение предписаний, изложенных в нормативно-правовых актах, то англичанами закон понимается как вынесение справедливого решения в конкретной ситуации, «здесь и сейчас»; закон для них не сводится к исполнению письменно зафиксированных норм, которые определяют лишь основные правовые положения. На первый план выходит интерпретация разбираемого случая, процесс его анализа и обсуждения; именно «дух закона», а не его буква, лежат в основе английской правовой системы. Неслучайно ведущие специалисты в области правовой компаративистики, например, знаменитый французский правовед середины XX в. Р. Давид (1906–1990), автор десятков работ, посвященных особенностям правовых систем различных стран, выделяют две ведущие мировые системы права – англо-саксонскую и романо-германскую («континентальную»)²⁷⁴.

Истоки различий между англо-саксонской и континентальной системами права относятся еще к периоду Поздней Античности и Раннего Средневековья. Политико-правовые институты большинства стран Западной Европы складывались и формировались под влиянием римского права, в силу как тесного и длительного взаимодействия римской и варварских культур, так и необходимости для вождей варварских племен (вестготов, остготов, лангобардов, франков и др.) ориентироваться при формировании аппарата управления и правовой системы на более развитые цивилизации, т.е. опять же на культурно-политический опыт Римской империи²⁷⁵.

Британия, за исключением Каледонии (древнее название Шотландии), хотя и была покорена Римской империей еще в I в. н.э., однако, романизация населения за счет отдаленности острова и устойчивости старинных родоплеменных традиций протекала здесь крайне медленно. Римские муниципалии в данной местности начинают появляться только в III–IV вв., т.е. в период заката Римской империи. Римская культура, оппозиционная к

²⁷⁴ David R. Major Legal Systems in the World Today: An Introduction to the Comparative Study of Law. L.: Free Press, 1978. P. 5–15.

²⁷⁵ Ibid. P. 35–40.

культуре варварской, в Британии, скорее, укрепила последнюю, став для нее объектом чуждым, против которого необходимо бороться. Старые нормы обычного права, основывающиеся на идее божественной и общественной справедливости, а не на «букве» закона, стали основой правового мировоззрения предков современных англичан²⁷⁶.

Еще со времен Раннего Средневековья право и закон, ставшие в юридической практике континентальной Европы фактически синонимами, для жителей Британии существенно разошлись по своему смысловому наполнению. Это различие сохранилось и в современной английской лексике. У англичан существует несколько слов, обозначающих понятие «закон». Такие понятия в английском языке как «law» и «statute» как на русский, так и на другие европейские языки можно перевести как «закон». Для представителей континентальной правовой системы подобный перевод не исказит смысл понятий, однако, для англичан они различаются как по объему, так и по смыслу. Термином «statute» в английском языке обозначают письменные нормативно-правовые акты; данное понятие синонимично понятию «закон» в континентальном праве. Гораздо важнее для понимания правового мировоззрения англичан смысловое наполнение термина «law». Корректно – без потери или искажения первоначального значения – перевести его на другие европейские языки практически невозможно, что опять же доказывает уникальность англо-саксонской правовой системы. Оно включает в себя не только обозначение нормативно-правовых актов, но и различных судебных прецедентов, правовых доктрин и обычаев, т.е. всей совокупности важнейших элементов английской системы судопроизводства и права. Объем термина «law» гораздо шире, нежели понятия «statute» за счет включения неписанных правил, обычаев и прецедентов, на которые опираются английские правоведы. «Law» на русский язык, скорее, хоть и серьезно редуцируя смысл данного понятия, можно перевести как

²⁷⁶ Пономарев М.В. Великобритания: История художественной культуры. М.: Центр Школьная книга, 2000. С. 6-7.

«справедливость», нежели как «закон»²⁷⁷. Ориентацию англо-саксонской правовой системы на общественную справедливость, силу доктрин и обычаев подчеркивает существование в ней такой уникальной правовой категории как «траст». «Траст – это особый вид доверительной собственности, управляемой одним или несколькими лицами в интересах других лиц – бенефициантов»²⁷⁸. Отличительной особенностью траста от других форм собственности является то, что его фундаментом выступает взаимное доверие, не зафиксированное четко в «букве» закона, но основывающееся на личном взаимодействии между субъектами правоотношений. При этом лицо, управляющее собственностью, несет ответственность не перед законом, а перед своей совестью и мнением общественности²⁷⁹.

Сформировавшаяся в Раннее Средневековье уникальность английского права с течением времени не только не разрушалась, но и, благодаря определенным историческим условиям, расширялась и конкретизировалась. Начавшееся вскоре после нормандского завоевания Англии в 1066 г. противостояние баронов и короля требовало от каждой из сторон опоры на уже существующие правовые институты. Королевская власть в лице королей Генриха I (1100–1135) и Генриха II Плантагенета (1154–1189) стремилась в противостоянии с баронами опереться на традиционные институты английского права и местного самоуправления – возродить и структурировать их. Генрих I возродил многие традиционные англосаксонские органы власти на местах – собрания графств (фолькмот) и сотен (хандред-гемот). Генрих II учредил суд присяжных, являвшийся политико-правовым выражением древнего английского правового обычая соприсяжничества, как выражения народного доверия и справедливости²⁸⁰.

Но стоило королевской власти в правление Иоанна Безземельного (1199–1216) ослабеть, как феодалы добились принятия уникального для

²⁷⁷ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М.: Юристъ, 2000. С. 33-54.

²⁷⁸ Цит. по: Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Великобритания: политика, государство, право. М.: Центр Школьная книга, 2000. С. 17.

²⁷⁹ Hudson A. Equity and Trusts. L.: Cavendish publishing ltd., 1999. P. 31-63.

²⁸⁰ Саидов А.Х. Указ. соч. С. 110–121.

Средневековья документа, ограничившего королевскую власть и закрепившего неотъемлемые права и свободы аристократии (баронов); документа, на который будут неоднократно ссылаться большинство английских борцов с деспотизмом – Великой хартии вольностей. Данный документ был направлен против бесконтрольного усиления королевской власти и отражал устремления феодалов, стремящихся её ослабить. Но создан и принят он был, опять же, в силу специфики английского правотворчества – стремления в принимаемых нормативно-правовых актах воплотить общественную справедливость – от имени свободных людей («всех равных» – *pares*). Помимо создания баронского «общего совета королевства», хартия подразумевала закрепление некоторых прав за всем свободным населением Англии (права на справедливый суд²⁸¹, на неприкосновенность собственности²⁸², на свободу передвижения и т.д.). Упоминание данного документа, несмотря на то, что с момента его принятия к началу революции середины XVII в. пройдет уже более 400 лет, мы найдем в таких важных парламентских документах, отражающих усиление конфронтации между королевской властью и парламентом, выступавших защитником граждан от деспотизма Карла I, как «Петиция о праве» (1628 г.) и «Великая ремонстрация» (1641 г.). В «Петиции о праве» – документе, призывающем короля к соблюдению английского права в обосновании выдвигаемых парламентариями положений, мы можем встретить следующие строки: «...статутом, называемым "Великая Хартия вольностей Англии", объявлено и узаконено, что ни один свободный человек не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен своей земли или вольностей, изгнан или

²⁸¹ «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму... иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны». – Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Под ред. Д.М. Петрушевского. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 111.

²⁸² «Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество». – Там же. С. 98.

утеснен каким-либо иным образом иначе, как по законному приговору равных ему или по закону страны...»²⁸³.

Опора на правовые обычаи, правовая преемственность, стремление к рассмотрению каждого отдельного случая как правового казуса, требующего вынесения справедливого решения от имени народа, олицетворением которого стали присяжные, являются уникальными чертами английской правовой системы. Письменные законодательные акты, особенно в процессе решения важных вопросов, вполне могли быть проигнорированы англичанами, что является нонсенсом для континентальной системы права. Так, например, возражение Карла I о невозможности суда над ним в силу отсутствия законодательных актов, «согласно которым король может быть привлечен к суду своими подданными»²⁸⁴, не стало препятствием ни для судебного разбирательства, ни для последующей казни. Суд был создан как официально объявленное волеизъявление народа через своих представителей (парламентариев), а мотивацией для его создания стало нарушение Карлом I «прирождённых прав граждан» и его стремление разрушить веками складывающуюся английскую правовую и политическую систему. В «Ордонансе об учреждении суда над королем» (8 января 1649 г.) было сказано: «...известно, что Карл Стюарт, теперешний король Англии... возымел преступное намерение совсем уничтожить старинные законы и вольности страны, и вместо них ввести управление произвола и тирании...»²⁸⁵.

Представления о необходимости рассмотрения каждого правового казуса как уникальной ситуации сформировали первую часть английской правовой системы – «право справедливости». Однако постепенно рост числа судебных процессов, накопление практики вынесения судебных решений по определенным правовым прецедентам, сделали возможным вынесение

²⁸³ Конституции и законодательные акты буржуазных... С. 23.

²⁸⁴ Цит. по: Барг М.А. Великая английская революция... С. 203.

²⁸⁵ Ордонанс об учреждении суда над королем, 8 января 1649 г. // Лавровский В.М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. М.: Высшая школа, 1973. С. 222-223.

правовых решений «по аналогии», т.е. на основе ранее вынесенных решений по подобным делам. Так формировалась вторая часть уникальной системы английского права – право «прецедентное»²⁸⁶.

Формирование системы прецедентного права не связано с деятельностью государственных законодательных органов и является продуктом труда английских юристов – собиравших, описывавших и толковавших различные правовые казусы. Окончательно прецедентное право, как неотъемлемая часть английской правовой системы сформировалось в конце XVI – начале XVII вв. Наибольший вклад в его развитие, по мнению правоведов²⁸⁷, внес английский юрист и политик начала XVII в. Э. Кок, собиравший и описывавший на протяжении всей своей карьеры материалы судебных решений. Позднее именно на эти материалы, изданные под названием «Отчеты Эдварда Кока» будут опираться последующие поколения английских юристов²⁸⁸.

К XVI–XVII вв. английская правовая система сложилась как синтез правовых традиций – представлений о «должном»; стремления к установлению «народной справедливости», где любое решение выносится от имени англичан, воля которых выражена через народных представителей; и судебных прецедентов – толкования и принятия судебных решений «по аналогии». Следует отметить, что, в отличие от остальных стран Западной Европы, в Англии право не было неразрывно связано с законотворческой деятельностью государства – традиции и судебные прецеденты в большей степени, чем государственная деятельность, олицетворяли для англичан справедливость. Государство же выступало, скорее, в роли интегрирующего и регулирующего начала, предающего судебному процессу определенные рамки, но практически не вмешивающегося в его суть. Правовые диспозиции, столь знакомые и привычные для европейцев, для англичан

²⁸⁶ Саидов А.Х. Указ. соч. С. 157-233.

²⁸⁷ Baker J. Coke's Note-Books and the Sources of His Reports // Cambridge Law Journal. 1972. № 1. Vol. 30. P. 59-86.

²⁸⁸ См.: Coke Ed. The Reports of Sir Edward Coke, Knt. [1572–1617]: In thirteen parts, in VI volumes. L.: Joseph Butterworth and son, 43, Fleet-street. Vol. I-VI. 1826.

были нонсенсом – право не выражало «абсолют», но олицетворяло «процесс» торжества справедливости.

Теперь обратимся непосредственно к произведениям английских интеллектуалов XVI–XVIII вв., чтобы рассмотреть отражение этой доминанты мировоззрения в их сочинениях. Для более системного и полного изложения мы будем анализировать основные произведения английских мыслителей в хронологическом порядке и обратимся к анализу наиболее разноплановых, следовательно, наиболее репрезентативных для данного исследования произведений.

На первый взгляд, ранние утопии, например, «Утопия» Мора и «Новая Атлантида» Бэкона, напротив, являются примером описания обществ, построенных на тотальной регламентации жизни граждан, что неоднократно отмечалось как отечественными, так и зарубежными учеными. В середине XX в. знаменитый австро-британский политолог и социолог К. Поппер (1902–1994) в своем фундаментальном трактате «Открытое общество и его враги» (1945 г.) уделяет внимание феномену утопического мышления, как стремления построить справедливое общество, ориентируясь на собственные идеалы и веру в возможность добиться справедливости директивными указаниями. Основной отличительной чертой любой утопии, ярко выраженной, согласно его мнению, и в тоталитарных обществах, ученый считал «утопическую инженерию», как стремление государства и общества рационально описать и распределить все социальные роли и статусы, руководствуясь собственным пониманием принципа «общей пользы», а не мнением самих индивидов. «Утопический подход можно описать следующим образом. Каждое рациональное действие имеет определенную цель. Действие рационально в той степени, в которой цель достигается сознательно и последовательно, причем выбранные средства должны соответствовать этой цели»²⁸⁹, – писал Поппер. Подобное построение

²⁸⁹ Popper K. The Open Society and Its Enemies. Vol. I: The Spell of Plato. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 199.

общества пресекало любое проявление людской свободы и инициативы, редуцировало человеческую личность до выполняемой им функции в государственной машине. Шацкий выделял другую, принятую сейчас большинством ученых, отличительную черту утопии, а именно «отсутствие понятия переходного периода» в излагаемой общественной модели. Однако при этом также подчеркивал стремление утопистов к построению идеального общества на основе их собственных представлений о справедливости²⁹⁰. Знаменитый немецкий философ середины – второй половины XX в., один из лидеров «Франкфуртской школы» и «новых левых» Г. Маркузе (1898–1979) в своей статье «Конец утопии» (1967 г.) иначе подходил к природе утопии, считая стремление ранних утопистов к ограничению свободы следствием несовершенства социально-экономического развития. Конец утопии для Маркузе означал воплощение в новых экономических реалиях, приведших к колоссальному росту производительных сил, многих идеалов утопий, «очищенных» от общественных ограничений и детальной регламентации. «Идея нового человека является современной проблемой и реальностью – это идея возникновения и развития жизненной потребности и необходимости в свободе, свободе не ограниченной отчуждением труда...»²⁹¹, – писал Маркузе.

Безусловно, замечания названных исследователей об особенностях ранних утопий верны. Рассматривая общественные модели, описанные в «Утопии» и «Новой Атлантиде» с точки зрения их демократичности, реализации гражданских прав и свобод, мы приходим к выводу, что и утопийцы, и бенсалемцы крайне ущемлены в своих правах, а жизнь их детально контролируется и регламентируется государством и обществом.

Даже после поверхностного изучения данных произведений мы найдем в описываемых в них обществах огромное количество обычаев и традиций, кажущихся варварскими для современной цивилизации. Например,

²⁹⁰ Шацкий Е.[П.] Указ. соч. С. 39.

²⁹¹ Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston: Beacon Press, 1970. P. 62.

обращение в рабство человека, дважды самовольно покинувшего Утопию. «Если кто уйдет за границу по собственной воле, без разрешения правителя, то пойманного... жестоко карают. Отважившийся сделать это вторично становится рабом»²⁹². Или необходимость исполнения общественных работ под жестким контролем. «Главное и почти единственное дело сифогрантов (представителей общественных властей. – Б.К.) – заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности...»²⁹³. В обществе бенсалемицев общественный контроль был менее явным, но, при этом более жестким. В «Новой Атлантиде» нет упоминаний ни рабов, ни специальных должностных лиц, осуществляющих контроль за деятельностью и морально-нравственным обликом индивидов. Однако некоторые обычаи и традиции, негласно носящие обязательный характер, выполняли функции контроля не хуже, чем обращение в рабство и надзор должностных лиц в «Утопии». Наиболее ярким примером является «праздник семьи» – «самый почетный праздник» островитян. Кажущийся изначально лишь собранием всех родственников во главе с тирсаном (отцом семейства), «праздник семьи» являлся механизмом директивного общественного контроля, т.к., кроме непосредственно празднования и трапезы, включал в себя такие части, как обсуждение важных проблем, вынесение рекомендаций, которым необходимо было следовать, поощрение достойных и порицание «оступившихся». «Праздник семьи – обычай весьма почтенный... Вот как он празднуется. <...> Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносятся порицание и осуждение. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться...»²⁹⁴. Еще большее влияние на сохранение существующих общественных порядков оказывал «Дом Соломона» – научная организация, являвшаяся «теневым» правительством острова. Основная цель организации

²⁹² Мор Т. Утопия. С. 199.

²⁹³ Там же. С. 183.

²⁹⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 25.

– «познание причин и скрытых сил вещей, расширение власти человека над природой...»²⁹⁵, т.е. научно-исследовательская деятельность.

Но реальные функции «Дома Соломона» выходили далеко за пределы научной деятельности. Данная организация отвечала за сохранение общественной изоляции, только её членам позволялось посещать другие страны и знакомиться с их культурой и научными достижениями, заимствуя наиболее «пригодные» и «полезные» из них. «Запретив своим подданным плавание во все края, не подвластные его короне, государь, однакож, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются...»²⁹⁶. Наиболее важно то, что в обществе бенсалемцев основой обеспечения стабильности и благосостояния которого являлось совершенствование науки и техники, именно члены «Дома Соломона», а не правитель острова, решали, какие изобретения и нововведения вредны, и их не стоит обнародовать, а какие полезны и их следует сделать достоянием масс²⁹⁷.

Современному человеку системы общественного контроля, описанные в «Утопии» и «Новой Атлантиде», могут показаться тоталитарными, подавляющими свободу индивида. Однако задумаемся, придерживались ли такого же взгляда на описанные общества сами создатели ранних утопий? Ответ здесь будет однозначен. Конечно, нет, более того, общественная регламентация жизни граждан, описанная выше, являлась для Мора и Бэкона выражением высшей справедливости, существующей естественно, не навязываемой, а, напротив, исходящей от общества. Уже в утопиях, создаваемых в Раннее Новое время, отчетливо виден фундаментальный принцип мировоззрения английских мыслителей – верховенство концепта справедливости и культурно-правовых обычаев над всеми остальными

²⁹⁵ Там же. С. 35.

²⁹⁶ Там же. С. 37.

²⁹⁷ Там же. С. 44.

видами социальных норм. Вот, например, что сам Мор писал относительно государственной регламентации жизни граждан в описываемом им обществе. «Законов у них (утопийцев. – Б.К.) весьма мало. Ведь людям с такими установлениями достаточно самых малочисленных законов. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что тем не хватает бесконечных томов законов и их толкований»²⁹⁸. Из этой цитаты мы можем почерпнуть не только отрицание Мором необходимости детального законодательного регулирования, но и веру в приоритет «общественных установлений», т.е. общественной справедливости, права, над «буквой закона».

В «Новой Атлантиде» Бэкона, хотя открыто и не критикуется большое количество законов, однако, они в обществе бенсалемцев напоминают, скорее, нормы обычного права, нежели нормативно-правовые акты. Законы бенсалемцев сформулированы в большинстве случаев в виде общих жизненных и правовых принципов, за исключением законов, касающихся общественной изоляции, а их создателем являлся легендарный царь Соламона, правивший почти 2 тысяч лет назад. «Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, которого память мы чтим более всех других — не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны»²⁹⁹.

В период революции середины XVII в. и Реставрации склонность английских мыслителей к трактовке права как высшей справедливости не только не исчезает, но, напротив, в условиях идейной борьбы, развивается и конкретизируется в различных произведениях – официальных документах и политических памфлетах; в работах сторонников радикальных преобразований и крайних консерваторов.

Обратимся к официальным документам, которые дают представление не только о позиции отдельных мыслителей по поводу смысла права и

²⁹⁸ Мор Т. Утопия. С. 237.

²⁹⁹ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 27.

справедливости, но о понимании права в рамках государственных правовых установлений в целом. Наиболее ярким документом, изданным парламентом, и посвященным раскрытию понятия законности как производной от древних обычаев и установлений, соединенных с принципами справедливости, является «Петиция о праве» (1628 г.). В данном документе перечислялись нарушения Карлом I прав английского народа. Однако наиболее важна мотивировка обвинений со стороны парламентариев. Король, с их точки зрения, был виновен не столько в нарушении существующих нормативно-правовых актов, но в игнорировании и посягательстве на древние правовые установления и «исконные» права жителей Англии. «Обо всем этом (злоупотреблениях королевской власти. – Б.К.) они всеподданнейше ходатайствуют пред Вашим Пресветлым Величеством, как о своих правах и вольностях, согласных с[о] статутами этого королевства»³⁰⁰.

Также для понимания правового мировоззрения англичан показателен судебный процесс над Карлом I. Итогом процесса стал смертный приговор королю и его последующая казнь 30 января 1649 г. Для нашего исследования наиболее важна мотивировка суда в вынесении смертного приговора. Особенно учитывая принцип защиты Карла I на суде. «Нет никаких законов, на основании которых король может быть привлечен к суду своими подданными»³⁰¹, – отвечал Карл I на любые обвинения. С позиции «строгой законности» аргументы Карла I были вполне логичны и неопровержимы. Однако для английского суда, как и для английских мыслителей, «дух закона» превалировал над «буквой». Карл I был виновен не в нарушении законов, но в попрании справедливости, устоявшихся правовых обычаев и принципов взаимодействия народа и власти. Поэтому приговор королю гласил: «Настоящий суд по разуму и по совести убедился, что он, упомянутый Карл Стюарт, виновен в поднятии войны против парламента и народа...<...> За все эти измены и преступления настоящий суд решил, что

³⁰⁰ Петиция о праве (1628 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств... С. 23.

³⁰¹ Цит. по: Барг М.А. Великая английская революция... С. 204.

он, упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и как враг добрых людей этой нации, должен быть предан смерти через отсечение головы от тела»³⁰². «Разум и совесть» и нарушение прав «добрых» людей лежали в основе как данного приговора, так и английского права в целом.

Рассмотрев наиболее показательные в вопросе правового мировоззрения англичан официальные документы XVII в., обратимся к памфлетной литературе, расцвет которой пришелся на данный период, и в которой вопросам права и законности уделялась немалая роль. Для наибольшей репрезентативности проанализируем и сравним произведения авторов, находившихся в период революции по разную сторону баррикад – Филмера, Лильберна и Уинстенли.

Комплекс идей Филмера и близких к нему по взглядам мыслителей о происхождении королевской власти, её полномочиях и роли в общественной жизни в современной историографии объединяют под названием теории патриархализма.

Однако Филмер в своих рассуждениях о необходимости беспрекословного подчинения народа власти монарха не ограничился лишь констатацией фактов божественного и патриархального происхождения королевской власти. Его работа «Патриарх» разделяется на три органически взаимосвязанные части, каждая из которых призвана убедить читателя в невозможности существования какой-либо иной формы правления, кроме абсолютной монархии. Вводная часть – «Первые правители были отцами семейств» – содержит обоснование тезиса о патриархальном происхождении королевской власти. Вторая – «О неестественности права избирать и быть избранным» – исторический обзор, доказывающий, что на протяжении всей человеческой истории попытки народа самим избирать себе правителей, или даже просто ограничивать их власть, неизменно приводили к общественно-политическим кризисам. Логически первые две части полностью

³⁰² Приговор высшей судебной палаты над королем, 27 января 1649 г. // Хрестоматия по истории Нового времени... Кн. 1. С. 33.

обосновывали идею Филмера о необходимости существования абсолютной монархии – это изначальная, органически сформировавшаяся на основе семьи, форма правления, которая на протяжении всей человеческой истории доказала свою эффективность. Но для Филмера, как англичанина, для обоснования правоты выдвигаемых идей необходима была еще одна (заключительная) часть, которая называлась «Справедливые законы не нарушают естественную власть монархов». В данной части философ обосновывал тезис об общественной справедливости неограниченной монархии, её пользе для подданных³⁰³. Как мы видим, даже для родовой аристократии, негативно относящейся к народовластию, понятие «общественной справедливости», источником которой в данном случае выступал король-патриарх, было одной из важнейших составляющих любой социальной модели.

Но и для противников власти «старого дворянства», несмотря на их, чаще всего, диаметрально противоположные взгляды на происхождение королевской власти, на полномочия и роль парламента в жизни Англии, на оптимальную форму правления, апелляция к «общественной правде и справедливости» при обосновании предлагаемых преобразований являлась неотъемлемой частью как их произведений, так и, следовательно, правового мировоззрения. Для доказательства данного тезиса обратимся к работам активных участников революции середины XVII в. А именно к идеям Лильберна и Уинстенли.

Для Лильберна, как и для всех левеллеров, казнь Карла I и переход власти в руки Долгого парламента, численность которого к 1649 г. сократилась до нескольких десятков человек, и верхушке парламентской армии во главе с Кромвелем, не означали окончательной победы революции. В своем главном программном документе «Соглашение свободного народа Англии» Лильберн требовал продолжения политических и экономических

³⁰³ Filmer R. Patriarcha. P. 60-85.

реформ: радикального расширения избирательного права³⁰⁴; подотчетности любых должностных лиц парламенту³⁰⁵; постоянной сменяемости власти – ежегодных выборов парламента с невозможностью занимать место в парламенте два раз подряд³⁰⁶; равенства английских граждан перед законом³⁰⁷; государственной поддержки торговли и ремесла³⁰⁸. Не добившись реализации своих требований, левеллеры в мае 1649 г. подняли несколько локальных восстаний. Большинство советских историков, например, Барг, видели основную причину подавления левеллерских мятежей в несогласованности действия восставших и том, что многие лидеры левеллеров, в т.ч. и сам Лильберн, на момент начала восстаний находились в тюрьме³⁰⁹. Современные исследователи, напротив, указывают на ошибочность трактовки левеллерского мятежа, как массового народного восстания, отмечая, что главная причина поражения левеллеров заключается в ограниченности их социальной базы, поскольку данное движение было представлено преимущественно узкой частью производящей и торгующей буржуазии³¹⁰.

³⁰⁴ «В выборах парламента должны иметь свой голос, согласно естественному праву, все люди в возрасте 21 года и выше». – Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 109.

³⁰⁵ «Все должностные лица должны быть подотчетны парламенту, и не может быть места никакой клике...». – Там же. С. 110.

³⁰⁶ «Ни один член настоящего парламента не должен быть избран членом последующего». – Там же.

³⁰⁷ «Отныне должны быть отменены и впредь не применяться всякие привилегии и изъятие лиц из-под действия законов...». – Там же. С. 112.

³⁰⁸ «Будущий парламента не имеет права... издавать законы об ограничении в заморской торговле там, где она ведется нашей нацией». – Там же. С. 115.

³⁰⁹ «Левеллерский мятеж» не был подготовленным революционным действием, а, скорее, являлся выплеском гнева разочарованного народа, не получившего после казни Карла I и установления республиканского правления в Англии ни широких политических прав, ни улучшения экономического положения. Об этом свидетельствуют два факта. Во-первых, к началу мятежа большинство лидеров левеллеров, в т.ч. и сам Лильберн находились в тюремном заключении, восстание проходило спонтанно, перекидываясь от одной части армии к другой. Во-вторых, «левеллерский мятеж» был спровоцирован конкретным историческим событием, а, именно, казнью одного из участников движения (Роберта Локиера) за отказ от военного похода в Ирландию. – Барг М.А. Великая английская революция... С. 313-315. Таким образом, «левеллерский мятеж» являлся стихийным событием, не отражающим революционности левеллеров, их основных идеалов и идей.

³¹⁰ Como D.R. Making «the Heads of the Proposals»... P. 1387–1432.

Лильберн был одновременно человеком, наделенным литературным талантом, и рационально мыслящим общественным деятелем. Свою главную работу «Соглашение свободного народа Англии» он выстроил в форме законопроекта, состоящего из вводной части, в которой оценивалась текущая общественно-политическая обстановка в Англии и делался вывод относительно необходимости проведения реформ с перечислением предлагаемых реформ по пунктам. Но даже в сжатой работе, призванной выразить основные требования левеллеров, в вопросе о правомерности и необходимости предлагаемых преобразований, Лильберн неизбежно обращается к вопросу о праве, о справедливости. Свой проект он позиционировал не как личный взгляд на общественное развитие, но как воплощение «народной справедливости». «Мы, свободный народ Англии... заключаем взаимный договор об установлении правительства, уничтожении всякой произвольной власти, ограничении как высшей власти, так и всех подчиненных ей властей...»³¹¹, – говорилось в начале «Соглашения...».

Еще более отчетливо особенности правового мировоззрения Лильберна отражены в одном из его самых ранних памфлетов – «Открытом письме Дж. Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы» (1640 г.)³¹². В данном произведении мыслитель жаловался на издевательства тюремщиков. Но для нашего исследования гораздо важнее не описание преступлений тюремщиков, а «кара», которой будущий лидер левеллеров угрожал им. Лильберн грозил стражникам не жестокой расправой, не тем, что им отомстят его сторонники или он сам после выхода на свободу; нет – он взывал к справедливой каре со стороны народа Англии, выраженной в воле парламента. «Пусть будет вам известно, что, чем более жестоко вы обращаетесь со мной... тем более обширным будет список моих жалоб в парламент против вас»³¹³, – писал Лильберн в заключение своего памфлета.

³¹¹ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 109.

³¹² Открытое письмо Дж. Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы // Лильберн Дж. Памфлеты. С. 24-34.

³¹³ Там же. С. 33.

Еще четче выражена идея торжества английского права и справедливости в произведениях Уинстенли, создавшего программные документы движения диггеров. Главное его произведение «Закон свободы» (1652 г.) построено в форме описания идеального общества. Впрочем, сам автор свой проект утопией не считал, о чем свидетельствует его адресация непосредственно Кромвелю для реализации содержащихся в нем идей в кратчайшие сроки³¹⁴. Уинстенли, будучи защитником интересов низших слоев общества, емко и подробно выразил их правовое мировоззрение, состоявшее из нескольких компонентов. Во-первых, это вера во власть «святых» избранных народа, олицетворением которых для него выступал Кромвель. «Я передаю сие в ваши руки, смиренно склоняясь со всем этим перед вами, и остаюсь истинный почитатель республиканского правления, мира и свободы»³¹⁵, – сказано во введении к произведению Уинстенли. Но намного важнее второй компонент правового мировоззрения лидера диггеров – идея об идеальном общественном устройстве, которое уже существовало «в старые добрые времена», но было временно нарушено. Уинстенли даже нашёл конкретную точку нарушения этого порядка – нормандское завоевание Англии в 1066 г. «Когда герцог нормандский Вильгельм завоевал Англию, он использовал владение землей для своей свободы и распорядился нашей английской землей в пользу своих друзей»³¹⁶. Таким образом, радикальные реформы, предлагаемые диггерами, для самого Уинстенли и его сторонников были ничем иным, как только возрождением старинных и справедливых порядков.

Наконец, обратимся к наиболее радикальным английским мыслителям конца XVIII в., предложившим в своих работах новые подходы к социально-политическому развитию, пересмотревшим традиционное понимание свободы человеческой личности, государства и их взаимодействия. Мыслителям, подвергшимся серьезному влиянию континентальной

³¹⁴ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 181.

³¹⁵ Там же. С. 204.

³¹⁶ Там же. С. 213.

европейской философии, в первую очередь, французского Просвещения, являвшимся новаторами во многих вопросах общественного развития, но, при этом, сохранивших «английское» правовое мировоззрение. А, именно, к идеям таких знаменитых английских интеллектуалов конца XVIII в., как У. Годвин и его супруга М. Уолстонкрафт.

Мировоззрение М. Уолстонкрафт формировалось под влиянием множества факторов: это и несчастливое детство – отец Мэри часто бил, избивал свою жену, а иногда и детей; и необходимость с ранних лет дистанцироваться от семьи, искать себе работу и пропитание; и впечатление от революционных событий во Франции, свидетельницей которых она являлась сама; и, конечно же, широкий кругозор – знакомство с основными произведениями как английских философов, так и французских просветителей³¹⁷.

Свою недолгую жизнь (М. Уолстонкрафт скончалась от родильной горячки в 38 лет) она посвятила борьбе за свободу человеческой личности в целом, и за пересмотр положения женщины в обществе, в частности. В своих главных трудах – «В защиту прав человека» (1790 г.) и «В защиту прав женщин» (1792 г.) – писательница критиковала тиранию монархов, выступая в поддержку французских революционеров; призывала читателей руководствоваться собственными взглядами и идеалами, отказавшись от древних закостенелых моральных запретов; поддерживала развитие женского образования, доказывая, что женщина может и должна быть не только «украшением общества», но равноправным партнером мужчин³¹⁸. Но, при всем своём критическом отношении к общественным предрассудкам, древним традициям и обычаям, М. Уолстонкрафт в представлениях о справедливости следовала выделенной нами особенности отношений англичан к праву. Выражалось это и в апелляции к идее прирожденных прав

³¹⁷ См.: Todd J. Mary Wollstonecraft: A Revolutionary Life. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2000; Tomalin C. The Life and Death of Mary Wollstonecraft. N.-Y.: Penguin, 1992.

³¹⁸ См.: Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. Harmondsworth: Penguin, 2004; Idem. The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman. Toronto: Broadview Literary Texts, 1997.

человека, и в идеализации определенных сторон английской жизни и традиционного быта – для писательницы идиллией было сельское хозяйство и деревенский быт с ориентацией на удовлетворение собственных потребностей³¹⁹.

Муж М. Уолстонкрафт – знаменитый философ и писатель У. Годвин, которого многие ученые считают первым европейским философом, выдвинувшим идею построения «социализма без государства», т.е. анархизма³²⁰, в своих воззрениях на общественное развитие был еще более радикален, нежели его жена.

Родившись в семье протестантского диссентера, Годвин с детства стремился помогать людям, а потому выбрал для себя путь священника. Немаловажен и тот факт, что членов радикальных течений протестантизма в Англии в конце XVIII в. продолжали ущемлять в правах. Например, для Годвина были закрыты двери в лучшие учебные заведения и наложен запрет на занятие многих государственных должностей, поэтому ненависть и презрение к государственным институтам и этатизму начинает формироваться у него еще с детства³²¹.

Получив образование в диссентерском колледже в Хокстоне, Годвин достиг своей цели, стал сельским священником и в 1784 г. даже издал сборник собственных проповедей – «Исторические эскизы в шести проповедях». Однако, продолжая заниматься самообразованием, знакомясь с трудами европейских философов, прежде всего, французских просветителей – Ж.-Ж. Руссо, П.-А. Гольбаха, Ш.-Л. Монтескье и др., Годвин разочаровался в религии, оставил пост священника и в более поздних своих работах критиковал религию и церковь, как механизмы «манипуляции» народным

³¹⁹ Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman... P. 44-50.

³²⁰ Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М.: Голос труда, 1925. С. 177; Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 255-256; Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03/Рябов Пётр Владимирович. М., 1996. С. 9.

³²¹ Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М.: Знание, 1990. С. 10–17 (далее – Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина).

сознанием³²². При этом, стремление помочь людям добиться справедливости, вера в изначальную «чистоту» человека, силу его разума не покидали философа, став основой предложенной им общественной модели, согласно которой главная цель человеческого сообщества – избавление индивида от любых форм эксплуатации, достижение максимальной свободы человеческой личности. «Среди людей не имеется такого разрыва, – писал Годвин, – который позволял бы одному человеку держать в подчинении несколько других людей... Всякое правительство опирается на общественное мнение. Разрушите это общественное мнение и все здание, сооруженное на его основе, распадется. Из этого следует, что люди по существу независимы»³²³. Основой эксплуатации для Годвина являлась частная собственность и государственная власть, поддерживающая функционирование системы товарно-денежных отношений. А единственной причиной существования подобной, невыгодной для всех членов общества, системы являлся затуманенный человеческий разум, привычка людей слепо следовать данным им указаниям, но как только «принципы справедливости будут поняты людьми... мысль о возможности накопления не вызовет никакой тревоги. Такое странное извращение человеческого разума (т.е. желание накапливать собственность. – Б.К.) будет вызывать только смех или жалость»³²⁴.

Однако являясь политическим радикалом, предлагая ликвидировать государственную власть, а, следовательно, и законы, радикально перестроить экономические отношения, заменив систему частной собственности и товарно-денежных отношений свободным равноправным обменом между общинами, Годвин все равно придерживался идеалов английского правового мировоззрения. А, именно, веры в «народную справедливость», возможность разрешения любого противоречия путем подачи «голоса народа». Годвин ставил веру в «народную справедливость» в основу своей теории. В обосновании предлагаемого общественного строя и критике купли-продажи

³²² Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. С. 5-57.

³²³ Годвин В. О собственности. С. 191–192.

³²⁴ Там же. С. 133.

он обращался к конкретным примерам «справедливых решений» из жизненной практики. «Кому по справедливости должен принадлежать какой-либо предмет, скажем, каравай хлеба? Тому, кто больше всех нуждается в нем или кому обладание им будет наиболее полезно. <...> Законы разных стран распоряжаются собственностью тысячью разных способов, но только один способ может быть согласен с разумом»³²⁵.

Более того, именно в трудах Годвина, как яркого противника любой власти – механизма насилия, сильнее всего проявилась идея приоритета права, как воплощения примата справедливости над законом – государственным формализованным установлением. Согласно его представлениям, закону как политическому и социальному институту, суждено было исчезнуть, уступив место самоконтролю человеческого разума и приговорам собраний общин. «Право (очевидно, в данном случае имеется в виду именно закон как формализованная юридическая категория. – Б.К.) является только функцией политической власти и должно исчезнуть, когда исчезнет надобность в силе, если только воздействие истины не заставит раньше искоренить его из человеческой практики»³²⁶.

Таким образом, вне зависимости от отношения к существующим общественным порядкам и политическим институтам, от социального и экономического положения, все английские мыслители XVI–XVIII вв., используя различные формулировки и способы воплощения выдвигаемых социальных моделей в жизнь, оставались верны идее о верховенстве права, как выражения концепта справедливости в общественно-политической жизни государства и общества. Трактовка права как выражения народной справедливости, «духа», а не только «буквы» закона формировалась у англичан ещё с периода Раннего Средневековья, сложившись в целостную, основополагающую мировоззренческую доминанту, отражение которой в той

³²⁵ Там же. С. 59-60.

³²⁶ Там же. С. 231.

или иной форме мы можем найти у всех мыслителей рассматриваемого хронологического периода.

2.2. Эволюционный путь общественного развития

Любой мыслитель, предлагая проект преобразований существующего общественного устройства, не может обойти стороной вопрос о том, с помощью каких методов социум будет трансформироваться, какова в этой трансформации роль государства, иных органов управления и народа в целом?

Современная политическая теория дает на этот вопрос множество ответов. Это и отказ от какого-либо регулирования общественной жизни, с минимизацией роли государства в обществе и верой в постоянный социальный прогресс путем «естественного» развития и отбора сильнейших индивидов и наиболее успешных социальных практик. Основателем подобной теории, известной ныне как социальный эволюционизм (социальный дарвинизм) стал английский социолог второй половины XIX в. Г. Спенсер (1820–1903), провозгласивший, что «задачей современного либерализма является ограничение власти парламентов и других властных институтов»³²⁷. Рассмотрение развития общества как процесса усложнения социальных структур, происходящих естественным путем при росте численности населения, развитии урбанизации и специализации труда, ведущих к укреплению взаимосвязи и взаимозависимости индивидов, именуемой «органической солидарностью» – подобным образом формулировал свои идеи французский социолог конца XIX – начала XX вв.

³²⁷ Spencer H. The Man Versus the State: With Six Essays on Government, Society, and Freedom. L.: Liberty Fund, 1982. P. 332.

Э. Дюркгейм (1857–1917)³²⁸. Американскому социологу второй половины XX – начала XXI вв. С. Хантингтону (1927-2008) принадлежит теория волнового, стадийного развития общества – «теория волн демократии». Э. Тоффлер (1928-2016) разрабатывал теорию постиндустриального общества, включающую три волны социального развития – традиционный, индустриальный и постиндустриальный этапы³²⁹. И, конечно же, не забудем о многочисленных идеях развития общества путем социальных революций – например, теории пролетарской революции К. Маркса или революционного народничества М.А. Бакунина (1814–1876)³³⁰.

Это лишь малая часть путей трансформации социума, предлагаемых интеллектуалами разных стран и эпох. Однако, несмотря на огромную разницу во взглядах этих мыслителей на общественное развитие, во всех предлагаемых ими теориях неизменно присутствовал элемент описания механизма общественного развития, сводящийся к двум основным теориям: эволюционного пути развития общества – плавного постепенного общественного развития, без применения насильственных мер, или революционного пути – скачкообразного движения, сопровождающегося революционными потрясениями и кровопролитием.

В подавляющем большинстве европейских стран в традиции общественной мысли присутствовали теории, отстаивающие как тот, так и другой путь. Но при этом практически все английские интеллектуалы рассматриваемого периода, вне зависимости от взгляда на существующий порядок, придерживались концепции эволюционного развития. Поэтому в данном разделе нашего исследования мы рассмотрим эволюционный путь общественного развития как одну из важнейших доминант мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв.

³²⁸ См.: Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. N.-Y.: Free Press, 1997.

³²⁹ См.: Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2016; Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2010.

³³⁰ См.: Маркс К. *Капитал. Полная версия*. М.: АСТ, 2020; Бакунин М.А. *Государственность и анархия*. М.: Т8 RUGRAM, 2019.

Конечно, рассмотреть в данном небольшом разделе идеи всех английских мыслителей XVI–XVIII вв. невозможно, поэтому мы будем опираться на работы мыслителей, считавшихся как современниками, так и историками, наиболее радикальными в своих воззрениях.

Начнем анализ с ранних английских утопических произведений. Выше уже отмечалось, что, особенно в зарубежной историографической традиции, утопизм, как форму мировоззрения, считают одной из предтеч тоталитаризма XX в. Эту традицию заложил еще в середине XX в. Поппер в монументальном исследовании «Открытое общество и его враги» (1945 г.). «Утопический подход можно описать следующим образом. Мы должны определить нашу конечную цель, или идеальное государство, прежде чем предпринимать какие-либо практические действия. <...> Но следует ожидать, что любые идеи и идеалы изменяются. Что являлось идеальным государством для людей, которые его создавали, может быть совсем неверно для их потомков»³³¹. В любом стремлении сохранить существующий порядок, при игнорировании свободы личности, Поппер видел ростки тоталитаризма, который сам чаще всего достигался путем революции и подавления несогласных, вызывая нарастание социального напряжения и появление революционных волн уже против себя.

Безусловно, в обществах утопийцев, бенсалемцев и лунных жителей Годвина существовали и строгие запреты, ограничивающие свободу индивида, и регламентация общественной жизни, сочетавшаяся с её «окостенелостью» и неизменностью на протяжении столетий, и моральный дуализм – деление любых действий индивида на «плохие» и «хорошие». Для современного человека подобные особенности общественного устройства, пожалуй, могут ассоциироваться с тоталитаризмом и социальной напряженностью. Однако для самих жителей описываемых обществ, как, соответственно и для их авторов, это было совсем не так. Ни в одном из перечисленных произведений нет и намека на какие-либо революционные

³³¹ Popper K. The Open Society... P. 161–162.

идеи, на установление общественного строя насильственным путем. Напротив, все описываемые в ранних английских утопиях общества, во-первых, были созданы либо волей народа, или правителями, имевшими беспрекословную народную поддержку, либо существовали «изначально», и, что самое главное, жители описываемых обществ воспринимали существующие установления как естественную данность, без которой общественный покой будет нарушен.

Общество лунных жителей основал «Суверенный монарх – властитель всего лунного мира»³³² и произошло это более 3 тыс. лет назад. Со времен его правления основы общественного и политического устройства на Луне не меняются, но не в силу того, что лунные жители не знают других общественных укладов, напротив, они великолепно знакомы с земными установлениями; селениты сами не хотят менять сложившийся порядок и если, например, в их обществе появляется ребенок, склонный к дурным нравам, они «неведомым способом отправляют его на Землю, обменивая на другого»³³³. Ни о каком недовольстве, социальной напряженности, стремлении к изменению общественного устройства путем революционных преобразований у лунных жителей не может идти и речи.

Подобное можно сказать и о двух других известных английских утопиях Раннего Нового времени. Законодателем и создателем общественно-политической системы государства бенсалемицев был легендарный царь Соломона, единственной целью жизни которого было «сделать свою страну и народ счастливыми»³³⁴. Для этого он создал Дом Соломона, сочетавший в себе научные и политические функции и являвшийся «теневым» правительством острова. Желая оградить бенсалемицев от дурных влияний, он решил «увековечить их счастливое состояние»³³⁵, полностью закрыв остров от иностранцев. Несмотря на неизменность социально-политического

³³² Годвин Ф. Человек на Луне... С. 66.

³³³ Там же. С. 69.

³³⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 11.

³³⁵ Там же. С. 16.

устройства, тотальный контроль над жизнью граждан со стороны «Дома Соломона» и правителей острова, и даже на то, что бенсалемицы знали о существовании иных обществ, они не только не хотели радикальных перемен, но, напротив, считали свое устройство наилучшим и готовы были его защищать. О необычайном благополучии и «чистоте» жителей острова мы сначала узнаем из рассказа еврея-торговца, заявившего в беседе с европейскими моряками, что «нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа»³³⁶, а затем из уст самих европейцев, признавших «большую праведность Бенсалема по сравнению с Европою»³³⁷.

Точно такую же неизменную общественную модель «всеобщего счастья», созданную тысячелетия назад, можно увидеть и в «Утопии» Мора. Основателем государства утопийцев и одновременно создателем «справедливого» общественно-политического уклада являлся царь Утоп, который, дабы сохранить нравы утопийцев в чистоте, отделил их от всего остального мира, превратив Утопию из полуострова в остров путем прорытия большого канала. При этом, утопийцы не только много веков придерживаются законов и негласных норм поведения, выработанных легендарным основателем государства, но и презирают обычаи других народов. Например, это хорошо заметно по отношению утопийцев к соседним народам, живущим по своим, отличным от утопийских, обычаям и правилам. Представителей «дурных» народов утопийцы не гнушаются использовать в своих целях, даже если при этом гибнет много людей. «Так посылают они (утопийцы. – Б.К.) на войну солдат, нанятых повсюду, особенно у заполетанцев. Этот народ живет в пятистах милях от Утопии на востоке; он страшен, груб и дик. <...> И утопийцы отнюдь не озабочены тем, сколь многие из тех погибнут, полагая, что от рода человеческого заслужат

³³⁶ Там же. С. 27.

³³⁷ Там же. С. 31.

они великую благодарность, если смогут очистить землю от всех этих отбросов...»³³⁸.

Теперь обратимся к общественным деятелям, жившим и творившим в период революции середины XVII в.; рассмотрим произведения радикалов – Лильберна и Уинстенли. Некоторые исследователи относили их к прямым предшественникам научного социализма и идей социальной революции. Холореншоу писал: «Идеалы социализма и коммунизма не являются для Англии чем-то чуждым... На самом деле, справедливо как раз обратное. Англичане во время революции XVII века, когда они стали одновременно предметом ужаса и восхищения для всей Европы, первые увидели образ кооперативной социалистической республики и начали борьбу за её осуществление...»³³⁹.

Действительно, обратившись к «Соглашению свободного народа Англии», мы найдем множество радикальных для XVII в. политических требований: это и расширение избирательных прав граждан³⁴⁰; и ежегодные перевыборы парламента с условием, что ни один парламентарий не может избираться в парламент два раза подряд³⁴¹; и подотчетность всех должностных лиц в государстве народным представителям в лице парламента³⁴².

Но в многочисленных памфлетах Лильберна мы не найдем ни одной из черт революционного мировоззрения, напротив, лидер левеллеров выступал за постепенные реформы, осуществляемые неукоснительно в рамках английского правового поля. Еще в памфлете «Открытое письмо Джона Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы» мыслитель позиционировал себя как человека, в любых ситуациях готового действовать исключительно в правовых рамках – обвиняя тюремщиков в издевательствах и превышении своих властных полномочий Лильберн отнюдь не грозил им физической

³³⁸ Мор Т. Утопия. С. 248-249.

³³⁹ Холореншоу Г. Указ. соч. С. 143.

³⁴⁰ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 109.

³⁴¹ Там же. С. 110.

³⁴² Там же. С. 110.

расправой, он желал обратиться в парламент для вынесения справедливого решения: «Я составил полный перечень ваших подлых дел, чтобы можно было возбудить против вас в высшем суде Англии дело»³⁴³. «Соглашение свободного народа Англии» было отнюдь не революционным памфлетом, призывавшим к активной деятельности и насилию, напротив, оно представляло собой проект конкретных реформ, которые должны были принести республике мир и спокойствие. «Мы надеемся, что бог уничтожит преступления и раздоры и установит окончательный мир и счастье в этой республике, и поэтому со всей сердечной искренностью, перед лицом всемогущего бога свидетельствуем о нашем полном согласии со всем, что здесь написано, в чем и прилагаем свои руки»³⁴⁴, – писал Лильберн в заключении к «Соглашению...». Кроме того, о стремлении левеллеров к мирному эволюционному пути общественного развития свидетельствовало и полное название «Соглашения...» (важнейшего программного документа левеллеров), которое редко используется в научной литературе в силу своей громоздкости. Именно в нем – «Соглашении свободного народа Англии, предложенном в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном» с эпиграфом из Евангелия от Матфея: «Блаженны миротворцы, ибо они сынами божьими нарекутся» – в самом начале подчеркивалось стремление к миру и согласию³⁴⁵.

Подобное же стремление мы найдем и у Уинстенли. На начальном этапе революции левеллеры и диггеры составляли одно течение, т.е. политические и экономические требования Лильберна и его сторонников, перечисленные нами выше, поддерживались и Уинстенли. Однако в 1647 г., в результате «прений в Пэтни», на которых «шёлковые индипенденты» и левеллеры обсуждали свои требования и предлагаемые реформы³⁴⁶,

³⁴³ Лильберн Дж. Открытое письмо... С. 30.

³⁴⁴ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 120.

³⁴⁵ Там же. С. 107.

³⁴⁶ «Прения в Пэтни» (или Армейская конференция в Пэтни) – принятое в историографии название дискуссии представителей разных слоёв парламентской армии, состоявшейся в

движение раскололось. Причиной раскола стал вопрос о частной собственности: если Лильберн считал право на частную собственность и её неприкосновенность одним из базовых и нерушимых прав человека, то Уинстенли и его сторонники, назвавшие себя «истинными левеллерами», напротив, предлагали осуществить обобществление большей части собственности. В особенности диггеров, социальную базу которых составляли, в основном, пауперизированные крестьяне, волновал вопрос земельной собственности. Уинстенли и его сторонники не признавали частной собственности на землю, считая её «общей сокровищницей», созданной Богом для использования всеми людьми. «Земля, которая по творению была создана как общий фонд для всех, теперь покупается и продается и находится в руках немногих, чем наносится ужасное бесчестие великому творцу...»³⁴⁷, – писал Уинстенли в одном из своих памфлетов. Более того, в 1649 г. Уинстенли, вместе со своими сторонниками, организовал поселение на незанятых общинных землях в графстве Суррей (Сэррей), считая, что многие последуют их примеру. Однако данное начинание диггеров не получило распространения, а поселение диггеров несколько раз было разрушено правительственными войсками³⁴⁸.

Можно назвать Уинстенли крайне радикальным мыслителем, однако, ни в коем случае не революционером. Выдвигая идеи серьезных общественных преобразований, Уинстенли, тем не менее, оставался сторонником эволюционного пути развития общества, и, более того, являлся пацифистом и противником всяческого насилия. Например, Уинстенли и его сторонники абсолютно смиренно относились к действиям лендлордов и правительственных войск и не оказывали им никакого сопротивления при разрушении своего поселения. Вот как сам Уинстенли описывает разрушение поселения диггеров местными лендлордами в 1649 г., подчеркивая

октябре – ноябре 1647 г., об основных принципах будущих политико-экономических преобразований.

³⁴⁷ Лильберн Дж. Знамя, поднятое истинными левеллерами. С. 55.

³⁴⁸ Павлова Т.А. Закон свободы: Повесть о Джерарде Уинстенли. М.: Политиздат, 1985. С. 115–145.

смиренность и набожность своих сторонников. «И видя, что Парстон Платт (лорд этого манора) не позволил диггерам иметь свой дом... диггеры были очень бодры и их дух склонился ждать божьей воли, чтобы увидеть, что он (т.е. Бог. – Б.К.) сделает...»³⁴⁹. В «Законе свободы» лидер диггеров смиренно убеждал Кромвеля «обеспечить искоренение власти угнетателя (т.е. Вильгельма Завоевателя. – Б.К.) вместе с ним и озаботиться тем, чтобы свободное владение землею и пользование свободами было закреплено за угнетенным простым народом Англии»³⁵⁰.

Вся радикальность предлагаемых Уинстенли преобразований, с нашей точки зрения, проистекала из «обыденного» мировоззрения народных низов английского общества, к которым лидер диггеров и относился, с присущей данному типу мировоззрения религиозностью и верой в возможность создания справедливого общества без кровопролития, основываясь лишь на добровольном желании людей. Радикализм Уинстенли ни в коем случае не связан с идеями насильственного свержения власти и революционных преобразований, напротив, диггеры прибегали к «незаконному» захвату пустующих земель не из соображений нанесения вреда государству и землевладельцам, а исходя из веры в «божественную справедливость» и всеобщую пользу, которую несли их начинания.

Как мы видим, и в бурный период революции середины XVII в. даже в произведениях представителей радикальных общественных движений идея эволюционного пути преобразования общества никуда не исчезла.

Другим радикальным общественным течением, сформировавшимся в середине – второй половине XVII в., являются квакеры. Большинство квакеров, пережив бурные революционные события, отказалось от идеи преобразования общества в целом, стремясь создать справедливое общество «в миниатюре», т.е. среди квакерских общин. Подобные идеи выражал один из основателей движения квакеров Дж. Фокс, оставивший после себя

³⁴⁹ Уинстенли Дж. Новогодний подарок... С. 166.

³⁵⁰ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 181.

большое идейное наследие, интерпретация которого и по сей день вызывает определенные сложности, в силу того, что сам Фокс из-за болезни не мог записывать свои идеи и все его произведения представляют собой дословную запись его речей³⁵¹. Идеи, высказываемые Фоксом, были даже более радикальны, нежели концепции Лильберна и Уинстенли. Основу его взглядов составляло учение о «внутреннем свете» – «божественной частице», присутствующей в силу сотворения человека Богом в каждом. Из этого учения, а также из самого факта творения вытекало, что квакеры не признавали ни социального, ни политического, ни экономического неравенства. Все члены квакерских общин были абсолютно равны, более того, среди квакеров, как течения, в первую очередь, религиозного, отсутствовала какая бы то ни было иерархия. Веря в присутствие «божественной частицы» в каждом человеке, квакеры считали, что любой может быть пророком и проповедовать. Вот как описывает богослужения квакеров сам Фокс: «Так что если кто-нибудь имеет в себе что-то сказать, встань в жизни Божией и скажи это — если это можно выразить двумя или тремя словами — и снова сядь...»³⁵². Но при всей необычности и радикальности идей, высказываемых Фоксом, квакеры не пытались вмешиваться в политику, они стремились добиться справедливости внутри своих общин и являлись абсолютными пацифистами³⁵³. Отлично демонстрирует отношение квакеров к насилию, властям и политике в целом эпизод, описанный самим Фоксом. Когда вооруженные солдаты явились на собрание квакеров, считая их антиправительственными заговорщиками, Фокс ответил им: «В своем заявлении я сказал, что "им нет нужды приходить против нас с мечами и палками, ибо мы мирные люди; и не имеем в своих

³⁵¹ Хью МакГрегор Росс. Указ. соч. С. 8–12.

³⁵² Там же. С. 89.

³⁵³ Павлова Т.А. Джордж Фокс и движение квакеров // Хью МакГрегор Росс. Указ. соч. С. 7–18.

сердцах ничего, кроме доброй воли по отношению к королю и властям, и ко всем людям на земле"»³⁵⁴.

Впрочем, среди квакеров XVII – начала XVIII вв. были и те, кто разрабатывал проекты реформ по переустройству общества. Наиболее известными среди них являются основатель Пенсильвании У. Пенн и экономист, один из знаменитых филантропов своего времени, Дж. Беллерс.

У. Пенн являлся сыном знаменитого английского адмирала У. Пенна-старшего. Однако пережив в детстве и юношестве события Гражданской войны в Англии, казнь Карла I, протекторат Кромвеля, а затем и реставрацию монархии Стюартов, Пенн стал решительным противником войны и насилия в любой форме. Получив великолепное образование – учившись сначала в Оксфорде, а затем во Франции, молодой английский философ все больше увлекается религиозными идеями, уже в 1665 г. попадает в тюрьму за посещение собраний квакеров, преследуемых в то время властями, и лишь благодаря влиятельному положению отца вскоре выходит на свободу. Однако это лишь убедило юношу в правоте своих взглядов, вскоре он знакомится с главным идеологом движения квакеров Дж. Фоксом, издает несколько памфлетов, направленных против англиканской церкви, подвергается за это арестам, но в 1680 г. находит обоюдовыгодное как для властей, так и для квакеров решение. Еще в 1660-х гг. отец Пенна одолжил Карлу II большую сумму денег, однако, к 1680 г. Пенн-старший умер, и его сын предложил властям вернуть долг не деньгами, а землями в Америке. Карл II одобрил идею и в 1681 г. в Америке появилась новая колония – Пенсильвания, которая по задумке своего создателя должна была стать образцом справедливого общества³⁵⁵.

Основой нового общества Пенна должны были стать уже знакомые нам по работам других английских мыслителей правопреемственность (гарантировались защита частной собственности, свобода

³⁵⁴ Хью МакГрегор Росс. Указ. соч. С. 107.

³⁵⁵ Fantel H. William Penn: Apostle of Dissent. N.-Y.: William Morrow & Co, 1974.

предпринимательства, власть правительства была ограничена и согласована с волей народа) и приверженность идее эволюционного пути развития, выраженная в форме крайнего пацифизма и отказа от насилия, а также характерные для квакеров идеи нравственной чистоты (запрет азартных игр, петушиных боев и т.д.) и добровольной взаимопомощи между участниками сообщества. «Правительство в большей степени зависит от людей, чем люди от правительства. Если люди будут добры и чисты, то создание плохого правительства невозможно»³⁵⁶, – писал Пенн в «Системе управления Пенсильванией» (1682 г.), связывая напрямую нравственные качества людей и честность создаваемых им правительств. Взгляд Пенна на роль права в современном ему обществе изложен в более позднем его сочинении – «Опыте о настоящем и будущем мире в Европе...» (1693 г.), в котором философ одним из первых предложил создание системы международного права (на базе правовых систем цивилизованных народов, к которым он причислял и Московию) и единого европейского органа коллективной безопасности – «Конгресса, Парламента или Палаты государств», призванного поддерживать мир и разрешать конфликты между государствами правовым путем. Именно право Пенн в данном трактате противопоставлял насилию и войнам: «Создаваемый мир поддерживается правом, являющимся результатом деятельности правительства...»³⁵⁷, – писал он в начале своего произведения.

Современник Пенна, квакер и экономист Дж. Беллерс не пытался основывать новые колонии и поселения, однако, подобно Пенну, также задавался вопросом о помощи неимущим слоям населения. Кроме

³⁵⁶ Penn W. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.04.2020).

³⁵⁷ Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe. P. 402. Подробнее об этом см.: Орлов А.А. Справедливый порядок в европейских проектах «вечного мира» периода Нового времени. Учебное пособие. М.: МПГУ, 2017. С. 53-65 (тема № 4) [далее – Орлов А.А. Справедливый порядок...]; Орлов А.А., Сопленков С.В., Альбертина В.А. Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2016. Т. 7, № 4. С. 67-68.

непосредственной помощи нуждающимся – Беллерс был одним из выдающихся филантропов своего времени – философ разработал проект трудового колледжа, призванного изменить взгляд как бедных, так и богатых людей на товарно-денежные отношения и производство в целом. Он рассчитывал, что с помощью нового подхода к образованию удастся воспитать «новое поколение» людей, жаждущих не эксплуатировать друг друга, но жить в мире и гармонии³⁵⁸. В трудовом колледже Беллерса не существовало денег и купли-продажи товаров. Мерилом стоимости любой вещи, согласно мнению философа, являлся труд, деньги же для него были причиной не только социального неравенства, но и нестабильности экономического развития в целом. «Тогда как теперь часто и земледелец и ремесленник оба разоряются, хотя первый имеет большой урожай, а второй произвел много товара: деньги, а не труд сделаны мерилom вещей»³⁵⁹, – писал Беллерс в «Предложении об учреждении трудового колледжа...» (1695 г.).

Радикальное предложение Беллерса, при этом, ни в коей мере не было связано с революционной деятельностью и не выходило за рамки идей эволюционного пути развития общества. Мало того, что учреждение трудового колледжа и обучение в нем являлось делом добровольным, данное учебное заведение, по мнению самого мыслителя, должно было служить социальному консенсусу, т.е. приносить пользу и бедным, и богатым, объединять их интересы. Дело в том, что Беллерс полагал, что именно производительный труд бедняков делает богатых богатыми. Продавая изделия, изготовленные бедняками, богатые получают гораздо больше средств, нежели вложили в производство, поэтому «труд бедных – рудники для богатых»³⁶⁰. Следовательно, любые бунты и революции богатым невыгодны, ибо они подрывают производство, лишают их прибыли, а потому

³⁵⁸ См.: Clarke G., ed. John Bellers: his life, times, and writings. L.: Routledge and Kegan Paul, 1987.

³⁵⁹ Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа... С. 297.

³⁶⁰ Там же. С. 301.

естественным стремлением богача должна быть забота о бедных. Учебное заведение, предложенное Беллерсом, должно было соединять интересы бедных, нуждавшихся в пропитании и крыше над головой и готовых трудиться, и богатых, стремящихся к тому, чтобы работники были довольны, обучены и хорошо работали.

В целях создания трудового колледжа Беллерсом подчеркивалась идея социального консенсуса. «Я преследую три цели – писал он. – Во-первых, выгоду для богатых (что обеспечит возможность жить для остальных), во-вторых, изобильную жизнь для бедных, в-третьих, хорошее воспитание для молодежи, которая должна стараться подготовить свои души как добрую почву»³⁶¹. Как мы видим, даже в проектах переустройства общества квакеры, предлагая радикальные идеи, оставались верны принципу эволюционного развития, более того, они не допускали никаких насильственных мер при проведении реформ, которые должны были основываться на правопреемственности и общей выгоде для всех.

В период Реставрации в Англии были и философы, продолжавшие изучать происхождение королевской власти, её прерогативы, взаимодействие власти и народа. Наиболее известными из них являются одни из основоположников «теории общественного договора» Т. Гоббс и Дж. Локк.

В понимании данными мыслителями сущности и целей заключения «общественного договора», конечно, есть немало различий. Однако для нашего исследования важно то, как они представляли себе пути общественного развития. Согласно теории «общественного договора», государство возникло не в результате Божьей воли, а как сознательный акт деятельности людей. Гоббс считал, что это был необходимый и вынужденный шаг, спасший людей от самоистребления – в «естественном» (догосударственном) состоянии, права и свободы человека были ничем не ограничены, что привело к «войне всех против всех»; но люди, наделенные разумом, понимая, что победителей в войне не будет и конец у нее может

³⁶¹ Там же. С. 298.

быть только один – уничтожение человечества, заключили общественный договор, отторгнув в пользу государства часть своих прав в обмен на защиту и прекращение «войны всех против всех». «Государство, – писал Гоббс в своем трактате «Левиафан», – есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»³⁶². Локк, представлявший себе «естественное» состояние людей не столь мрачно – никакой «войны всех против» всех не существует, ибо разум, являвшийся первейшим законом человека, предостерегает его от причинения вреда другому – считал, что «общественный договор» был заключен для закрепления за людьми их естественных прав и свобод. «Каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным»³⁶³, – так раскрывал Локк на страницах своей работы «Два трактата о правлении» суть происхождения государства.

Ядром политической теории обоих мыслителей была идея происхождения государственной власти согласно коллективной воле всего народа (принцип «народного суверенитета», противопоставленный здесь принципу «королевского (божественного) суверенитета»), заключившего «общественный договор». Однако ни тот, ни другой мыслитель не отступали от идеи эволюционного пути развития, считая реформаторскую деятельность государства наилучшим путем для всего социума. Гоббс, в принципе, не допускал возможности восстания против суверена – единожды создав государство и отдав правителю часть своих прав, граждане обязаны подчиняться его воле впоследствии. «Что бы суверен ни делал, не может быть неправомерным актом по отношению к кому-либо из его подданных, и

³⁶² Гоббс Т. Левиафан... С. 133.

³⁶³ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 318.

он не должен быть обвинен кем-либо из них в несправедливости»³⁶⁴, – писал Гоббс, фактически отождествляя справедливость и волю суверенного правителя. Позиция Локка в вопросе о власти правителя была более либеральна. Он выделял группу «естественных прав», посягать на которые не может даже государство, и оставлял народу «право на восстание» в случае нарушения правителем неотъемлемых прав и свобод граждан. «Где кончается закон, начинается тирания... <...> И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть... то он при этом перестает быть должностным лицом, и поскольку он действует подобным образом без надлежащих полномочий, то ему можно оказывать сопротивление...»³⁶⁵. Но, следует заметить, что Локк рассматривал «право на восстание» как чрезвычайную ситуацию, вызванную необходимостью противодействия тирании, и связывал лишение власти государя с нарушением законности, т.е. опять же придерживался идеи верховенства права.

Наступление XVIII в. внесло в выражение мыслителями своих взглядов на пути общественного развития несколько важных коррективов. Прежде всего, возрастает роль исторического знания, на которое мыслители опирались при аргументации своих идей и взглядов. Кроме того, важной и неотъемлемой составляющей публикации большинства трактатов становится коммерческий успех. К. Хилл связывал подобные перемены в принципах аргументации мыслителями своих идей с кризисом религиозного мировоззрения, который являлся прямым следствием революции середины XVII в., когда, по выражению исследователя, стало понятно, что «с помощью Библии можно доказывать любые идеи»³⁶⁶.

М.П. Айзенштат, специализирующаяся на изучении английской общественной мысли XVIII в. и развитии исторического знания в данный период, подошла к проблеме изменения роли истории в произведениях

³⁶⁴ Гоббс Т. Левиафан... С. 137.

³⁶⁵ Локк Дж. Два трактата... С. 379.

³⁶⁶ Хилл К. Английская Библия... С. 137.

английских интеллектуалов комплексно. Она выделила ряд причин различного – социально-экономического, политического, культурного плана, которые прямо или косвенно повлияли на данное изменение в мировоззрении англичан. Во-первых, она отметила формирование и развитие в Англии в конце XVII–XVIII вв. политических партий – тори и вигов и начало их идеологического противостояния в парламенте. Любое противостояние и дискуссия требуют аргументов, а религиозные аргументы, опора на библейские тексты постепенно выходили из употребления английской политической элиты, место религии как идеологической опоры начинают занимать исторические факты. Во-вторых, XVIII в. – это период бурного развития в Англии прецедентного права, существование которого было невозможно без обращения к прошлому. В-третьих, как отмечает Айзенштат, трансформируются сами привычки англичан, в особенности дворянства – «нетитулованное дворянство стремилось подражать знатым соседям в своих загородных домах. В них наряду с другой обстановкой располагались и портретные галереи, и библиотеки. В некоторых дворцах число рукописей и книг доходило до нескольких сотен...»³⁶⁷. Спрос на издаваемую литературу существенно вырос – именно в XVIII в. произведения любого рода – от художественных до публицистических – начинают продаваться по определенным ценам: в журналах появляются публикации о книжных новинках с указанием цены³⁶⁸.

Сам по себе интерес к истории и опора на исторический материал говорят о склонности мыслителей к нахождению определенной преемственности в обществе. И, хотя исторические произведения английских авторов XVIII в. крайне разноплановы, во всех них прослеживается идея общественной эволюции как главного пути развития социума. Наиболее известными английскими историческими произведениями являются

³⁶⁷ Айзенштат М. П. Историческое знание... С. 88-89.

³⁶⁸ Там же. С. 150.

упомянутые выше труды Д. Юма и К. Маколей, носящие одинаковые названия «История Англии...».

Юм, будучи, прежде всего, философом-эмпириком, и обосновывая в своих многочисленных философских трактатах первичность человеческого опыта («впечатлений») по отношению к рождающимся в нашем разуме идеям («копиям и соединениям впечатлений») стремился к максимальной объективности в описании исторических событий. «Я имею дерзость думать, что не принадлежу ни к какой партии и не провожу никакой тенденции... И те, кто пишет, и те, кто читает историю, интересуются характерами и событиями в достаточной мере, для того чтобы живо испытывать чувства похвалы и порицания, а, в то же время, они никак лично не заинтересованы в том, чтобы исказить свои суждения»³⁶⁹. Но, конечно же, понимая, что без авторской позиции написание исторических трудов невозможно, Юм подходил к истории Англии с позиции стремления к социальному единству, крайне неодобрительно относясь к войнам и насилию, в особенности к гражданской войне, и положительно оценивая реформы, направленные на стабилизацию общественного и политического развития. Он, следовательно, положительно оценивал «Славную революцию» 1688–1689 гг. и формирование ограниченной монархии в Англии³⁷⁰.

К. Маколей была менее консервативна, нежели Юм, для нее история Англии являлась историей борьбы народа за свои исконные права. Она положительно оценивала революцию середины XVII в., рассматривая её при этом не как акт революционного насилия, а как справедливую борьбу народа против короля-тирана. Революцию саму по себе Маколей не поощряла, однако, считала, что «короли, призванные служить народу, превращаясь в тиранов, утрачивают право на правление»³⁷¹, а потому свержение Карла I являлось долгом народа. Таким образом, Маколей рассматривала революцию

³⁶⁹ Цит. по: Сабина М.В. Давид Юм, его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. СПб.: Типо-лит. и фототип. В.И. Штейна, 1893. С. 58.

³⁷⁰ Hume D. The History of England... Vol. 6. P. 496-592.

³⁷¹ Macaulay C. The history of England... P. 337.

как крайнюю меру принуждения властей к реформам, а не как самоцель общественного развития.

К концу XVIII в. сложилось много факторов³⁷², под влиянием которых английская общественная мысль, с одной стороны, поляризуется, а, с другой, радикализируется. В Англии, как в любой другой стране, развивающейся от кризиса к кризису, нашлись и защитники американской независимости, и приверженцы идей французского Просвещения, и сторонники революции во Франции.

Среди значительной части английских граждан, в особенности среди аристократии, в конце XVIII в. были популярны идеи осуждения и радикальной критики Французской революции и наследия Просвещения. Идеологическим лидером выразителей такой критики стал философ и политик Э. Бёрк, издавший в 1790 г. свое главное произведение, считающееся большинством как отечественных, так и зарубежных специалистов трактатом, легшим в основу последующего развития консервативной общественной мысли в Европе, «Размышления о Французской революции»³⁷³. Трактат Бёрка представляет собой аргументированное и последовательное изложение контрреволюционных принципов, поскольку революция разрушает все социальные устои, дестабилизирует политическую ситуацию и приводит к огромному количеству жертв. Революциям Бёрк противопоставляет такие, формировавшиеся столетиями в Англии идеалы, как традиционализм, стремление к стабильности политического развития, четкое следование правовым нормам и опора при управлении государством на политические

³⁷² Среди них главными являлись Война за независимость США 1775–1783 гг., сопровождавшаяся принятием ряда важнейших правовых документов, закреплявших права и свободы американских граждан – прежде всего, это Конституция США 1787 г. и «Билль о правах» 1791 г.; стремительное распространение в Европе идей французского Просвещения; и, наконец, начало Французской революции 1789–1799 гг., ставшей (и остающейся до сего дня) для многих символом борьбы народа за свои права и свободы.

³⁷³ Burke E. Reflections...; Armitage D. Edmund Burke and Reason of State // Journal of the History of Ideas. University of Philadelphia Press. 2000. № 61 (4). P. 617-634; Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Наука, 1996. С. 60-65.

элиты – профессиональных политиков, чьи семьи участвуют в управлении государством столетиями. Сильное и стабильное государство является для Бёрка залогом общественного процветания, ибо именно оно, а не дискуссии о правах и свободах человека, поддерживает порядок в обществе, обеспечивая людям пищу и крышу над головой. «Имея право на все, люди хотят получить все. Государство – это мудрое изобретение человечества, предназначенное для обеспечения человеческих желаний. <...> Но государство требует, чтобы они сдерживали свои страсти и желания»³⁷⁴. В свою очередь, сильное государство невозможно без традиций и «народной нравственности». «Только уважая своих праотцов, – писал философ, – вы научитесь уважать себя»³⁷⁵.

Позиция Бёрка возвеличивала силу традиций и государственной власти, отторгая любые действия, способствующие нарушению общественной стабильности. В то же время, среди современников и соотечественников Бёрка было немало тех, кто увлекался идеями французских просветителей, поддерживал борьбу за независимость американских колоний и революцию во Франции. Прежде всего, это уже знакомый нам У. Годвин и знаменитый политик и общественный деятель рубежа XVIII–XIX вв. Дж. Картрайт (1740–1824). Идеи данных интеллектуалов были крайне радикальны, они с открытой симпатией относились к революционным событиям в Северной Америке и (на начальном этапе) во Франции, но, при этом, в главном оставались приверженцами эволюционного пути развития общества.

Дж. Картрайт родился в аристократической, однако, к концу XVIII в. уже обедневшей семье, что обусловило, с одной стороны, то, что он не получил систематического образования, но, с другой, он с юных лет активно занимался самообразованием, изучая труды различных мыслителей, в т.ч. и французских просветителей. Поэтому неудивительно, что, родившись в

³⁷⁴ Burke E. Reflections... P. 58.

³⁷⁵ Ibid. P. 197.

семье потомственных тори, прослужив несколько лет в королевском флоте, юный философ оставил военную службу и обратился к публицистической и политической деятельности. С 1770-х гг. главной целью Картрайта становится отстаивание необходимости проведения либеральных реформ, а, именно, законодательного закрепления и расширения прав и свобод всех слоев населения Англии и проведения избирательной реформы, которая позволила бы как можно большему числу англичан участвовать в политической жизни страны путем как голосования на выборах, так выдвижения непосредственно своих кандидатур на политические должности. Следует отметить, что в конце XVIII в. правом участия в выборах в Палату общин парламента обладали лишь несколько процентов населения Англии³⁷⁶.

Изначальную известность Картрайту принесли выпуск в 1776 г. памфлета «Сделайте свой выбор!» и создание в 1780 г. «Общества информирования о конституции» – группы сторонников философа, основной деятельностью которой было распространение произведений различных мыслителей. Всего обществом было опубликовано несколько десятков сочинений, в которых отстаивалась необходимость проведения избирательной и других либеральных реформ, а общий тираж издаваемой ими литературы превысил 80 тыс. копий³⁷⁷.

В памфлете «Сделайте свой выбор!», а также в следующих своих произведениях, Картрайт поддерживал американцев в их борьбе с метрополией, требовал ежегодных выборов в парламент, введения всеобщего избирательного права, утверждая, что равное представительство во власти является неотъемлемым правом любого человека, наряду с естественными правами³⁷⁸. Подобная позиция относительно избирательных прав граждан, на момент издания памфлета была чересчур радикальна не только для консерваторов, но и для подавляющей массы вигов, считавших занятие

³⁷⁶ Айзенштат М.П. Историческое знание... С. 147–150.

³⁷⁷ Black J. Eighteen-Century Britain, 1688–1783. N.-Y.: Palgrave, 2001. P. 228-230.

³⁷⁸ См.: Cartwright J. Take Your Choice!

политикой прерогативой знати и джентльменов, но не трудящихся³⁷⁹. Картрайта не раз арестовывали за его взгляды, а в 1813 г. приговорили к тюремному заключению. Однако признать данного деятеля революционером мы не можем: развитие общества для Картрайта – это, прежде всего, законодательное закрепление и расширение человеческих прав и свобод – недаром он получил от современников прозвище «отец реформы», т.е. избирательной реформы 1832 г.³⁸⁰

Другого политического радикала конца XVIII в. – У. Годвина, казалось бы, можно с уверенностью назвать противником эволюционного пути развития общества. Действительно, предлагаемые им идеи были, пожалуй, самыми радикальными среди идей всех рассмотренных нами интеллектуалов; и революцию, как способ изменения общественного порядка, Годвин не отвергал. Его главные произведения «Исследование о политической справедливости» и роман «Приключения Калеба Уильямса», представлявший собой художественное изложение политических идей мыслителя, были изданы в разгар Французской революции и направлены на поддержку идей, выдвигаемых революционерами³⁸¹. Да и сама жизнь философа оказалась теснейшим образом связана с событиями во Франции. После издания названных работ, совпавших по времени выхода со свержением монархии во Франции, Годвин обретает большую популярность среди англичан, его работы выходят огромными тиражами, а сама личность философа ассоциируется в глазах граждан и части интеллектуальной элиты с идеями свободы, равенства и процветания.

Однако приход к власти во Франции якобинцев и последовавший за этим якобинский террор отшатнули от идей революции большинство англичан, после чего идеи Годвина начинают ассоциироваться не со свободой, но с насилием и кровью, он подвергается нападкам в прессе, а в 1797 г. умирает его жена и единомышленник М. Уолстонкрафт. Новые

³⁷⁹ Айзенштат М.П. Историческое знание... С. 145–155.

³⁸⁰ См.: Osborne J.W. John Cartwright. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

³⁸¹ См.: Godwin W. An enquiry concerning political justice...; Годвин У. Калев Уильямс.

произведения Годвина уже не находили отклика в обществе, а его травля как революционера и радикала продолжалась; это приведет к тому, что философ постепенно сойдет с общественной сцены и проживет оставшуюся часть жизни в безвестности. А.В. Чудинов имел полное основание сказать, что к моменту своей физической смерти в 1836 г. «великий философ Годвин будет уже давно мертв. Рожденный XVIII столетием, он умер вместе со своим веком...»³⁸².

Стремительный взлет в глазах общественности и столь же стремительное падение авторитета Годвина были напрямую связаны с революционными событиями. Однако назвать Годвина сторонником революции как основного пути общественного развития мы не можем. Хотя он и не отрицал возможности революции и одобрительно отзывался о начале революции во Франции, революционная деятельность и кровопролитие для него были крайними, а, следовательно, принципиально неприемлемыми мерами. «Мне нет никакого дела до мятежников и интриганов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее»³⁸³, – писал он на страницах своего «Исследования о политической справедливости». Т.е. революция в представлении Годвина – это, прежде всего, «революция разума», когда люди сами поймут выгоду и справедливость установления политического строя без государства и частной собственности и добровольно примут этот строй. Ни о создании профессиональных революционных организаций, ни о массовом кровопролитии и политическом терроре ради достижения каких-либо целей в концепции Годвина не было и речи. Философ также рассматривал развитие общества как эволюцию, и историческую преемственность, только эволюцию человеческого разума, призывающего, по мнению Годвина, добровольно принять справедливый общественный строй, т.е. отказаться от частной собственности и эксплуатации человека человеком. «В истории Европы от

³⁸² Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. С. 12.

³⁸³ Годвин В. О собственности. С. 156–157.

времени варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравниванию собственности...»³⁸⁴, – заключал мыслитель.

На основе анализа идей наиболее известных и радикальных английских мыслителей XVI–XVIII вв. мы можем сказать, что вне зависимости от социального положения того или иного мыслителя, его отношения к существующей действительности и жизненного пути, все они в той или иной форме – от прямого пацифизма и реформизма до веры в историческую преемственность и прогресс разума – придерживались концепции эволюционного пути развития. Вера в преемственность общественного и индивидуального развития и примат права, как основы справедливого общественного устройства, в сочетании со стремлением к переменам в социуме исключительно эволюционным путем составили важнейшие доминанты мировоззрения английских интеллектуалов рассматриваемого хронологического периода.

2.3. Английское понимание «патриотизма»

Слово «патриотизм» в названии параграфа взято нами в кавычки не случайно. Патриотизм – понятие многоплановое и многозначное, его трактовка зависит от исторической эпохи: например, исследователи эпохи Античности выделяют «полисный патриотизм» как чувство любви и уважения к своему полису, готовность встать на его защиту³⁸⁵. В Европе же понятие патриотизма и его семантического наполнения начинает обсуждаться гораздо позже – в эпоху Просвещения. Первым крупным европейским философом, обратившимся к понятию патриотизма как чувства любви к своей родине и государству, стал Ж.-Ж. Руссо – он

³⁸⁴ Там же. С. 166.

³⁸⁵ Рунг Э.В. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры, 2013. № 2. С. 304-314.

противопоставлял «патриотизм», как преданность государству, лояльности церкви³⁸⁶.

В Англии же понятие патриотизм и его сущность первым стал анализировать английский литературовед второй половины XVIII в. Дж. Сэмюэль (1709–1784). Именно ему принадлежит знаменитое высказывание, зафиксированное его биографом Дж. Босуэллом (1740–1795): «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»³⁸⁷. Стоит отметить, что в данном случае Сэмюэль отнюдь не критиковал патриотизм в целом, мыслитель имел в виду «тот патриотизм, который так многие, во все времена и во всех странах, делали прикрытием личных интересов»³⁸⁸, противопоставляя его истинному патриотизму, как любви к родине. Однако неприменение термина на практике отнюдь не означает отсутствие в менталитете народа самого феномена. Так, деятели революции середины XVII в. не использовали понятие «патриотизм», что отнюдь не исключает желания многих из них добиться процветания своего народа и страны. (Недаром в период существования индипендентской республики и протектората Кромвеля, вместо названия «Англия» официально использовалось такое название трёх частей государства, как Commonwealth – «Государство всеобщего благополучия»³⁸⁹.)

При этом, понимание и выражение патриотизма разнятся у разных мыслителей. Например, мы можем назвать патриотами и ярого монархиста Филмера, и сторонника революции Лильберна, только вот их взгляды и политические программы являются диаметрально противоположными.

Поэтому в данной части диссертационного исследования мы обратимся к различным проявлениям патриотизма, непременно присутствующим в

³⁸⁶ Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. СПб.: Светоч, 1907. С. 132.

³⁸⁷ Boswell J. Life of Samuel Johnson. L.: Penguin Classics, 2008. P. 269.

³⁸⁸ Ibid. P. 272.

³⁸⁹ Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями, им принадлежащими («Орудие управления»), 16 декабря 1653 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв. Учебное пособие для вузов по специальности «История» / Сост. М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. М.: Высшая школа, 1990. С. 83-84.

работах английских мыслителей XVI–XVIII вв.; а именно, изоляционизму – стремлению уподобить идеальное общество по географическим и, отчасти, социальным параметрам Англии; традиционализму – опоре в аргументации и своих идеях на английские традиции; историцизму – опоре на историю Англии; и своеобразному английскому «мессианству» – желанию представить Англию как начинательницу всех великих свершений, пример для других стран.

В первую очередь, рассмотрим изоляционизм, как проявление патриотизма в ранних английских утопиях. Как уже отмечено ранее, островное положение было крайне важно для англичан на заре Нового времени, а идея о географической замкнутости, как необходимости построения справедливого общества, прочно поселилась в умах мыслителей. Истоки этой идеи обширны – это и формирование в Средние века и Новое время уникальной англо-саксонской правовой системы, выделявшей Англию среди всех остальных стран; системы, построенной не на рациональных государственных установлениях – законах, а на понимании «народной справедливости»³⁹⁰; и уникальные английские традиции взаимодействия между монархом, парламентом и народным самоуправлением, формировавшиеся еще в Средневековье и получившие формальное закрепление в Великой хартии вольностей 1215 г.; и поражение Англии в Столетней войне 1337–1453 гг., которое привело к потере англичанами практически всех владений на континенте и противопоставило, таким образом, Англию континентальной Европе, сплотило англичан, для которых война стала общенародной, что привело к постепенной замене феодального типа верности на национальный – преданность стране и государству³⁹¹.

Поэтому неслучайно, что в ранних английских утопиях – «Утопии» Мора, «Новой Атлантиде» Бэкона и «Человеке на Луне...» Ф. Годвина все описываемые общества являются строго изолированными, причем изоляция

³⁹⁰ Саидов А.Х. Указ. соч. С. 33-54.

³⁹¹ Калмыкова Е.В. Указ. соч. С. 320-345.

носит одновременно и добровольный, и принудительный характер. Т.е. рассматривается всеми гражданами как благо, но, одновременно, нарушение изоляции жестоко карается; в «Утопии» за самовольные путешествия предусмотрены суровые наказания, а за повторное нарушение «правил изоляции» обращение в рабство³⁹²; у лунных жителей в принципе отсутствует возможность посещать другие страны³⁹³.

Все три описываемых общества обладали своими внутренними правилами, «правильными» образцами поведения и были очень склонны к традиционализму, особенно в области права – законы и негласные установления в этих обществах связывались с событиями давнего прошлого и именами великих правителей древности. И, хотя авторы ранних утопий не связывали напрямую описываемые ими общества и родную Англию, наличие этой связи в общем смысле произведений отмечали многие исследователи³⁹⁴. Мор даже разбил свое произведение на две части – первая из которых была посвящена завуалированной критике текущего социально-политического положения в Англии, переданной посредством разговора путешественника Гитлодея с Мором и его знакомыми, а именно, критике политике огораживания общинных земель, «кровавого» законодательства о рабочих, постоянных войн и т.д.³⁹⁵ Вторая же часть, хотя это и не обозначалось явно, являлась противопоставлением описанному в первой части трактата положению английского общества, идеального справедливого общественного устройства утопийцев, в котором все перечисленные в первой части пороки отсутствовали. Конечно, Мор не призывал резко менять основы существующего строя, а лишь показывал некий идеал, однако, в конце книги он все же прибег к прямому сравнению Англии и государства утопийцев,

³⁹² Мор Т. Утопия. С. 199-200.

³⁹³ Годвин Ф. Человек на Луне... С. 68.

³⁹⁴ См.: Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон; Осинковский И.Н. Томас Мор и его «Утопия». С. 5-83; Davis J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700. Cambridge: University Press, 1983. P. 58-80.

³⁹⁵ Мор Т. Утопия. С. 115–169.

заклучив: «я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, чего нашим странам я мог бы пожелать...»³⁹⁶.

Идея изоляционизма, как необходимого условия построения справедливого общественного порядка, в конце XV – начале XVII вв. отнюдь не являлась общемировой тенденцией общественной и философской мысли, а отражала именно мировоззрение английских интеллектуалов, их представление об уникальности развития своей страны. В континентальной европейской общественной мысли данного периода, напротив, превалировала идея о необходимости расширения государств и сообществ, как путем завоеваний, так и путем добровольного объединения и передачи знаний. Чешский король Иржи Подебрад в созданном по его заказу «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464 г.) призывал к созданию «общего союза христианских королевств», наднационального суда (общей консистории) и коллективных органов управления³⁹⁷. Королева Кастилии и Леона Изабелла I Кастильская (1451–1504) в своем завещании, составленном в самом начале XVI в., призывала потомков распространять влияние Испании и, в особенности, христианскую веру, на территории Нового Света: «постараться привести и обратить в нашу святую католическую веру их народы...<...> не допускать и не позволять, чтобы индейцы, жители и обитатели Индий и Материка, завоеванных и могущих быть завоеванными, притеснялись лично или в имуществе»³⁹⁸. К тому же, именно при жизни Изабеллы Кастильской, вследствие открытия новых земель, начинается активная международная кооперация, сменяющаяся

³⁹⁶ Там же. С. 279-280.

³⁹⁷ Трактат об установлении мира в мире христианском // The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Prague, Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1964. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin). P. 91-99. Об этом подробнее см.: Орлов А.А. Справедливый порядок... С. 12-24 (тема № 1); Он же. Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464-й год) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология, 2010, № 1. С. 34-44.

³⁹⁸ Завещание Изабеллы I Кастильской (1451–1504) // Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново: Ивановский государственный университет, 1992. С. 141.

периодами противоборства, в особенности между Испанией и Португалией, как «странами-лидерами» начала эпохи Великих географических открытий.

Разъединяла, но, при этом, одновременно стирала национальные границы в континентальной Европе, и начавшаяся Реформация. Как сторонники Реформации, так и её противники стремились заручиться поддержкой масс верующих, невзирая на их национальную принадлежность. Один из лидеров реформации Жан Кальвин (1509–1564) в своей главной работе «Наставление в христианской вере» (1559 г.) обращался к французскому королю Франциску I: «И не подумайте будто в данном случае я забочусь о себе... Я пекусь об общем деле всех верующих, о деле Христовом...»³⁹⁹. В Англии же Реформация протекала изначально как явление сугубо национальное, в форме создания англиканства. Наконец, в начале XVII в. появляется сочинение французского мыслителя Э. Крюсе «Новый Киней...» (1623 г.), отразившее стремление производящих слоёв населения, а также части европейской элиты к построению «наднационального общества». В своем произведении мыслитель так описывал будущее человечество: «...человеческое общество – это единый организм, все органы которого связаны между собой доброжелательством, поскольку невозможно, чтобы болезни одного органа не сообщались бы другим»⁴⁰⁰.

На заре Нового времени изоляционизм как стремление английских мыслителей подчеркнуть связь между справедливым общественным строем и своей страной стал отличительной чертой ранних утопических произведений. Однако постепенно в Англии начинают распространяться различные течения протестантизма, страна вступает на путь буржуазного развития, формируется слой джентри, активизируется торговля; да и сама Англия, являвшаяся в

³⁹⁹ Calvin J. The Institutes of the Christian Religion. Christian Classics Ethereal Library, Grand Rapids, MI, 2002. P. 8.

⁴⁰⁰ Крюсе Э. Новый Киней, или Рассуждение о состоянии, предоставляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире // Трактаты о вечном мире. С. 62. Подробнее об этом см.: Орлов А.А. Справедливый порядок... С. 37-52 (тема № 3); Орлов А.А., Сопленков С.В., Альбертина В.А. Указ. соч. С. 66-67.

начале XVI в. периферией Европы, становится грозной морской державой, участвовавшей в общеевропейских конфликтах и ведущей активную торговлю. Идея изоляционизма как условия построения справедливого общества исчезает из работ английских мыслителей, но их уверенность в уникальности пути развития своей страны никуда не пропадает, находя выражение в других постулатах – традиционализме и идее «первенства Англии».

Катализатором, заставившим английских мыслителей XVII в. обратиться к идеям традиционализма и постулирования Англии как наиболее прогрессивной страны, стала революция середины века. К английским традициям, идее незыблемости королевской власти и сохранения общественного спокойствия, конечно, чаще обращались роялисты – наиболее показательной в данном случае является позиция Филмера. Сторонники же революции чаще прибегали к идее об Англии как стране, показывающей «пример» всем другим странам и народам. Здесь яркими примерами являются идеи Гаррингтона и Лильберна.

Основу идей Гаррингтона, изложенных им в трактате «Республика Океания», составляли несколько концепций. Во-первых, это убежденность в изначальном неравенстве людей – для Гаррингтона в силу физических, умственных способностей, происхождения и воспитания все люди были не равны, а общество представляло собой четкую естественную социальную иерархию, которую сам мыслитель сравнивал с распределением чинов в армии. «На самом деле, как не может быть армии солдат без офицеров или офицеров без солдат, так и не может быть республики народа без джентри или джентри без народа... Ведь республике нужны выдающиеся личности, а стать таковыми могут только джентльмены...»⁴⁰¹. Во-вторых, это теория «баланса собственности». Гаррингтон, как и любой английский интеллектual середины XVII в., стремился объяснить происхождение революции и выявить её последствия. Он являлся одним из немногих мыслителей того

⁴⁰¹ Harrington J. The commonwealth of Oceana. P. 58-59.

времени, которые рассматривали политические, экономические и социальные процессы в совокупности. Итогом его длительных размышлений о природе революции стала теория «баланса собственности». Для Гаррингтона революция была явлением прогрессивным, навсегда изменившим не только облик самой Англии, но и сулящим перемены всему миру (в данном случае Англия негласно позиционировалась как передовая держава). Гаррингтон был убежден, что политическая власть прямо зависит от экономического развития страны, от того, какое количество её жителей являются богатыми земельными собственниками. Всего философ выделял три формы правления – монархию, аристократию и республику. В любой из них, на его взгляд, экономическое развитие неизбежно приводит к росту числа собственников, вслед за этим меняется и политическое устройство. «Если один человек владеет всей территорией или его собственность перевешивает собственность всех остальных людей в отношении 3 к 4, он – "гранд-сеньор", и потому его государство – абсолютная монархия. <...> Если землей владеет немногочисленная знать или знать и часть духовенства, то формой правления будет смешанная монархия или аристократия. <...> И, если весь народ или большинство – землевладельцы, то формой правления будет республика»⁴⁰². Стоит отметить, что Гаррингтон под выражением «весь народ» подразумевал лишь богатых землевладельцев, а отнюдь не всех англичан. Согласно его воззрениям, смена формы правления на республиканскую должна произойти при количестве собственников в 5 тыс. чел.⁴⁰³ Гаррингтону виделась таким передовым государством именно Англия, которая, благодаря успехам в экономике, смогла прийти и к наиболее прогрессивной форме правления – республике.

Лильберн в своих многочисленных памфлетах также рассматривал Англию как передовую державу, только для него эта исключительность заключалась не в экономическом развитии, смене баланса собственности и

⁴⁰² Ibid. P. 8-9.

⁴⁰³ Ibid. P. 100–101.

трансформации политической системы. Для него Англия – это страна, показавшая всему миру пример борьбы за народную свободу; борьбы, которая должна быть продолжена, пока не будет достигнуто экономическое благополучие свободных граждан и контроль действий политической власти со стороны народа. «Вам принадлежит честь объявить, что божий народ есть источник всякой справедливой власти...»⁴⁰⁴, – обращался Лильберн в начале 1649 г. к Долгому парламенту. Лидер левеллеров считал, что англичане должны показать всем другим странам пример истинного народного правления путем заключения «Соглашения свободного народа Англии», содержащего основные принципы политического устройства и направления политико-экономической деятельности. В начале «Соглашения...» отдельно подчеркивался его народный характер и истинно английское происхождение: «Мы, свободный народ Англии, – писал Лильберн, выражая общее мнение левеллеров, – желая достичь справедливости в похвалу и славу божию... заключаем взаимный договор об установлении правительства, уничтожении всякой произвольной власти»⁴⁰⁵.

Однако, несмотря на, казалось бы, естественный антагонизм между идеями традиционализма и признанием Англии передовой державой, стремящейся в своем развитии достигнуть «совершенства», данные мировоззренческие категории в работах английских мыслителей XVII в. зачастую дополняли друг друга, что связано, прежде всего, с приверженностью англичан идее права, как основы справедливого общества. Так, Лильберн, пропагандируя необходимость проведения прогрессивных политических и экономических реформ, описывая важность исторического момента, когда английский народ смог взять власть в свои руки и готов к проведению преобразований, часто ссылаясь на то, что Англия уже является уникальной в плане правовой и политической системы страной. Наряду с описанием необходимых реформ он зачастую подкреплял свои идеи

⁴⁰⁴ Лильберн Дж. Новые цепи Англии... С. 48.

⁴⁰⁵ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 109.

ссылками на английские правовые документы – прежде всего, на Великую хартию вольностей. Правопреемственности в истории Англии Лильберн посвятил один из своих самых известных памфлетов – «Защита прирожденного права Англии» (1645 г.). Памфлет был направлен на критику деятельности парламента, целью которого, с точки зрения автора, является выражение народных интересов и защита «прирожденных прав» граждан, на которые не может покушаться ни одна власть – ни королевская, ни парламентская. «Всеми разумными людьми признается, что парламент имеет власть отменять старые законы и издавать новые и публиковать их. Но некоторые законы не могут быть отменены им, потому что они составляют основной закон, которым руководствуются все общины Англии и которым связан и сам парламент, так же, как и все другие»⁴⁰⁶, – писал Лильберн, критикуя определенные парламентские указы. Несмотря на то, что в Англии не было (и до сих пор нет) писанной конституции, как основного закона страны, для мировоззрения Лильберна, как и многих других английских интеллектуалов, вполне естественным было признание наличия «основного закона», который существует издревле, выражает справедливость и должен служить основанием для деятельности государственных органов.

Но наиболее ярко выражено взаимодействие категорий традиционализма и английского прогрессизма, находящихся в данном случае в неразрывном синкретическом единстве, в работах Уинстенли. Произошло это в силу того, что и сам Уинстенли, и его сторонники принадлежали, чаще всего, к низшим и обездоленным слоям населения, прежде всего, пауперизированному крестьянству, мировоззрение которых было более иррационально. Так, во вступлении к «Закону свободы» Уинстенли писал о важности исторического момента в Англии – свержении королевской власти и установлении республики – момента, открывшего английскому народу путь к свободе и процветанию: «На вас, – обращался Уинстенли к Кромвелю, – устремлены глаза населения всей страны, нет, я думаю, что могу сказать,

⁴⁰⁶ Там же. С. 36-37.

глаза всех соседних народов в ожидании того, что вы сделаете»⁴⁰⁷. Однако одновременно он рассматривал предлагаемые изменения не как усовершенствование общественного устройства или революцию, а в качестве возвращения к «исконно английским» традициям, обычаям и социально-политическому устройству. Одной из основных идей диггеров была идея нормандского завоевания как катализатора установления несправедливого общественного порядка, когда «норманн Вильгельм пришел в Англию и завоевал ее, и отдал землю своим нормандским солдатам, чтобы каждый огородил свою часть...»⁴⁰⁸. Поэтому радикальные реформы, например, отмена частной собственности на землю, для диггеров были не нововведением, а возвращением к «старым добрым» временам. Неудивительно, что в начале «Закона свободы» рассуждения о значимости исторического момента и возможности для народа создать «истинно» справедливое общество, соседствовали с обращениями к пагубности нормандского завоевания и несправедливости владения лендлордами, потомками приближенных Вильгельма Завоевателя, своих земель. «Все, что отвоевано у завоевателя, отвоевано объединенными усилиями простых людей и по всей справедливости все простые люди должны быть освобождены от владычества завоевателя... вы должны освободить землю для простого угнетенного люда...»⁴⁰⁹, – писал Уинстенли в том же разделе работы, провозглашая, что взоры всех народов устремлены на Англию, как на страну, избавившуюся от тирании и вверившую власть в руки народа.

Подобное сочетание приверженности английскому традиционализму, с одной стороны, и позиционированию Англии как передовой державы, мы найдем и в работах мыслителей второй половины XVII–XVIII вв.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что теория «общественного договора», выдвинутая Локком и Гоббсом, была прогрессивна для своего времени, ибо подвергала радикальному сомнению

⁴⁰⁷ Уинстенли Дж. Закон свободы... С. 183.

⁴⁰⁸ Уинстенли Дж. Новогодний подарок... С. 141.

⁴⁰⁹ Уинстенли Дж. Закон свободы... С. 182.

концепцию божественного происхождения власти, вверяя «первенство» в образовании государства народу, заключившему «общественный договор», передав, тем самым, часть своих прав государству в обмен на собственную защиту⁴¹⁰. Если Гоббс, признавая «народное» происхождение государства, считал «общественный договор» незыблемым установлением, расторгнуть который, т.е. сместить действующую власть, граждане не вправе, то Локк не только признавал право граждан на восстание в случае, если власть действует против интересов народа, но и обосновывал необходимость закрепления «естественных» прав человека – прав, покуситься на которые не может никто, даже государство; ограничение государственной власти и разделение властей, дабы избежать концентрации властных полномочий в руках одного лица или группы лиц. Возможное посягательство других людей на жизнь и собственность «побуждает человека с готовностью отказаться от естественного состояния, которое, хоть и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений... он готов объединиться с другими людьми ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и владений...»⁴¹¹, – рассуждал Локк о причинах создания государства, видя таковые причины, а, следовательно, и функции самого государства, в защите естественных прав человека на жизнь, свободу и собственность.

Но стремление Локка к проведению прогрессивных преобразований, направленных на защиту прав и свобод граждан, не мешало ему опираться в своих суждениях на английские традиции и английское право. Так, в «Опыте о веротерпимости» (1667 г.), полемизируя со своими идеологическими оппонентами – сторонниками неограниченной королевской власти – Локк обвинял их в следующем: «Если они разумеют, что единая, верховная, произвольная власть на управление всеми делами по божественному праву сосредотачиваются в одном человеке, то это наводит на подозрение, что они

⁴¹⁰ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. СПб.: Пневма, 2002. С. 437-439; 463-467.

⁴¹¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 334.

забывают, в какой стране рождены и по каким законам живут, и, конечно, поневоле, обязаны объявить Великую хартию сущей ересью»⁴¹².

К идеям английских традиций и развития социального, экономического и политического прогресса в Англии обращались и мыслители XVIII в. Бёрк рассматривал английские традиции и их укорененность в веках и общественном сознании как безусловное преимущество своей страны в борьбе с пагубными идеями революции; духовная культура народа, складывающееся веками мировоззрение и ценности, согласно его мнению, являлись одним из главных средств защиты от общественных потрясений. «Мы в Англии, – обращался Бёрк к французам на страницах трактата «Размышления о революции во Франции», – не доверяли политикам, подобным вашим... Благодаря нашему упрямому сопротивлению нововведениям и присущей национальному характеру холодности и медлительности, мы до сих пор продолжаем традиции наших праотцов. Мы не утратили благородства и достоинства мысли и не превратились в дикарей...»⁴¹³.

Обращался к идеям изменения социального строя Англии, как страны, население которой практически готово совершить «революцию разума» и прийти к справедливому общественному устройству, где не будет частной собственности и угнетения человека человеком, и один из главных идеологических оппонентов Бёрка – У. Годвин. Конечно, радикал Годвин относился критически к существующей действительности в силу наличия в обществе сильного социального расслоения, стремления верхушки социума к ничем не оправданной роскоши, а бедняков к раболепию перед властью. Но, как бы сильно не различались взгляды Годвина и Бёрка, оба мыслителя видели наибольший потенциал для создания справедливого общественного строя именно в Англии. «В Англии, – писал Годвин, – в теперешнее время мало найдется бедняков, которые не утешались бы своим правом порицать

⁴¹² Локк Дж. Опыт о веротерпимости... С. 66.

⁴¹³ Burke E. Reflections... P. 117.

людей, поднявшихся над ними. <...> Таковую склонность людей можно поощрить и направить на благородные цели... <...> Каждому человеку можно внушить сознание его принадлежности к общему гражданству и заставить почувствовать себя деятельным и полезным членом целого...»⁴¹⁴.

Однако, несмотря на сохранение значимости в XVIII в. таких основ английского мировоззрения, выражающего чувства патриотизма, как традиционализм и прогрессизм, все большее значение приобретал историцизм – обращение к истории Англии для доказательства своих воззрений. Конечно, и в XVI, и в XVII вв. английские интеллектуалы зачастую прибегали к истории своей страны для подкрепления собственных идей. Особенно значимым историческим событием, к которому обращались и Локк, и Лильберн, и Гаррингтон являлось принятие в 1215 г. Великой хартии вольностей, как правового документа, закрепившего за английскими гражданами их права и свободы. Но данные мыслители использовали исторические экскурсы в качестве одного из инструментов обоснования своих воззрений, а в XVIII в. появляются исторические произведения, где посредством анализа важнейших событий истории страны выстраивалась собственная позиция. Таким образом, история из одного из элементов аргументации превращалась в базис выдвигаемых идей. Наиболее ярким примером в данном случае является произведение К. Маколей «История Англии...». В самом начале работы исследовательница прямо говорит, что только целостная интерпретация исторических событий позволит нам понять развитие страны в целом и её текущее состояние. «Реформация и Революция – два важнейших события в нашей истории, которые привлекают каждого политического деятеля, – отмечала Маколей. – <...> Однако вы должны понимать, что Реформация была результатом определенной политики в большей степени, чем просто рвением восстановить чистоту и простоту христианства...»⁴¹⁵.

⁴¹⁴ Годвин В. О собственности. С. 185–186.

⁴¹⁵ Macaulay C. The history of England... P. 29.

Таким образом, отметим, что, вне зависимости от занимаемого социального положения и отношения к существующей действительности, все английские интеллектуалы рассматривали английское общество как наиболее прогрессивное, в котором либо уже воплотились идеалы «справедливого общественного устройства» и необходимо не допустить их разрушения, либо сложились наиболее благоприятные условия для их формирования в ближайшем будущем.

* * *

Несмотря на динамичное развитие английского общества в XVI–XVIII вв., сопровождавшееся кардинальными изменениями во всех сферах общественной жизни; на то, что английские интеллектуалы представляли разные общественные слои, и, следовательно, отстаивали интересы различных социальных групп, английские мыслители, независимо ни от исторических условий, в которых они творили, ни от их социального положения и отношения к существующей действительности, имели определенные мировоззренческие доминанты, отличавшие их от мыслителей других стран. К таким доминантам, сохранявшим свое значение на протяжении XVI–XVIII вв. следует отнести: восприятие права, как народного волеизъявления и основы справедливого общественного устройства; стремление к преобразованию общества эволюционным путем; осознание своей страны как общности, наиболее готовой к построению справедливого общества – своеобразной формы английского патриотизма, выразившейся в разные периоды в концепциях изоляционизма, традиционализма, прогрессизма или историцизма.

Глава 3. Типы мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв.: общее и особенное

3.1. Общая характеристика мировоззренческих типов английских мыслителей

В современной науке понятие мировоззрение является одним из наиболее общеупотребительных. Если мы обратимся к научно-справочной литературе, то найдём следующее определение данного понятия: «Мировоззрение — это система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нём человека, общее отношение человека к окружающей действительности и самому себе»⁴¹⁶. Для сравнения обратимся к английскому пониманию этого термина. «Новый словарь английского языка Вебстера» так определяет данное понятие: «Особая система идей, особенно по социальной или политической тематике; наука об идеях или их понимании; система философии, которая выводит идеи исключительно из ощущений; абстрактные спекуляции, особенно воображаемого (visionary) или непрактического характера»⁴¹⁷.

Однако при рассмотрении мировоззрения конкретных людей в определенных социально-экономических и политических условиях перед исследователями неизменно встает вопрос классификации типов мировоззрения, а в современной исторической науке и о правомерности выделения данных типов. Само понятие «мировоззрение», как совокупность представлений человека о мире начало формироваться лишь в конце XVIII –

⁴¹⁶ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 375-376.

⁴¹⁷ «A particular system of ideas, esp[ecially] on social or political subjects; the science of ideas or their understanding; a system of philosophy which derives ideas exclusively from sensation; abstract speculation, esp[ecially] of a visionary or impractical nature». – New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Fifth Reprint. Delhi: Surjeet Publications, 1989. P. 746.

начале XIX вв. в немецкой философии. Первым, кто употребил данный термин в значении, близком к современному, был Ф. Шеллинг (1775–1854). Рассуждая о мировоззрении человека, об осмыслении им окружающего мира, немецкий философ выделил два принципиально разных взгляда на мироустройство – «позитивную философию» и «негативную философию». «Негативная философия», к которой Шеллинг причислял и свою философскую систему, и, например, философский идеализм Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831) основывалась на рационалистическом мировоззрении, т.е. стремлении к созданию логически непротиворечивой и целостной картины мира, основанной на аналитических рассуждениях и разумных доказательствах. «Позитивная философия» Шеллинга, подобно «негативной», была направлена на открытие истины, только не рационально-аналитическим путем, а посредством обращения к мифологии и религии; основой истины в данном случае являлись не умозаключения и доказательства, а собственная субъективная вера индивида⁴¹⁸.

Шеллинг выделял два важнейших типа человеческого мировоззрения – религиозно-мифологический и научно-рациональный. Последующие поколения философов, историков и социологов XIX-XX вв., стремящихся к четкому описанию и демаркации человеческого мировоззрения, дополняют эту систему, выделив также метафизический тип мировоззрения и разделив мифологическое и религиозное мировоззрение. Основную роль в данном процессе сыграл французский социолог середины XIX в. О. Конт (1798–1857), который выделил три стадии интеллектуальной эволюции человека, соответствующие трем основным типам мировоззрения личности: теологическую – период господства религиозных и мифологических представлений; метафизическую, в которой основу мировоззрения человека составляли отвлеченные философские идеи и абстрактные понятия; научную, подразумевающую господство строгой рациональности, со стремлением к

⁴¹⁸ См.: Shelling F. Historical-Critical Introduction to the Philosophy of Mythology. N.-Y.: New York Press, 2008.

выведению эмпирически проверяемых истин⁴¹⁹. В представлении французского философа типы мировоззрения человека были строго иерархичны – теологическая стадия была далека от постижения объективной истины и являлась исходным, начальным пунктом в развитии человеческого мышления; а также строго разграничены – ученый, мыслящий рационально, должен был полагаться на эмпирический эксперимент, а не на свою веру или убеждения. Подобные идеи четкого разделения мировоззренческих типов, прогрессивного развития человеческого мировоззрения от теологической к научной стадии, направленности науки на получение объективного истинного знания получили широкое распространение в научной среде, в особенности в советской философии и методологии истории. Например, ведущие отечественные философы и историки А.С. Богомоллов (1927–1983) и Т.И. Ойзерманн (1914-2017) в конце XX в. в фундаментальной монографии «Основы теории историко-философского процесса» отмечали: «Любая попытка лишить мировоззрение научного или философского статуса является если не прямо, то косвенно оправданием религиозной интерпретации мира... мировоззрение напрямую связано с теоретическим знанием...»⁴²⁰.

Вышеописанная позиция предельна рациональна, логична и имеет четкий ориентир для деятельности – получение объективного знания. Однако еще с начала XX в. она начала подвергаться критике по двум направлениям – были поставлены под сомнение возможность четкой демаркации типов мировоззрения применительно к конкретной личности и способность исторической науки к получению «чистого» знания⁴²¹.

⁴¹⁹ См.: Comte A. A General View Of Positivism / Transl. by J.H. Bridges. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

⁴²⁰ Богомоллов А.С., Ойзерманн Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. С. 24-25.

⁴²¹ См., например: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: Лабиринт, 1994 (первая публикация – 1913 г.); Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. Антология. М.: Юрист, 1995 (первая публикация – 1911 г.); Rickert H. Science and History: A Critique of Positivist Epistemology. Princeton: D. Van Nostrand, Inc., 1962 (first published – 1902); Idem. The Limits of Concept

Относительно возможности получения объективного знания в современной исторической науке существует множество мнений. Часть ученых, вслед за Конттом считают, что получение объективного знания в истории возможно посредством правильного анализа исторических источников. Данную традицию, как и саму методологию работы с источниками, заложили французские историки начала XX в. Ш.-В. Лангуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942). В своем главном труде «Введение в изучение истории» (1897 г.) они четко определили цель исторической науки. «История пишется по документам»⁴²², – заявляли авторы во введении к исследованию. Подобная позиция остается актуальной в исторической науке до сих пор, однако, начиная с середины XX в., она подвергается серьезной критике. Знаменитый немецкий философ середины XX в. Х.-Г. Гадамер (1900-2002) поставил под сомнение возможность получения объективного знания даже посредством тщательного анализа источников. В своей работе «Истина и метод» (1960 г.) он ввел новое философское понятие «предрассудок», как определенное знание, существующее в сознании историка еще до начала анализа источников и влияющее, пусть и подсознательно, на интерпретацию им тех или иных исторических фактов. Кроме того, немецкий философ обратил внимание на процесс смены исторической действительности – историка-исследователя и создателя источника разделяют десятилетия и столетия. Что естественным образом приводит к тому, что исследователь и создатель источника находятся в совершенно различных культурных системах и имеют разную картину мира, поэтому исследователь, живущий «здесь и сейчас» не может объективно трактовать и анализировать источник⁴²³. Ближе к концу XX в. представителями постструктурализма и постмодернизма французскими философами Ж. Делезом (1925–1995) и Ж. Бодрийяром (1929-2007) было

Formation in Natural Science: A Logical Introduction to the Historical Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1986 (first published – 1896).

⁴²² Лангуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: ГПИИБ, 2004. С. 49.

⁴²³ См.: Gadamer H.-G. Truth and Method. N.-Y.: Crossroad, 2004.

поставлено под сомнение существование объективного знания в исторической науке в целом, высказано положение о невозможности отделения объективного от субъективного в истории, о переплетении этих категорий; в методологию исторической науки было введено понятие «симулякр» как копии, не имеющей оригинала в реальности. Возможность отделения исторических фактов от «симулякров» ставилась философами под сомнение как вследствие субъективности человеческого сознания, так и умышленного или неумышленного искажения информации создателями и интерпретаторами, особенно в условиях бурного развития информационных технологий⁴²⁴.

Параллельно с развитием скептицизма в XX в. относительно возможности получения «чистого» исторического знания, подвергалась критике и концепция выделения четырех типов мировоззрения: мифологического, религиозного, метафизического и научно-рационального. Еще в начале XX в. немецкий философ, представитель рациовитализма В. Дильтей (1833–1911) в монографии «Типы мировоззрения и их обнаружение в метафизических системах» (1911 г.) настаивал на невозможности редуцирования многогранной личности человека до какого-либо одного четко очерченного мировоззренческого типа и выступал против рассмотрения смены типов мировоззрения как линейного и прогрессивного процесса⁴²⁵. В XX – начале XXI вв. отечественные и зарубежные специалисты подвергли всеобъемлющей критике как выделение основных типов мировоззрения, так и их содержание. Так, современный французский исследователь П. Буайе в своем произведении «Объясняя религию. Природа религиозного мышления» (2016 г.), тщательно проанализировав различные религиозные учения – от мировых религий до мелких племенных верований, пришел к выводу о невозможности выделения четких границ религиозного мировоззрения вследствие разноплановости различных религиозных учений.

⁴²⁴ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015; Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.

⁴²⁵ Дильтей В. Указ. соч. С. 213-256.

В частности, французский ученый в современных религиозных верованиях выделил такие нехарактерные для религиозного мировоззрения черты, как связь религий с определенным местом, а не строгим догматическим учением; представления о смертности богов; взгляд на религию не как на путь к спасению, а лишь как на феномен, ведущий душу из материального мира в нематериальный и т.д.⁴²⁶ Другой специалист, американский ученый И. Барбур (1923-2013), акцентировал внимание на тесном сближении и даже слиянии компонентов религиозного и метафизического типов мировоззрения в работах многих философов XX в., в частности, неотомистов⁴²⁷.

Крайний скептицизм в вопросе получения объективного исторического знания, возможности выделения четких критериев мировоззрения человека привел к трансформации методологии истории в вопросах изучения интеллектуального наследия прошлого. Если для исторической науки XIX-XX вв. в целом было характерно изучение конкретного интеллектуального продукта, созданного мыслителем и идей, в нем изложенных, то современных исследователей все больше начинают интересовать вопросы формирования личности мыслителя, особенностей его взгляда на мир; то, как, с одной стороны, состояние социума повлияло на идеи интеллектуала, а, с другой, как идеи, им самим выдвинутые, повлияли на социум и последующие поколения общественных деятелей. Современная историческая наука постепенно отказывается от изучения лишь истории идей, стремясь к синтезу изучения идей, личности их создателя и сферы бытования идеи⁴²⁸.

⁴²⁶ Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 22-23.

⁴²⁷ Барбур И. Религия и наука: история и современность. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2000. С. 122–128.

⁴²⁸ См., например: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011 (далее – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. ...); Она же. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., URSS, 2008. № 22. С. 5–15; Munslow, A. The Future of History. L.: Macmillan, 2010; Idem. A History of History. L.: Taylor & Francis, 2012; Zerubavel E. Time maps: collective memory and the social shape of the past. Chicago: University of Chicago Press, 2012. Idem. Ancestors and relatives: genealogy, identity, and community. Oxford: Oxford University Press, 2011.

В ответ на вышеперечисленные изменения в конце XX – начале XXI вв. в историческом сообществе начинает формироваться такое перспективное историко-методологическое направление как «интеллектуальная история», целью которой является системное рассмотрение самих идей, сферы их бытования и мировоззрения автора. Ведущий современный отечественный специалист в области интеллектуальной истории Л.П. Репина следующим образом определяет суть и задачи данного историко-методологического направления: «Интеллектуальная история – это современное направление развития исторической науки, ориентированное на реконструкцию исторического прошлого, каждой из областей и форм знания как части интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию»⁴²⁹. А в современной философии истории все чаще наряду с термином «типы мировоззрения» применяется понятие «когнитивная культура автора» как выражение его неповторимого и субъективного мировосприятия⁴³⁰.

Да и само обращение непосредственно к анализу особенностей мировоззрения различных мыслителей наглядно показывает невозможность редуцирования их сознания до какого-либо одного из мировоззренческих типов.

Рассмотрим, например, особенности мировоззрения Ф. Бэкона. С одной стороны, он являлся выдающимся ученым, одним из первых детально описавшим применение эмпирического метода в науке⁴³¹. В трактате «Новый Органон» Бэкон провозгласил главной целью науки расширение власти человека над природой, а основными методами познания – наблюдение и научный эксперимент⁴³². В утопии «Новая Атлантида» он рассматривал идею управления социумом со стороны научного сообщества («Дома Соломона»),

⁴²⁹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. ... С. 348.

⁴³⁰ Медушевская О.М. Указ. соч.

⁴³¹ Реале Дж., Антисери Д. Указ. соч. С. 288-290.

⁴³² См.: Бэкон Ф. Новый Органон.

контролировавшего общественное развитие посредством монополии на взаимодействие с другими странами и научные разработки⁴³³.

С другой стороны, Бэкон был религиозным, верующим человеком, рассматривал религию как необходимый компонент науки, истинной целью которой является познание творений Бога, а также как важнейший моральный регулятор и стержень человеческой личности. Рассуждения о важности религиозной веры мы встретим и в «Новой Атлантиде» при описании жителей о. Бенсалема. «Они любят говорить, что лишившийся целомудрия, лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков»⁴³⁴. В трактатах Бэкона, посвященных науке и научному познанию, например, в произведении «О достоинстве и приумножении наук» (1605 г.), посвященном описанию роли науки в обществе, философ заявлял, что изучение наук невозможно без прочной моральной основы личности и общества, которая, в свою очередь, основывается на религии. «Разве не верно то, – обращаясь к читателям Бэкон, – что молодые люди еще значительно менее чем к этике, подготовлены к изучению политики, если они не проникнутся религией и учением о нравственности и об обязанностях...»⁴³⁵.

Или обратимся к мировоззрению другого английского мыслителя, творившего несколькими десятилетиями спустя после смерти Бэкона, лидеру движения диггеров Уинстенли.

По мнению многих исследователей, в особенности придерживающихся социалистических взглядов, Уинстенли являлся выдающимся философом, сумевшим наиболее точно понять социально-экономическую сущность революции середины XVII в. и предложить самую прогрессивную для того периода программу преобразований, основным положением которой было обобществление земельной собственности. Вот, например, как характеризует

⁴³³ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 5-45.

⁴³⁴ Там же. С. 26.

⁴³⁵ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 431.

роль Уинстенли в истории развития английской общественной мысли М.А. Барг: «Среди мыслителей этой революционной поры Уинстенли единственный с наибольшей глубиной и прозорливостью вскрыл самую суть конфликта, лежавшего в основе демократического этапа революции [16]40-х годов»⁴³⁶. Некоторые исследователи позиционировали Уинстенли не только как одного из предшественников научного коммунизма и выдающегося философа своего времени, но и как мыслителя, тяготевшего к рационализму и развитию научного знания. В данном случае показательна работа Холореншоу «Левеллеры и английская революция», в которой прямо указано на скептическое отношение мыслителя к религии. «...Уинстенли не только предвосхитил критическое отношение к религии, заставляющей людей мечтать о будущей жизни и рабски мириться с пороками настоящей, он также полностью признавал великое значение науки для человечества»⁴³⁷. Более того, в Советской России в XX в. Уинстенли включили в пантеон революционных лидеров, готовивших почву для совершения социалистической революции во всемирном масштабе. Его имя (в написании «Уинстлей») было выгравировано на «Памятнике-обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся», установленном в Александровском саду в Москве в 1918 г. (разобран в 2013 г.), наряду с именами таких выдающихся представителей социализма, как Маркс, Энгельс, Бакунин, П.-Ж. Прудон и др.⁴³⁸

Однако если мы обратимся к жизни и идеям Уинстенли, то увидим, что он был, прежде всего, религиозным мыслителем. Рассуждая о необходимости обобществления земельной собственности, он опирался не на логику и научные расчеты, а на необходимость восстановления «божественной справедливости» – чтобы земля, созданная Господом, «могла стать общей

⁴³⁶ Барг М.А. Великая английская революция... С. 327.

⁴³⁷ Холореншоу Г. Указ. соч. С. 37.

⁴³⁸ Романюк С.К. Сердце Москвы. От Кремля до Белого города. М.: Центрполиграф, 2013. С. 522-525.

сокровищницей для всех ее детей, невзирая на лица...»⁴³⁹. В подавляющем большинстве своих рассуждений Уинстенли обращался не только к Священному Писанию, но и к пророчествам и видениям, в т.ч. в вопросах происхождения земельной собственности: «Нам (диггерам. – Б.К.) стало ясно, что все пророчества, видения и откровения писания, пророков и апостолов относительно призвания евреев и восстановления Израиля и превращения этого народа в наследника всей земли, все они относятся к задаче превращения земли в общую сокровищницу...»⁴⁴⁰.

Многие зарубежные исследователи считали идеи Уинстенли, особенно высказанные им в ранних памфлетах середины 1640-х гг., близкими по сути и по духу воззрениям милленаристов – радикальных религиозных деятелей, ожидавших скорого Второго пришествия Христа и установления тысячелетнего Царства Божьего на земле⁴⁴¹. Закончил же свою жизнь Уинстенли в радикальной диссентерской секте квакеров⁴⁴².

Обратимся ещё раз к рассмотрению мировоззрения У. Годвина, который небезосновательно – в силу того, что именно он первым предложил и обосновал идею построения общества без государства – считается многими как отечественными, так и зарубежными специалистами основателем идеологии анархизма и одним из величайших философов-радикалов своего времени⁴⁴³. Исследователи биографии Годвина неизменно отмечали влияние на него идей французского Просвещения, увлеченность трудами П.-А. Гольбаха, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвеция и других просветителей, его скептическое отношение к религии в период создания наиболее прославленных работ – «Исследование о политической справедливости» и «Приключения Калеба Уильямса», искреннюю убежденность в неизбежности торжества человеческого разума и восторженное отношение к развитию

⁴³⁹ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 309.

⁴⁴⁰ Там же. С. 71.

⁴⁴¹ Juretic G. Op. cit. P. 263-280.

⁴⁴² Павлова Т.А. Уинстенли... С. 245-270.

⁴⁴³ См.: Рамус П. Вильям Годвин как теоретик...; Шубин А.В. Указ. соч. С. 21-22; Kramnick I. On anarchism and the Real World: William Godwin and the Radical England // The American Political Science Review, 1972. Vol. 66. № 1. P. 110–117.

науки и образования⁴⁴⁴. Да и сам Годвин неоднократно в своих работах рассматривал историю развития человеческого общества как постепенное и неминуемое накопление знаний, ведущее к торжеству свободы и разума. «Еще долго после того как наука стала распространять свою власть, – писал он в трактате «Исследование о политической справедливости», – ее служители сохраняли такие рабские навыки и делали такие низкопоклонные посвящения, о которых никто не может слышать сейчас без удивления. Только много позже люди поняли, что при умственном превосходстве человек не нуждается для достижения своих целей в покровительстве»⁴⁴⁵. Таким образом, в своих наиболее известных произведениях и в глазах большинства исследователей Годвин предстает перед нами крупным философом-теоретиком, последователем идей французского Просвещения, рационалистом и ярким сторонником развития науки и образования, как главных движущих сил прогресса человеческого общества.

Однако, подобно уже рассмотренным нами интеллектуалам, мировосприятие Годвина было не столь однозначным, и, несмотря на то, что сам мыслитель с конца XVIII в. позиционировал себя как атеиста и ярого противника религии, являвшейся, по его мнению, механизмом подавления человеческого разума⁴⁴⁶, вера как основа аргументации выдвигаемых идей занимала важнейшее место в его мировоззрении. При рассмотрении особенностей мировоззрения английского интеллектуала нам будет важно отметить, что мировоззрение человека не только складывается под влиянием разнообразных факторов, но трансформируется со временем – причем даже при радикальных изменениях ранние мировоззренческие установки, иногда на подсознательном уровне, сохраняются.

Еще в юности Годвин выступал защитником человеческой свободы, порицал неравенство и эксплуатацию человека человеком, в силу, однако,

⁴⁴⁴ Paul C.K. William Godwin, his friends and contemporaries. In 2 vol. L.: King, 1876. Vol. 1. P. 26; Brown F.K. The life of William Godwin. L.: Dutton & co., 1926. P. 115–121.

⁴⁴⁵ Годвин В. О собственности. С. 167.

⁴⁴⁶ Чудинов А.В. Размышления англичан... С. 279-280.

влияния идей не французского Просвещения, а пуританизма – сам Годвин происходил из крайне религиозной пуританской семьи. В своих ранних работах, например, в «Итальянских письмах» и «Насчет семинарий» (обе – 1784 г.) Годвин также, как и в произведениях конца XVIII в., обращался к критике системы образования, губящей в молодежи свободу творчества, направленной не на развитие разума, а на «зазубривание» мёртвых постулатов, анализировал тему свободы человека и механизмов её подавления. Только здесь, в отличие от более известных произведений, для него человеческий разум являлся не продуктом общественного развития, а даром Божьим. «Ничто так легко не доказывается, – замечает мыслитель в работе «Насчет семинарий», – как то, что человеческий разум чист и безупречен, что он исходит от Бога, и что пороки на которые вы (преподаватели. – Б.К.) жалуетесь, имеют реальный источник в этих ваших мелких и презренных мерах предосторожности»⁴⁴⁷. Социальное неравенство, существование сословного строя и в ранних работах философа представлены чудовищным злом, однако, не только из-за наличия у каждого человека естественных прав и существования человеческого разума, для которого, по мнению Годвина, выраженному в более поздних работах, неравенство и существование частной собственности было противоестественным, а в силу божественного происхождения человека и изначального сотворения всех людей равными. «Человек – существо, превосходящее все, что изобрела цивилизация. <...> Если бы воображаемые барьеры были разрушены, если бы мы снова были возвращены к естественному состоянию, дворянин казался бы беспомощным и бесполезным существом; человек есть существо Бога, посланное в мир с определенными для каждого способностями. Дворянство

⁴⁴⁷ Godwin W. An Account of the Seminary // Godwin W. Four Early Pamphlets. The Project Gutenberg EBook. 2004. URL: www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=43583 (дата обращения: 26.06.2020).

же создано искусственно и есть фикция...»⁴⁴⁸, – писал философ в эпистолярном романе «Итальянские письма».

Во второй половине 1780-х гг. Годвин знакомится с идеалами французского Просвещения и быстро проникается ими, отвергает религию, затуманивающую, с его точки зрения, разум человека, а затем и государство, как политический институт, являющийся главным источником угнетения человеческой личности и подавления свободы⁴⁴⁹. Однако, встав на путь развития идей, выдвигаемых философами-просветителями и отринув религию, Годвин не отказался от веры как основы своих убеждений и аргументации идей. Только вера в наиболее известных его произведениях полностью утратила религиозный компонент, трансформировавшись в глубокую убежденность в изначальной доброте человека, его искреннем стремлении к справедливости. На этих постулатах он в дальнейшем и выстраивал свои политические и социально-экономические идеи.

О вере, как важнейшей основе мировоззрения Годвина свидетельствовала в мемуарах и его дочь – знаменитая английская писательница, автор книги «Франкенштейн, или современный Прометей» М. Шелли. «Может показаться удивительным, – вспоминала она, – чтобы кто-либо мог искренне верить в то, что при абсолютной свободе не может существовать ни одного порока. Мой отец верил этому. Эта вера была крепчайшей основой его общественного идеала, заключительным словом того прекрасного царства справедливости, которым он хотел связать воедино всю человеческую семью...»⁴⁵⁰. Да и в своих основных произведениях конца XVIII в. «Исследование о политической справедливости» и «Приключения Калеба Уильямса», философ часто апеллировал к личной вере в справедливость и выгодность для всего человечества выдвигаемых им идей.

⁴⁴⁸ Godwin W. Italian Letters, Vols. I and II or, The History of the Count de St. Julian. The Project Gutenberg EBook. 2012. URL: www.gutenberg.org/cache/epub/9299/pg9299-images.html (дата обращения: 26.06.2020).

⁴⁴⁹ Чудинов А.В. Политическая справедливость... С. 12–15.

⁴⁵⁰ Цит. по: Рамус П. Вильям Годвин как теоретик... С. 177.

Отправной точкой социально-экономических идей Годвина была его искренняя вера в единство интересов человечества, грядущее торжество человеческого разума, уничтожающее любые конфликты между людьми и способствующее окончательному установлению «справедливого общественного строя». «Очевидно, что [в новом обществе] все поводы к преступлениям будут пресечены навсегда. Все люди ценят справедливость, – заявлял Годвин в «Исследовании о политической справедливости». Они понимают, что они существа одной общей природы, и сознают правильность такого обращения друг с другом, которое основывалось на одной общей мерке...»⁴⁵¹. Подобную веру в человеческую природу, торжество разума и справедливости мы увидим и в главном художественном произведении Годвина – «Приключениях Калеба Уильямса», являвшимся более доступным для широких масс читателей изложением основных философских идей, выраженных в «Исследовании о политической справедливости».

Наиболее показательна в данном случае фигура самого главного героя романа – Калеба Уильямса, честного и пылкого юноши, посредством слов и действий которого философ выражал свои собственные мысли. (После выхода романа в свет он получил такую известность, что имя «Калерб» стало во всём мире, в т.ч. и в России, нарицательным названием верного слуги⁴⁵². Думается, что автор не был бы доволен таким сервильным прочтением образа своего героя.) На протяжении всего романа Уильямс всячески стремится добиться правды и справедливости, поддерживая в трудную минуту своего друга и покровителя сквайра Ф. Фокленда, к которому, пытаясь не допустить, чтобы тот опускал руки, обратился со следующими словами, выражающими мировоззрение самого Годвина. «Пусть злобная клевета преступника не смущает вас. Рассчитывайте на то, что она не будет иметь никакой цены. Не сомневаюсь, что в глазах всех, слышавших эту

⁴⁵¹ Годвин В. О собственности. С. 79.

⁴⁵² Матвеев И.А. Восприятие социально-криминального романа У. Годвина «Калерб Вильямс» в России в 1830–1860-х гг. // Вестник Томского государственного университета, 2012, № 363. С. 29-34.

клевету, репутация ваша стоит выше, чем когда-либо. <...> Чистота ваших побуждений и чувств не будет запятнана злобой. Истина и справедливость покроют позором вашего клеветника, а вам доставят любовь и одобрение всех людей...»⁴⁵³. При этом, всем сердцем ратуя за справедливость и равенство, Уильямс не принимал насилие в качестве возможного пути изменения общества, поэтому, попав в разбойничью шайку, лидер которой – Раймонд – был хотя и жестоким, но благородным и по-своему справедливым человеком, юноша не участвует в разбойничьих набегах и даже пытается убедить многих разбойников вступить на «честный путь», добиваться своих целей мирным путем; когда же его попытки проваливаются, Уильямс уходит от разбойников⁴⁵⁴.

На примере краткого анализа мировоззрения некоторых известнейших английских мыслителей XVI–XVIII вв., мы видим, что редуцирование мировоззрения той или иной личности до какого-либо одного из выделяемых большинством ученых мировоззренческих типов – религиозного, метафизического или научно-рационального – некорректно в силу многогранности личности творца-интеллектуала, множественности противоречивых событий, повлиявших на его становление.

Однако полный отказ от какой-либо классификации мировоззренческих типов английских мыслителей XVI–XVIII вв. также невозможен и непродуктивен. Поэтому, чтобы восстановить и классифицировать основные элементы их мировоззрения, следует обратиться к трактовке ими феноменов, затронутых в каждом из крупных произведений. Подобный подход вычленения ключевых мировоззренческих ориентиров в отдельных источниках и их последующей классификации и систематизации с целью составления «портрета личности эпохи» активно применяется современными исследователями. Например, английский ученый М. Гаскилл и отечественные историки И.М. Эрлихсон и С.А. Васильева изучают

⁴⁵³ Годвин У. Калед Уильямс... С. 201.

⁴⁵⁴ Там же. С. 260-290.

ментальность англичан XVII в. посредством анализа различных типов источников (от законодательных актов до произведений эпистолярного жанра и мемуаристики), выделяя среди большого корпуса источников важный для их исследований аспект – отношение англичан к различным формам преступлений и наказаний за них, реконструируя, таким образом, концепт «преступности и законности» в мировоззрении англичан⁴⁵⁵. Современный канадский исследователь Л. Тронесс в своих исследованиях, прибегая также к анализу различных источников – богословских текстов, поэм, баллад, памфлетов – выделяет в них важную для его исследований составляющую мировоззрения английских мыслителей, а именно, особенности религиозного сознания и мышления англичан Нового времени⁴⁵⁶.

Источники, используемые в нашем исследовании, также разнообразны – это утопии, политические памфлеты, религиозные трактаты и крупные философские произведения. Однако все они прямо или косвенно посвящены выявлению аспекта, затрагиваемого в работах фактически всех крупных мыслителей и в наибольшей мере отражающему их мировоззрение – проблеме общественного и государственного развития. Конечно, мыслители различных эпох, занимавшие разное социальное положение и обладающие уникальным жизненным опытом, индивидуально подходили к осмыслению прошлого, настоящего и будущего Англии. Но, несмотря на разницу во мнениях, взглядах, подходах и выдвигаемых идеях, рассматривая общую проблему, все они неизменно обращались к вопросу о природе общества и государства, а также, в зависимости от ответа на данный вопрос, к

⁴⁵⁵См.: Gaskill M. *Crime and Mentalities in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020; Эрлихсон И.М. Женское насилие в структуре английской преступности // Британия: история, культура, образование. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2018. С. 396-402; Она же. Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2020. Т. 11, № 3. С. 40-53.

⁴⁵⁶См.: Throness L. *A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779*, Aldershot. L.: Ashgate, 2008.

различным средствам аргументации своих идей. Подходов к осмыслению феноменов общественного и государственного развития, роли различных социальных и политических институтов, а также отдельных граждан в нем существует огромное количество, но, по нашему мнению, все их можно разделить на две большие группы: «органический» и «рационально-механистический» подход.

«Органический» подход предполагает восприятие общества и государства как развивающихся социальных организмов, имеющих свою неповторимую природу и внутреннюю сущность. Интеллектуалы, придерживающиеся подобного взгляда на социальное развитие, тяготеют при описании общественного строя и выстраивании собственной аргументации к иррациональным, личностным, органическим категориям, а именно, обращаются к традициям и опыту предков («славному прошлому»), религиозным категориям, мистицизму или просто личной «вере» в свои идеи, как приему аргументации. В вопросах взаимодействия государства, общества и личности они придерживаются идеи права, как выражения «народной справедливости», «духа», а не буквы закона, обращаются к идеям необходимости и естественности прав и свобод человека, их исконности и первичности по отношению к государственным установлениям. «Социальная справедливость» позиционируется данными мыслителями как «справедливость изначальная», берущая свое начало в религии («богоданная справедливость») или самой человеческой природе.

«Рационально-механистический» подход, напротив, подразумевает трактовку общества как социального конструкта, в большей степени развивающегося не самостоятельно, как естественный организм, а преобразуемого человеческой деятельностью. Мыслители, тяготеющие к данной трактовке развития общества и государства, лишь изредка, либо формально, апеллировали к религии, и, тем более, к мистицизму и божественному откровению. Их аргументация носила предельно рациональный характер. С помощью исторических фактов, либо научных

доводов, они стремились показать реальную выгоду для народа или его части осуществления предлагаемых ими изменений. Обращение к «изначальной справедливости» также отходило на второй план, уступая место обращениям к конкретным историческим прецедентам или документам, а также максимальной конкретизации категории «справедливости», выразившейся посредством описания конкретных законов, необходимых для её осуществления. При этом, естественно, «справедливость» из категории мистическим образом данного или божественного феномена также превращалась в социальный конструкт, формируемый за счет прогрессивной созидательной деятельности человека.

3.2. «Рационально-механистический» тип мировоззрения и его эволюция

В данном разделе диссертационного исследования мы обратимся к рассмотрению особенностей «рационально-механистического» типа мировоззрения, основными чертами которого являлись склонность к сциентизму и рационализму, прогрессизм, вера в возможность создания «справедливого общества» усилиями людей, стремление к закреплению наилучшего общественного устройства путем жесткой регламентации жизни индивидов или выделения конкретных законов, необходимых для достижения «справедливого общественного строя».

Первыми произведениями английских интеллектуалов, в которых ярко проявился именно «рационально-механистический» тип мировоззрения, были «Утопия» Мора, «Новая Атлантида» Бэкона и «Человек на Луне...» Ф. Годвина. В «Утопии» Мор представил одновременно и критику существующего в его время в Англии общественного строя, и описание идеальной модели справедливого общества. Соответственно двум основным аспектам повествования, «Утопия» разделена автором на две части:

- 1) «Первая книга беседы, которую вел Рафаэль Гитлодей – человек выдающийся, о наилучшем устройстве государства...»⁴⁵⁷. В данной части книги критикуются современные Морю общественные порядки, а именно, практика «огораживаний», частое применение смертной казни, «кровавое» законодательство о рабочих, внешняя политика Англии – ведение многочисленных кровопролитных войн, падение нравов духовенства.
- 2) «Беседа Рафаэля Гитлодея о наилучшем устройстве государства»⁴⁵⁸ – описание идеального общественного и государственного устройства – общества жителей вымышленного острова Утопия.

Даже сама структура произведения: логически взаимосвязанные, выстроенные на контрасте описываемых обществ – английской «суровой» реальности и «сказочной Утопии» – части произведения, дополняющие друг друга, создают у читателя четкое понимание несправедливости существующего устройства общества и возможности достижения альтернативы ему. Это свидетельствует о предельно рациональном подходе Мора. Углубившись в содержание «Утопии», мы обнаружим фактически все, выделенные нами, характерные черты «рационально-механистического» типа мировоззрения.

Начать следует с наиболее важного отличительного фактора рассматриваемого типа мировоззрения – с убежденности в возможность построения справедливого общества. Все общественные порядки, государственные установления, правила поведения, и даже само островное положение своего государства создали сами утопийцы и их легендарный правитель Утоп. «Утоп – имя этого победителя и носит остров – он привел скопище грубого и дикого народа к такому образу жизни и просвещенности, что ныне они превосходят в этом почти всех смертных; он позаботился, чтобы прорыли пятнадцать миль в том месте, где земля эта примыкала к

⁴⁵⁷ Мор Т. Утопия. С. 115–169.

⁴⁵⁸ Там же. С. 169-281.

континенту, и вокруг суши провел море»,⁴⁵⁹ – рассказывает Рафаэль Гитлодей в самом начале второй части «Утопии». И, хотя, по словам самих утопийцев, «законов у них весьма мало»⁴⁶⁰, в течение сотен лет они продолжают жить на фактически изолированном острове, соблюдая многочисленные традиции, правила и установления, сформировавшиеся еще во времена правления легендарного Утопа. В данном случае мы можем на конкретном примере увидеть второй отличительный признак «рационально-механистического» типа мировоззрения – четкую регламентацию жизни граждан с помощью множества конкретных правовых норм. В случае «Утопии» данные нормы имеют, в основном, неписанный характер, что не смягчает вину нарушившего их. Недаром в европейской интеллектуальной традиции еще с середины XX в. развивается тезис о тесной взаимосвязи утопизма как идеи построения идеального общества по «правильной модели» и тоталитаризма.

Одним из первых философов, детально обосновавших данную идею, противопоставившим утопизм и тоталитаризм, как социальное «прожектерство» и стремление к навязыванию одной «правильной» жизненной модели всем индивидам, демократическим институтам и общественному реформированию, был Поппер⁴⁶¹. Жизнь рядового утопийца полностью подчинена общественным правилам, за нарушение которых предполагались серьезные наказания, вплоть до обращения в рабство и смертной казни – человек был обязан трудиться, был лишен свободы передвижения, все продукты его труда поставлялись на общественные рынки, где происходило их перераспределение, и даже дом утопиец обязан был менять каждые 10 лет. За его жизнью был установлен постоянный общественный контроль – утопийцы жили большими семьями, проводили совместные обязательные трапезы, за ними наблюдали специальные чиновники-старейшины – сифогранты. Даже свободное время было

⁴⁵⁹ Там же. С. 172.

⁴⁶⁰ Там же. С. 237.

⁴⁶¹ См.: Popper K. The Open Society...

свободным лишь условно, ибо сами удовольствия и развлечения разделялись на «добродетельные» и «ложные»⁴⁶².

Категории науки, научно-технического и общественного прогресса, выделенные нами в качестве отличительных черт «рационально-механистического» типа мировоззрения, представлены в «Утопии» менее выражено в силу того, что, с социальной точки зрения, общество утопийцев было «вершиной» прогресса, а также, вероятно, в силу субъективных особенностей – Мор не был ученым-естествоиспытателем. Однако и в «Утопии» мы обнаружим некоторые элементы сциентистского мировоззрения – утопийцы ценят образование – «учатся все дети, и большая часть народа, мужчины и женщины...»⁴⁶³; умственный труд, постижение нового относятся к «добродетельным» удовольствиям, философы и ученые являются единственными категориями населения, освобожденными от физического труда, что свидетельствует об их высоком социальном статусе, а умы даже рядовых утопийцев «изошренны в науках, удивительно способны к изобретению искусств...»⁴⁶⁴.

Гораздо большее внимание к категориям научно-технического прогресса и науки в целом мы найдем в «Новой Атлантиде» Бэкона и «Человеке на Луне...» Ф. Годвина. Стоит отметить, что и сами авторы данных произведений были гораздо ближе к научному строю мысли, нежели Мор. И в том, и в другом произведении научный прогресс является одной из главных движущих сил общественного развития. Если Годвин ограничился перечислением научных открытий лунных жителей (это различные минералы, вероятно, искусственного происхождения, помогающие заживлять раны, выращивать пищу, обогревать дома и т.д.⁴⁶⁵), делающих их существование легче и комфортнее, то Бэконом описана модель общества, управляемого и направляемого учеными.

⁴⁶² Мор Т. Утопия. С. 170–182, 185–191, 230.

⁴⁶³ Там же. С. 209.

⁴⁶⁴ Там же. С. 228.

⁴⁶⁵ Годвин Ф. Человек на Луне... С. 67-68.

Бэкон одним из первых философов Нового времени высказал идею о контроле развития социума узкой группой лиц с помощью управления распространением информации. Совершая научные открытия или заимствуя их во время путешествий, члены «Дома Соломона» директивно решали, какая информация должна стать достоянием общественности, а какая использоваться только ими самими. «...На наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать»⁴⁶⁶, – рассказывал о задачах «Дома Соломона» один из его членов путешественникам, прибывшим на остров.

Если в «Утопии» Мора была отчетливо выражена идея о поддержании справедливого общественного устройства путем детальной регламентации жизни граждан, то в «Новой Атлантиде» и, отчасти, в «Человеке на Луне...» появляется иная идея – общественное развитие можно контролировать с помощью управления информацией. Однако, несмотря на различие в подходах, во всех трех произведениях жестко и беспощадно отстаивалась идея социального конструктивизма и необходимости общественного контроля ради сохранения «справедливого» строя. Да и в «Новой Атлантиде», и в «Человеке на Луне...», хотя и в меньшей степени, нежели в «Утопии», описывались детальные правила регламентации жизни и поведения граждан. У лунных жителей нет ни преступности, ни социальных конфликтов, жизнь их изобильна и спокойна, достигается это как за счет правильного воспитания молодежи, так и за счет избавления от «порочных» членов общества⁴⁶⁷. В «Новой Атлантиде» присутствуют как ограничения свободы граждан (запрет на путешествия для всех, кроме членов «Дома Соломона»), так и обязательные общественные мероприятия, направленные на поощрение «правильного» поведения и порицание «не правильного» – главным из таких мероприятий является праздник семьи.

⁴⁶⁶ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 44.

⁴⁶⁷ Годвин Ф. Человек на Луне... С. 68.

Мы можем сказать, что в английских утопических произведениях Раннего Нового времени полно и ярко, с присутствием в работах всех выделенных нами элементов, отразился «рационально-механистический» тип мировоззрения. Данные произведения, их выделенные особенности, послужат в дальнейшем отправной точкой для анализа трансформации данного мировоззренческого типа.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. сформировалось и другое направление общественной мысли, представителей которого мы также, но с некоторыми оговорками, отнесем к «рационально-механистическому» типу мировоззрения – это политическая мысль английских католиков относительно Реформации в Англии и проводимой английскими властями религиозной политики, а также их идеологических оппонентов – пуритан.

На первый взгляд, произведения католических авторов и пуританских проповедников можно отнести, напротив, к «органическому» типу мировоззрения. Ведь почти все они являлись священниками и богословами, сами произведения были посвящены религиозной политике и, естественно, изобиловали ссылками на священные тексты, что является прямым отражением такой мировоззренческой категории, как «религия», отнесенной нами к «органическому» мировоззренческому типу. Однако, признавая, что религиозная составляющая играла в произведениях названных авторов важную роль, мы, обратившись непосредственно как к особенностям английских произведений данного типа в целом, так и к конкретным сочинениям, выделим несколько факторов, свидетельствующих в пользу того, что данные интеллектуальные продукты, скорее, следует отнести к «рационально-механистическому» типу мировоззрения, нежели к «органическому».

Прежде всего, следует вспомнить одну ключевую особенность публицистических трактатов английских католиков и пуритан XVI – начала

XVII вв. – это неразделимость в них теологической и политической составляющей⁴⁶⁸.

Следствием данной особенности рассматриваемой нами группы произведений являлось то, что, несмотря на обилие отсылок к Священному Писанию, практически все тексты были посвящены конкретным общественно-политическим событиям. И, что самое главное, в них предлагались пути устранения возникшей «несправедливости». Т.е. авторы, хотя и с богословских, чаще всего, позиций, выражали идею социально-политического конструктивизма. Анализируя социальные и политические изменения, они предлагали собственные пути решения государственных проблем. Из данного постулата вытекало и то, что рассматриваемые мыслители также ориентировались на категории прогресса и регресса, без использования которых невозможно было бы предложить свой «путь» построения справедливого общества.

Трактаты большинства католических мыслителей конца XVI в. были посвящены критике религиозной политики Елизаветы I. Н. Сандер в труде «О видимой монархии церкви» доказывал справедливость и необходимость отлучения королевы Англии от католической церкви, произведенного в 1570 г. папой римским Пием V, и призывал английский народ вернуться к «истинной вере»⁴⁶⁹. Его современник и единомышленник Дж. Лесли в «Трактате об изменах королеве Елизавете и короне Англии», адресованном правительнице страны, анализировал проводимую Елизаветой I внешнюю и внутреннюю политику, и призывал королеву к немедленному изменению её курса – возвращению к католической вере, восстановлению хороших отношений с Римом и другими католическими державами Европы⁴⁷⁰. Младший современник Н. Сандера и Дж. Лесли ярый католик У. Аллен в своих трудах «Апология и правдивое объявление об основании английских коллегий» и «Увещевание знати и народа Англии и Ирландии», обращаясь к

⁴⁶⁸ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков... С. 64.

⁴⁶⁹ См.: Sander N. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae...

⁴⁷⁰ См.: Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth...

английскому народу, открыто обвинял Елизавету I в узурпации престола, в проведении антинародной политики, ведущей к расколу английского общества по религиозному признаку и изоляции Англии на международной арене⁴⁷¹. Pamфлеты Р. Парсонса «Новости из Испании и Голландии» и «Рассуждение о наследовании английского престола» посвящены осмыслению иного важного политического события – вопроса о наследовании английского престола после смерти бездетной Елизаветы I. В своих произведениях английский католик, используя не только богословские аргументы, но обращаясь к английской истории, доказывал, что законное право занять английский престол после смерти Елизаветы I принадлежит дочери короля Испании Филиппа II – Изабелле⁴⁷². Сторонники развития Реформации в Англии во второй половине XVI в. также критиковали английскую власть, но не за разрыв с папским Римом или конфискацию монастырских земель, а за вмешательство светских лиц в дела церкви. Так, в 1593 г. один из основателей английского пуританизма Г. Барроу будет повешен за неоднократные призывы избавить церковь от вмешательства властей, сделав религию вопросом исключительно самих верующих⁴⁷³.

Следует признать, что, как католические, так и протестантские мыслители второй половины XVI – начала XVII вв. ориентировались на текущую политическую ситуацию, рационалистически анализировали и оценивали окружающую их обстановку, рассматривали изменения в обществе, как продукт действий властей и предлагали свои «правильные» решения, стремясь к достижению собственного идеала справедливости, т.е. выражали наиболее характерные черты «рационально-механистического» типа мировоззрения.

Мощным катализатором развития общественной мысли в Англии стала революция середины XVII в. Для нашего исследования важно, в первую

⁴⁷¹ См.: Allen W. An apologie and true declaration...; Idem. An Admonition to the nobility and people...

⁴⁷² См.: Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола...

⁴⁷³ Powicke F.J. Henry Barrow, Separatist (1550?–1593) and the exiled church of Amsterdam (1593–1622). L.: Palala Press, 2016. P. 380-395.

очередь, отметить, как данное событие повлияло на мировоззрение английских интеллектуалов, причем как на его «рационально-механистический» тип, так и на «органический». Первое серьезное изменение, на которое следует обратить внимание, – это масштабное расширение социальной базы английских мыслителей. Прямым следствием такого расширения будет появление разнообразных, зачастую полярных, взглядов на вопросы общественного и государственного развития. Другой важной особенностью данного этапа английской общественной мысли был перенос важнейших вопросов из плоскости утопий, не предполагавших скорое воплощение представленных идей, или небольших произведений, касавшихся отдельных религиозных или политических вопросов, в плоскость масштабных социальных проектов, реализация которых для их создателей представлялась делом ближайшего будущего. К рассмотрению наиболее выдающихся изданных проектов, в которых, в большей степени, отразились черты «рационально-механистического» типа мировоззрения, мы и обратимся. Первым таким «проектом» будет произведение английского мыслителя середины XVII в., сторонника парламента в борьбе с королем и установления республиканского политического строя, состоятельного джентри – Дж. Гаррингтона.

Гаррингтон родился в семье богатого, но не принадлежавшего к высшей аристократии, землевладельца, получил разностороннее образование – обучался в одном из лучших учебных заведений страны – Тринити-колледже; в 1630-х гг. совершил продолжительное путешествие по Европе – посетил Германию, Францию, Швейцарию и другие страны. С самого начала революции в Англии оказывал значительную финансовую поддержку парламенту⁴⁷⁴. После победы парламентской армии, казни Карла I и установления республиканской формы правления, составил свой знаменитый труд «Республика Океания» (1656 г.), в котором обосновал историческую

⁴⁷⁴ См.: Hammersley R. James Harrington: An Intellectual Biography. Oxford: Oxford University Press, 2019.

неизбежность перехода Англии к республиканской форме правления, выступая при этом за введение значительного имущественного ценза для получения права избирать и избираться в парламент. Следствием этого стало позиционирование Гаррингтона, в особенности историками-марксистами, как одного из первых крупных идеологов буржуазной демократии⁴⁷⁵.

Трактат «Республика Океания» хорошо структурирован, разбит на взаимосвязанные между собой части, где вывод предыдущей части во многом определяет содержание последующей. В первой части – «Предварительные замечания» – мыслитель рассматривает историю государственного развития и предлагает свои критерии общественного прогресса и закономерности смены политических режимов. Данная часть трактата, в которой автор выдвинул свои главные идеи и обосновал их с исторической и экономической точек зрения, наиболее важна для нашего исследования.

Последующие части показывают, как теоретические изыскания должны были воплотиться на практике. Во второй части – «Совет законодателей» – Гаррингтон рассматривает вопрос о роли законодательной власти в государстве. Мыслитель полагает, что она должна принадлежать выборному органу власти, однако, на политическое развитие страны, с его точки зрения, могли влиять только достойные и ответственные граждане. Третья часть представляет собой утопическое произведение, в котором описывается идеальное общество, подобное обществам утопийцев или бенсалемцев. Однако Гаррингтон, в отличие от предшественников-утопистов, видел в своем проекте возможности для реализации «здесь и сейчас» – недаром его произведение было напрямую адресовано лорду-протектору Кромвелю. Данную особенность отмечали многие исследователи. В частности, современный английский исследователь Дж. Покок в обширной вступительной статье к очередному изданию «Республики Океании»

⁴⁷⁵ См.: Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона // Средние века. Вып. 04. С. 249-270.

отмечал: «Океания – это не столько утопия, сколько попытка воспользоваться случаем, революционным моментом, когда старые исторические формы разрушаются и появляется шанс создать новые...»⁴⁷⁶. В завершающей части своего трактата – «Выводы» – Гаррингтон кратко обобщал свои основные идеи и теории, с учетом особенностей описанной в третьей части общественной модели.

Основными идеями, призванными, по мнению мыслителя, обосновать закономерность установления республиканского строя в Англии и невозможность его уничтожения, являлись идея о «трудовом происхождении собственности» и теория «баланса собственности». Следует отметить особенность аргументации данных идей: система доказательств Гаррингтона строилась исключительно на экономическом и политологическом анализе – прослеживании взаимосвязей между политическим строем и распределением собственности, обращении к историческому опыту Англии и других стран. Религиозный мистицизм, апелляция к традициям были ему абсолютно чужды. Кроме того, он рассматривал развитие общества как линейно-прогрессивное движение, как эволюцию экономических отношений, связанных, прежде всего, с увеличением числа земельных собственников, и следующую за ней трансформацию политического строя – от монархии к аристократии, а затем к республике.

Основная несправедливость в общественном строе Англии XVII в., по мнению Гаррингтона, заключалась в том, что страной правили деспотичные монархи и приближенные к ним аристократы, не отличавшиеся, в большинстве случаев, ни выдающимся умом, ни какими-либо заслугами перед страной – свою власть они получали в силу происхождения. В то время как люди действительно талантливые и предприимчивые, способные рационально распорядиться полученными полномочиями, оставались в стороне от власти. Мерилом таланта для философа выступала частная

⁴⁷⁶ Росоок J.G.A. The commonwealth of Oceana and A System of Politics // Harrington J. The commonwealth of Oceana. P. 18.

собственность – чем больше человек смог добиться в жизни, накопить, благодаря своему уму и предприимчивости, богатств, тем более он талантлив и заслуживает властных полномочий. «Например, возьмем определенное количество людей, к примеру, 20 человек и попробуем немедленно сделать республику. Эти 20 человек никогда не смогут делать все вместе, на равных, так как между ними всегда будет разница, треть из них, условно, будет умнее других, и именно эти люди станут руководить всеми остальными»⁴⁷⁷, – рассуждал мыслитель на страницах «Республики Океания». Такова основная суть теории «трудового происхождения собственности» Гаррингтона.

Однако, по его мнению, развитие общества никогда не стоит на месте – оно неизменно прогрессивно развивается, что проявляется в большей степени в перераспределении земельной собственности. Показать данную экономическую, и, следующую непосредственно за ней, политическую эволюцию была призвана другая идея Гаррингтона – «теория баланса собственности». Анализируя историческое развитие стран Европы и Азии – от средневековых варварских королевств до современных ему государств, мыслитель пришел к выводу о прямой зависимости между количеством земельных собственников и формой правления в государстве. «Если один человек владеет всей территорией или его собственность перевешивает собственность всех остальных людей, например, в отношении 3 к 4, он – "гранд-сеньор", и потому его государство – абсолютная монархия. <...> Если землей владеет немногочисленная знать, то формой правления будет смешанная монархия или аристократия. <...> И, если весь народ или большинство – землевладельцы, то формой правления будет республика»⁴⁷⁸. При этом следует отметить, что, употребляя выражение «весь народ», философ имел в виду крупных земельных собственников; он позиционировал республику как правление той части народа, кто действительно своим трудом заслужил право участвовать в политической жизни страны. Поэтому для

⁴⁷⁷ Harrington J. The commonwealth of Oceana. P. 17.

⁴⁷⁸ Ibid. P. 8-9.

занятия высоких государственных должностей в предлагаемой модели республики Гаррингтона существовал крупный имущественный ценз: к примеру, являться членами парламента могли лишь «всадники» – граждане с годовым доходом, превышающим 100 фунтов в год⁴⁷⁹.

В работах Гаррингтона мы видим характерные для «рационально-механистического» типа мировоззрения черты – прогрессизм, веру в науку и использование самим философом научно-рационалистического подхода, позиционирование социальных изменений, как продукта человеческой – в данном случае экономической – деятельности.

Сходные мировоззренческие черты, при иной форме республиканского строя, мы увидим у Лильберна. Его интеллектуальное наследие поистине велико, как в части выдвигаемых им идей, многие из которых предвосхитили последующее развитие английской и мировой общественной мысли, так и в особенностях мировоззрения автора. Например, лидер левеллеров не только выступал против концентрации власти в руках узкой группы лиц, за законодательную защиту прав и свобод граждан, видя в этом приоритетную задачу государства; но и одним из первых выдвинул идею «народного суверенитета», т.е. прямого происхождения государственной власти непосредственно от народа. «Соглашение свободного народа Англии» – основной программный документ левеллеров – сам автор позиционировал как будущий закон, принятый и одобренный народным голосованием. Вот что писал Лильберн о процедуре принятия «Соглашения...»: «Мы заключаем взаимный договор об установлении правительства, уничтожении всякой произвольной власти, ограничении как высшей власти, так и всех подчиненных ей властей. <...> И так как основной чертой нашего народного соглашения является его происхождение от народа, то мы намеренно отказались от предоставления его парламенту. Мы считаем, что его следует спешно разослать для подписания всем народом...»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 58-59.

⁴⁸⁰ Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии... С. 108–109.

Мировоззрение Лильберна, относящееся, безусловно, к «рационально-механистическому» типу, также является уникальным. В нем органично сочетаются и взаимодополняют друг друга различные мировоззренческие элементы, каждый из которых был отнесен нами именно к «рационально-механистическому» типу мировоззрения. Лидер левеллеров в своих многочисленных произведениях отстаивал идею создания справедливого общества, построенного на принципах законности и охранении государством прав и свобод граждан. Т.е. в его мировоззрении доминировали такие категории, как «создаваемая справедливость – социальный конструктивизм», «прогресс» и «законность». Элементы данных мировоззренческих категорий прослеживаются в самых ранних трудах Лильберна, написанных до начала революции середины XVII в., например, в работе «Открытое письмо... тюремщикам Флитской тюрьмы». Но законченным проектом общественного переустройства, в наибольшей степени отражающим особенности мировоззрения Лильберна, является «Соглашение свободного народа Англии». Сама форма и предназначение данного документа – проведение реформ, исходящих и напрямую поддерживаемых народом, направленных на установление социальной справедливости и процветание страны в целом – позволяет позиционировать Лильберна как человека, убежденного в возможности изменения общества усилиями граждан и «прогрессиста». Рассмотрение сути документа, большая часть которого посвящена законодательному закреплению политических и гражданских прав и свобод англичан, а также их защите, в первую очередь, от узурпации со стороны государственной власти, доказывает веру Лильберна в силу закона, исходящего от народа и стоящего выше всех властных учреждений, обязанных ему подчиняться.

Рестаuration династии Стюартов в 1660 г., безусловно, оттолкнула многих английских мыслителей от идей социального реформирования, заставила их обратиться к религии и идеям изначальной справедливости – что будет нами подробно рассмотрено при анализе развития «органического»

типа мировоззрения. Однако идеи, выдвигаемые мыслителями в проектах социальных преобразований в период революции, не были забыты, а социально-экономические и политические проблемы, её породившие, не были решены, что привело к пересмотру прежних идей и последующему созданию новых проектов. Их наиболее известными авторами были не раз уже нами упомянутые Дж. Локк и Т. Гоббс, к анализу важных для нас особенностей мировоззрения которых мы и переходим.

Ни Гоббс, ни Локк не являлись активными участниками революции. Локк был слишком молод – на момент начала революции ему не исполнилось 8-ми лет – зато его отец Дж. Локк Старший был ярким пуританином и служил офицером в парламентской армии Кромвеля⁴⁸¹. Гоббс застал революцию в сознательном возрасте – ему на тот момент исполнилось 52 года, однако, в самом её начале эмигрировал, боясь репрессий со стороны парламента, из Англии во Францию, где прожил более 10 лет.

Гоббс не отличался знатностью происхождения – он родился в семье небогатого приходского священника, однако, к началу 1640-х гг. смог войти в круги высшей английской аристократии. Будучи одаренным от природы, обладая логическим мышлением, Гоббс в начале 1600-х гг. поступил в Оксфордский университет и успешно закончил его. После чего был нанят знатным английским аристократом герцогом Уильямом Кавендишем для воспитания его сына. Близость с семьей герцога, которую Гоббс сохранит до конца жизни, позволит ему общаться с английскими аристократами фактически на равных, но, при этом, в начале революции вынудит уехать из Англии⁴⁸². Гоббс являлся сторонником неограниченной монархической власти и рассматривал любое сопротивление ей, как преступление против общества и государства. Подобные мысли он высказывал в раннем философском трактате «О гражданине» (1642 г.) и развил в полноценную концепцию происхождения и полномочий государства и правителя в своем

⁴⁸¹ Зайченко Г.А. Джон Локк. М.: Мысль, 1973. С. 7–19.

⁴⁸² Мееровский Б.В. Гоббс. С. 10-36.

наиболее известном труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Подобное негативное отношение к революции, рассмотрение власти монарха, как абсолютной и несменяемой, на первый взгляд, роднит Гоббса со сторонниками патриархальной концепции происхождения королевской власти. Однако Гоббс в обосновании высказываемых идей был далек от религиозного мистицизма, от традиционализма и от веры в «изначальную справедливость».

Прежде всего, следует отметить негативное отношение мыслителя к религиозной вере, что позволяло отдельным исследователям позиционировать Гоббса как мыслителя, близкого к атеизму⁴⁸³. Конечно, столь радикальные оценки взглядов Гоббса сегодня не доминируют в исторической науке, и происходят, прежде всего, из расширенной трактовки понятия «атеизм» в XVII–XVIII вв., не только как отрицание существования Бога, но и как следование идеям, несовместимым с основами христианского вероучения⁴⁸⁴. Однако, несмотря на то, что Гоббс не отрицал сотворения мира Богом, его оценки религии и её происхождения были критичны. Он отрицал существование любых «чудес», какое-либо вмешательство Бога в повседневную жизнь людей, а само происхождение религии связывал с человеческим страхом и суевериями. «Человеческий род устроен так, что в силу сознания собственной слабости и удивления перед явлениями природы большинство людей верит, что невидимым творцом видимого мира является бог...»⁴⁸⁵, – писал он в трактате «О гражданине».

Не нашлось места религии, божественному вмешательству или традиционализму и в политических идеях Гоббса. Для него государственная власть не являлась ни «божьем даром», ни следствием «изначального» мироустройства; она, по представлению Гоббса, как и для многих других представителей «рационально-механистического» типа мировоззрения, была социальным конструктом. В «Левиафане...» мыслитель подробным образом

⁴⁸³ Там же. С. 171–192.

⁴⁸⁴ Martinich A.P. A Hobbes Dictionary. Cambridge: Blackwell Reference, 1995. P. 31.

⁴⁸⁵ Гоббс Т. О гражданине... С. 488.

изложил свою концепцию происхождения государственной власти. До возникновения государства, по мнению Гоббса, человеческое общество находилось в состоянии перманентной войны – «войны всех против всех». Данная «война» являлась производной от естественной эгоистичности человека: «...если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами...»⁴⁸⁶. Прямым же следствием подобного положения вещей неминуемо должно было стать полное уничтожение человеческого рода – люди, в конечном итоге, истребили бы сами себя. В данном кризисном положении «на помощь» людям пришел не Бог, но разум. Человечество, осознавшее пагубность состояния абсолютной свободы, согласилось на отчуждение части своих прав в пользу создаваемого государства, в обмен на установление порядка в обществе. Таким образом, путем заключения «общественного договора», появилось, согласно теории Гоббса, государство. Народ, при этом, единожды заключив общественный договор, лишился права разрывать или корректировать его, во избежание возобновления всеобщей вражды. Так Гоббс приходил к выводу о необходимости существования неограниченной государственной власти. «Подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию и вернуться к хаосу разобщенной толпы... <...> ибо они обязались каждый перед каждым признавать именно его действия своими...»⁴⁸⁷, – писал он на страницах «Левиафана...».

Мы можем сделать вывод о том, что основой идей Гоббса являлись вера в человеческий разум и прогресс, а также склонность к рационализму, совмещенная с религиозным скептицизмом.

Похожие мировоззренческие установки мы найдем и в произведениях Локка. После Реставрации политическая и научная карьера Локка не только не была погублена, но, напротив, получила новый импульс к развитию. Причиной этого стало его сближение с виднейшим политическим деятелем

⁴⁸⁶ Гоббс Т. Левиафан... С. 94.

⁴⁸⁷ Там же. С. 134–135.

периода Реставрации, одним из лидеров формировавшейся в парламенте партии вигов – Энтони Эшли-Купером, 1-м графом Шефтсбери (1621–1683). В 1667 г. Локк стал его личным домашним врачом и воспитателем сына. Благодаря покровительству графа, Локк становится видной фигурой в политических кругах, а также одним из наиболее известных ученых и философов своего времени ⁴⁸⁸. Мировоззрение Локка, безусловно, относящееся к «рационально-механистическому» типу, наиболее полно отражается в его научной деятельности и важнейших политических трактатах: «Опыт веротерпимости» и «Два трактата о правлении».

Прежде всего, следует отметить, что Локк был не только выдающимся политическим деятелем и философом, но и ученым, стремившимся построить на основе своей концепции познания модель «идеального» человека. В трактате «Опыт о человеческом разумении» (1690 г.) он последовательно доказывал отсутствие у человека каких-либо врожденных идей, т.к. любые идеи в человеческом разуме берутся из ощущений, являющихся первичными в познании. Для критики существования врожденных идей и описания «изначального» состояния человека при рождении Локк использовал латинское выражение «*tabula rasa*» («чистый лист») ⁴⁸⁹. Однако мыслитель не ограничился доказательством своей теории познания, он стремился к её практическому использованию при воспитании юношества. Если человек изначально представляет собой «чистый лист», то его характер, привычки и нравы всецело зависят от воспитания. Поэтому в 1693 г. Локк выпустил трактат по педагогике – «Мысли о воспитании», в котором, основываясь на своих идеях в теории познания, изложил основные принципы воспитания «английского джентльмена» ⁴⁹⁰. Сами принципы для нашего исследования не столь важны, однако, необходимо отметить другое – сциентизм Локка, и,

⁴⁸⁸ Woolhouse R. Locke: A Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁴⁸⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 78-583.

⁴⁹⁰ Локк Дж. Мысли о воспитании. С. 407-609. Напомню, что в этом же году был опубликован трактат У. Пенна «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе...», где автор предлагал свою концепцию воспитания английского юношества, основанную на принципе умеренности и строгости, достигаемых «путём простой жизни и обязательного труда». – Цит. по: Орлов А.А. Справедливый порядок... С. 59-60.

главное, то, что мыслитель рассматривал как социальный конструкт не только само общество, но и основополагающий его элемент – человека.

Взгляды же Локка на формирование общества и государства были близки позициям его старшего современника Гоббса. Конечно, следует отметить и особенности концепции Локка: для него, в отличие от Гоббса, «естественное» состояние людей отнюдь не было «войной всех против всех», напротив, это было всеобщее «состояние свободы, которое, тем не менее, не было состоянием своеволия»⁴⁹¹. Иными, по мнению Локка, были и мотивы заключения людьми «общественного договора» – к его заключению привело не стремление людей спастись от «бесконечной войны», а желание закрепить за собой свои права и свободы и защитить их с помощью государственной власти⁴⁹². Первоочередной задачей властей в данном случае становилось не ограничение прав индивида и прекращение войн, а защита прав граждан. Вполне естественно, что Локк, в отличие от Гоббса, отнюдь не рассматривал власть суверена как всеобъемлющую и незыблемую, а «общественный договор» как «абсолютное правило», заключенное раз и навсегда. Напротив, мыслитель рассматривал «право на восстание» как одно из базовых прав граждан, как механизм противодействия тирании. «Народ, с которым все время дурно обращаются и права которого нарушают, будет готов при первом же случае освободиться от лежащего на нем тяжкого бремени»⁴⁹³. Особое внимание в своих социально-политических трактатах он уделял категориям права и законности. Кроме того, что мыслитель рассматривал защиту прав граждан как первоочередную задачу государства, он выделял естественные права человека – право на жизнь, свободу и частную собственность, посягать на которые не может никто, даже суверен. А основным средством защиты этих прав он считал их законодательное закрепление, действие закона при этом рассматривалось как всеобъемлющее – закону обязаны были подчиняться все, он стоял выше отдельных людей, в

⁴⁹¹ Локк Дж. Два трактата о правлении... С. 264.

⁴⁹² Там же. С. 317-334.

⁴⁹³ Там же. С. 392.

т.ч. и правителей. «Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы»⁴⁹⁴, – заключал Локк.

Несмотря на некоторые существенные отличия концепций Локка и Гоббса, мы можем сделать вывод о схожести мировоззренческих типов данных мыслителей. Для мировоззрения Локка также характерна вера в науку, стремление познать истину научно-экспериментальным, а не религиозно-мистическим, путем; позиционирование общества, и, даже отдельного человека, как социальных конструкторов, а также повышенное внимание к категориям права и законности.

Гораздо сложнее, в силу сочетания разноплановых элементов, определить мировоззренческий тип следующего мыслителя – Дж. Беллера. Обратившись к его биографии, с первого взгляда, можно уверенно отнести его к представителям органического мировоззренческого типа. Беллерс являлся членом «Общества друзей» (квакером)⁴⁹⁵ и, подобно многим квакерам, он стремился к установлению всеобщей гармонии, социального мира и равенства. Большую часть своей жизни он посвятил разработке социально-экономических проектов, призванных сгладить социальные противоречия и улучшить жизнь простого народа. Наиболее известным из его проектов стало «Предложение об учреждении трудового колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства»⁴⁹⁶. Более того, Беллерс являлся одним из наиболее щедрых филантропов своего времени. Женившись на дочери богатого лендлорда, философ получил в распоряжение огромное состояние, однако, следуя заветам квакерского учения, стремясь к аскетичности и помощи ближним, он, оставляя себе и своей жене, которая

⁴⁹⁴ Там же. С. 277.

⁴⁹⁵ Самоназвание этой нонконформистской группы – «Общество друзей внутреннего света» или «Общество друзей» – подчёркивает, что истина веры проявляется не в том или ином церковном учении, а в акте «озарения Святым Духом», «внутренним светом».

⁴⁹⁶ Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа... С. 296-303.

тоже была последовательницей учения квакеров, лишь самое необходимое, большую часть денег жертвовал нуждающимся⁴⁹⁷.

Однако мы отнесли Беллера к представителям «рационально-механистического» типа мировоззрения далеко не случайно. При всей своей важности религия для него отнюдь не являлась единственным необходимым компонентом для создания «справедливого» общественного строя. Будучи религиозным человеком, Беллерс, тем не менее, не считал «справедливость» изначальным, божественным феноменом, торжество которого в конечном итоге не зависит, или зависит лишь частично, от действий людей. Напротив, он был экономистом и все его проекты базировались, во-первых, на экономических выкладках и аргументах, и, во-вторых, на вере в активную роль людей в создании «справедливого» общественного устройства. «Предложение об учреждении трудового колледжа...» Беллера посвящено описанию общих экономических интересов богатых и бедных, а также способу их совмещения и воплощения путем создания «трудового колледжа».

Основой рассуждений Беллера в обосновании необходимости создания трудового колледжа, а также разработке принципов его организации и функционирования, стал, казалось бы, риторический вопрос: «Что делает богатых богатыми?»⁴⁹⁸. На него философ дал предельно конкретный и новаторский для рубежа XVII–XVIII вв. ответ – богатых делает богатыми труд бедняков, ведь большая часть произведенных ими благ достаются богачам и составляют их богатство. Таким образом, Беллерс приходил к выводу, что создание невыносимых условий труда, стремление заставить бедняков работать «на износ», пагубно для богачей не только с морально-религиозных, но и с экономических позиций – ведь уставший работник с низкой квалификацией не способен произвести много

⁴⁹⁷ См.: Clarke G. John Bellers: his life, times, and writings. L.: Routledge & K. Paul, 1987; Андреев А.Н. Квакеры на Западе и в России. XVIII век // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 165–177.

⁴⁹⁸ Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа... С. 297.

качественной продукции. Поэтому в интересах богачей создание заведений для обучения и воспитания бедняков, которые в будущем принесут им огромную прибыль. «В интересах богатых заботиться о бедных и об их воспитании и образовании. Как хорошая и изобильная жизнь может служить поощрением для бедняков, так и увеличение их числа – выгодой для богатых. Без них они не могут быть богатыми...»⁴⁹⁹, – заключал Беллерс. Как мы видим, несмотря на глубокую религиозность, в своих воззрениях на общественное взаимодействие и трудовую деятельность Беллерс в «поисках» общественного консенсуса опирался исключительно на экономический анализ.

Однако его идеи вышли далеко за рамки обоснования экономической необходимости и выгоды для всех материального покровительства богатых над бедными путем создания системы трудовых колледжей. Для мыслителя предлагаемые им учебные заведения являлись не только местом «объединения» интересов богатых и бедняков, но и механизмом развития социального прогресса – ведь обучение в колледже предполагало не только получение трудовых навыков, но и определенную систему воспитания, направленную на формирование людей с совершенно иными – «более правильными» – идеалами и ценностями.

«Трудовой колледж» Беллерса представлял собой «закрытое» учебное заведение, в стенах которого учащиеся не только обучались ремеслам, но и проживали, руководствуясь определенным внутренним распорядком и правилами – наиболее важными из которых являлись правила, посвященные использованию денег и товарно-денежным отношениям. В колледже отсутствовали деньги как средство купли-продажи или оплаты труда. В силу того, что обучающиеся попадали в учебное заведение в раннем возрасте, подобные правила, по мнению автора, не должны были вызвать ни возмущения, ни протеста, а, напротив, восприниматься как данность. Сам философ считал деньги, как средство выражения стоимости вещей, одним из

⁴⁹⁹ Там же. С. 300-301.

главных пороков как английского общества, так и мира в целом. «Большинство краж и разбоев лишь изредка имели бы место, если бы совершались не ради денег. И когда люди целиком зависят от торговли и денег, то, если деньги падают или их ценность теряется, люди находятся у самых врат разорения. И бедные остаются без дела, потому что у богатых нет денег для того, чтобы дать им работу...»⁵⁰⁰. Место денег, как меры стоимости, по мнению Беллера, должен был занять труд, т.к. труд «объективен» – он выражает конкретный вклад индивида или группы людей в производство товаров или услуг; труд овеществлен – продуктами труда являются конкретные экономические блага, которые не могут полностью потерять стоимость и сами по себе представляют ценность. Наконец, труд как мера стоимости неизменен и стабилен, будучи вложен в производство, он не может исчезнуть сам по себе. «Это товарищество-колледж будет видеть в работе, а не в деньгах то мерило, по которому будут расцениваться все предметы первой необходимости»⁵⁰¹, – заключал Беллерс свои рассуждения о системе распределения благ между учащимися.

Предложенная Беллерсом система трудового воспитания выходила далеко за рамки стремления к достижению общественного консенсуса и являлась механизмом формирования людей, обладавших совершенно иным мировоззрением и жизненными идеалами, которые, по мысли автора трактата, составили бы основу будущего справедливого общественного устройства. Несмотря на то, что Беллерс был религиозным человеком, основу его мировоззрения составляли идеи социального конструктивизма. Причем философ верил в изменение общества посредством целенаправленной трансформации мировоззрения отдельных личностей – прогрессизма и опоры на точный научный (экономический) расчет.

Многие элементы мировоззрения, которые мы выделяли у таких английских интеллектуалов XVII в., как Гоббс, Локк, Беллерс и др.

⁵⁰⁰ Там же. С. 300.

⁵⁰¹ Там же. С. 301.

сохранятся и у последующих поколений мыслителей. Многим из них также будет свойственен прогрессизм, вера в «социальный конструктивизм», опора на научные данные, рационализм. Однако появятся и новые мировоззренческие черты, не проявлявшиеся, или проявлявшиеся ограниченно в произведениях XVII в. В первую очередь, это религиозный скептицизм, усиливавший в мировоззрении и произведениях мыслителей склонность к рационализму и научному расчету. Данный элемент, отчасти, развивался под влиянием предшествующих поколений английских мыслителей, отчасти под влиянием континентальной философии – прежде всего, французского Просвещения.

Другая важная и новая черта в мировоззрении интеллектуалов XVIII в. – это их стремление в своих произведениях к опоре на английскую историю. Причем стремление это было выражено не в эпизодическом обращении к каким-либо историческим событиям, сочетавшимся, зачастую, с крайне вольной их трактовкой, а в попытках систематически изложить историю Англии, отстаивая при этом те или иные общественно-политические взгляды. Недаром многие исследователи XX в., например, знаменитый немецкий историк и философ Ф. Мейнеке (1862–1954), выделяли XVIII в. как время становления одного из основных принципов исторической науки – принципа историзма, стремления к рассмотрению явлений прошлого в динамике их развития ⁵⁰². Способствовала пристальному вниманию английских интеллектуалов XVIII в. к истории и социально-политическая обстановка в стране: в английском парламенте завершилось формирование противоборствующих политических группировок, нуждавшихся при аргументации своих взглядов в опоре на исторические факты; в обществе развивалась мода на собирание книг и организацию библиотек; литературный, в т.ч. и научно-исторический труд, в XVIII в. стал не только

⁵⁰² См.: Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

способом выражения своих идей, но и средством получения солидного дохода⁵⁰³.

В нашем исследовании мы ещё раз обратимся к рассмотрению мировоззрения Д. Юма и К. Маколей. В исторической науке их зачастую противопоставляют, позиционируя Маколей как родоначальницу радикально-республиканской традиции в английской исторической науке, а Юма – «торийской» традиции⁵⁰⁴. Однако, несмотря на разницу во взглядах на общественно-политические вопросы, мировоззрение данных мыслителей было в основном сходным.

Основу мировоззрения Юма составили популярные в XVIII в. среди европейских интеллектуалов философские идеи, а, именно, радикальный эмпиризм – вера в чувственный опыт как основу познания; прогрессизм – вера в человеческий разум как основной «двигатель прогресса» общества; религиозный скептицизм⁵⁰⁵. Особенно важен для нашего исследования последний из названных компонентов – отрицая возможность влияния трансцендентных сущностей на людей и человеческое общество в целом, философ неуклонно вставал на путь рационализма – связывая прогресс человечества с прогрессом разума и активной деятельностью людей. В своем наиболее известном трактате, посвященном роли религии в жизни общества и проблеме её возникновения, «Диалоги о естественной религии» (1751 г.), построенном в форме дискуссии теиста, деиста и атеиста, философ пришел к выводу о первичной роли разума в развитии человеческого общества и даже

⁵⁰³ Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии... С. 7-8, 88-90.

⁵⁰⁴ Высокова В.В. Указ. соч. С. 275.

⁵⁰⁵ В научной литературе обращалось внимание на то, что «Юм был... крайним скептиком, причём не в современном, а в первоначальном (античном) понимании этого термина... <...> В то же время, Юм осуществил самокритику эмпиризма. Речь идёт об убедительно обоснованном учёном выводе, что знание, полученное из опыта, остаётся всего лишь вероятностным и не может претендовать на необходимость и общезначимость. Эмпирическое знание истинно лишь в границах прежнего опыта, и нет никаких гарантий, что будущий опыт не опровергнет его». – Орлов А.А. «Англии конец!» Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб.: Алетейя, 2019. С. 60-61.

вселенной. «Причины порядка во вселенной, вероятно, имеют некую отдаленную аналогию с человеческим разумом»⁵⁰⁶, – заключал Юм.

Основу для главного исторического произведения Юма – многотомной «Истории Англии...» – составили вышеназванные философские взгляды. В описании истории английского народа Юм отказался от религиозных трактовок тех или иных событий, стремясь описывать, прежде всего, деятельность личностей и сущность исторических процессов. Он одним из первых прослеживал их развитие, выявлял причинно-следственные связи, основываясь при этом на исторических источниках⁵⁰⁷. Не разделяя идей философов-просветителей о линейно-прогрессивном развитии истории, Юм, тем не менее, видел практическое значение изучения исторических событий в возможности проанализировать опыт предшествующих поколений и рассмотреть «добродетели» исторических деятелей. Наиболее полно данную позицию Юм изложил не в «Истории Англии...», а в своем небольшом эссе «Об изучении истории» (1741 г.), где, в частности, писал: «Приносимый изучением истории опыт обладает еще и тем преимуществом, что знакомит нас с человеческими делами, ни в коей мере не скрывая самых тонких проявлений добродетели. И я не знаю ни одного такого исследования или занятия, которое было бы столь безупречно в данном отношении, как история»⁵⁰⁸.

Если для Юма основу мировоззрения и исторических взглядов составили идеи эмпиризма, религиозный скептицизм и вера в человеческий разум, то для Маколей на первом месте стоял вопрос расширения прав и свобод, в особенности прав женщин. Помимо своего знаменитого исторического труда «История Англии...», Маколей издала несколько работ, посвященных роли женщин в обществе, наиболее известная из которых получила название «Письма об образовании» (1790 г.). В данной работе

⁵⁰⁶ Юм. Д. Диалоги о естественной религии. С. 563.

⁵⁰⁷ Высокова В.В. Указ. соч. С. 280.

⁵⁰⁸ Юм Д. Об изучении истории // Юм Д. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 709.

Маколей стремилась доказать, что «более низкое», по сравнению с мужчинами, социальное положение женщин не является следствием природных причин – естественного неравенства между мужчинами и женщинами, а возникает из-за недоступности для большинства женщин качественного и систематического образования⁵⁰⁹.

Историю Англии Маколей также трактовала как борьбу народа за свои исконные права и свободы. Недаром она избрала предметом для анализа не всю историю страны, а наиболее спорный и актуальный для её современников период – XVII в., в особенности, революции этого периода – революцию середины века и «Славную революцию» 1688–1689 гг. Несмотря на то, что сама исследовательница не раз отмечала стремление беспристрастно оценивать те или иные события, основывать историю на «достоверном и точном сообщении смысла события»⁵¹⁰; «История Англии...» Маколей являлась во многом политическим трактатом, показывающим не только развитие английского общества, но борьбу за свободу и справедливость против королевской тирании и угнетения. Недаром многие современные исследователи её творчества, например, Н.С. Креленко, отмечают ориентированность трудов Маколей на освещение современных ей политических и социальных проблем. «К. Маколей искала в прошлом ответы на проблемы сегодняшнего дня, фактически использовала историю для целей пропагандистских»⁵¹¹, – отмечает Креленко.

Тем не менее, несмотря на разницу в подходах Юма и Маколей к трактовке исторических событий и различных взглядах на цель изучения истории, мировоззрения двух мыслителей схожи. В своих попытках обоснования происходивших в Англии политических и социальных процессов, они обращались к историческому прошлому. Причем стремились изложить историю народа систематично, как целостный, взаимосвязанный

⁵⁰⁹ Macaulay C. Letters on Education...

⁵¹⁰ Macaulay C. The history of England... P. 5.

⁵¹¹ Креленко Н.С. Новое и новейшее время стран Запада. Проблемы историографии и судьбы историков. Саратов: Наука, 2009. С. 45.

процесс, опираясь на изучение источников и выявление причинно-следственных связей. Оба мыслителя отказывались от религиозно-мистической трактовки истории, стремясь найти происходившим событиям рациональное объяснение. Оба рассматривали историю как, в целом, прогрессивный процесс – Юм видел прогресс в развитии человеческого разума и социально-политических институтов, а Маколей – в законодательном закреплении прав и свобод граждан.

Подводя итог рассмотрения «рационально-механистического» типа мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв., можно сделать вывод, с одной стороны, о серьезных различиях в произведениях мыслителей разных эпох в аргументации своих идей и принципах построения «справедливого общества», а, с другой, о наличии важнейших мировоззренческих черт, всех их объединяющих. Прежде всего, это рационализм, стремление к научному объяснению принципов общественного развития, к построению своих теорий на основе научных расчетов. При этом, приверженность рационализму и сциентизму для некоторых мыслителей отнюдь не противоречила религиозной вере. Такие философы, как Бэкон или Беллерс в своих произведениях выстраивали строго рационалистические теории общественного развития, что не мешало им быть глубоко верующими людьми. Рационализм для мыслителей XVI–XVIII вв. означал отказ от построения идей и теорий на основе религиозно-мистических элементов, обращения к трансцендентному опыту, но не от религиозной веры в целом.

Вторая объединяющая всех мыслителей мировоззренческая черта – это прогрессизм. Этот компонент мировоззрения находил разное выражение у представителей различных поколений мыслителей – от констатации факта возможности существования более прогрессивного и справедливого общества, построенного на иных общественных началах (Мор, Ф. Годвин и др.), до проектов усовершенствования общественного строя с помощью определенных преобразований (Гаррингтон, Лильберн и др.) и даже до построения новых моделей общественного развития, попыток объяснить

движущие силы трансформации социума (Локк, Гоббс, К. Маколей и др.). Но самым важным компонентом мировоззрения, объединяющим всех рассмотренных мыслителей, являлся «социальный конструктивизм» – вера в возможность общественных трансформаций человеческими усилиями, в построение «справедливого общества» самими людьми. Методы «конструирования социума» также отличались у различных интеллектуалов – от строгой общественной регламентации (Мор, Ф. Годвин, Бэкон) до проведения реформ, выражающих народную волю (Локк, Гаррингтон, Лильберн, К. Маколей и др.) и даже до изменения самого человека как основы изменения общества в целом (Локк, У. Пенн, Беллерс и др.).

3.3. «Органический» тип мировоззрения: от религии к личной «вере»

Для представителей «органического» типа мировоззрения сциентизм, рационализм, прогрессизм и, в особенности, социальный конструктивизм были чужды. Напротив, основу их взглядов на социальное развитие составляло представление об обществе как о растущем и развивающемся «организме», истоки роста которого содержатся не в действиях людей, но в трансцендентных сущностях, природе или традициях. Место рационализма и научных расчетов занимала вера в правильность и истинность выражаемых идей, причем в данном случае «вера» не всегда носила исключительно религиозный характер, иногда она являлась отражением убежденности мыслителя в «исконной справедливости» и «естественности» выдвигаемых им концепций, не требовавших, по его мнению, научных расчетов или теоретического, рационального обоснования. Прогрессизм замещался традиционализмом, обращением к «исконным» правовым и политическим установкам английского народа, к «славному прошлому»; существующий общественный строй либо рассматривался как оптимальный, не требующий

вмешательства, либо идеал виделся в возвращении к прошлому, к периоду «до» искажения «справедливого общества».

Некоторые элементы «органического» типа мировоззрения мы можем видеть в публицистических произведениях английских католиков XVI – начала XVII вв. Н. Сандер, Дж. Лесли и У. Аллен обращались к Священному Писанию и религиозным догматам, как одной из основ аргументации своих идей; восхваляли прошлое, в первую очередь, английскую католическую церковь до религиозных реформ Генриха VIII как образец нравственности и заботы о верующих⁵¹². Однако, как уже отмечалось, главная причина обращения к религии в работах данных мыслителей заключалась в их стремлении показать неверность политики действующих английских властей. Религия в данном случае служила для обоснования политических идей. Кроме того, обращаясь к теме губительности проводимой политики, католики признавали развитие общества как «социального конструкта», ибо именно политика английских королей, по их мнению, привела к искажению «правильного» общественного порядка, а отказ от этой политики, возвращение в лоно католицизма должно было способствовать его восстановлению.

Более выраженные проявления «органического» типа мировоззрения в XVI – первой половине XVII вв. мы обнаружим не у противников королевской власти. Сторонники власти короля в данный период апеллировали к идеям роялизма, трактуемым ими как необходимость полного подчинения монарху вне зависимости от его решений. В данном случае место рациональных аргументов занимала вера в короля, в отсутствие у народа прав и законных возможностей нарушить его волю. Одними из необходимых и наиболее часто употребляемых аргументов верности данной идее было обращение к религии, а, именно, к теории божественного происхождения власти монарха, а также традициям – исконности

⁵¹² См.: Sander N. The Rocke of the Church; Idem. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae; Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth...; Allen W. An apologie and true declaration...; Idem. An Admonition to the Nobility...

королевского правления в Англии, как необходимого компонента сохранения общественной стабильности. Причем распространены данные идеи были не столько среди родовой аристократии, сколько среди беднейших слоев населения, которые, выступая против лендлордов, жалуясь на притеснения с их стороны, видели своего защитника именно в фигуре монарха.

Одним из ученых, наиболее полно проанализировавших роялистские настроения в английском обществе в XVI – первой половине XVII вв., был К. Рассел (1937-2004). Он на страницах своих произведений, наиболее известными из которых являются монографии «Кризис Парламентов: английская история 1509–1660 гг.» (1971 г.) и «Нереволюционная Англия: 1603–1642 гг.» (1990 г.), рассмотрев общественные настроения в Англии перед революцией, подверг критике оценку данного события как объективно причинно-обусловленного, свидетельствующего о существовании в Англии глубокого и длительно формировавшегося социального и религиозного раскола. Рассел свел его истоки к нежеланию королевской власти идти на компромисс с парламентом и личным качествам первых Стюартов. В подтверждение своей концепции Рассел активно использовал материалы личного происхождения, в т.ч. петиции, прошения и декларации представителей низших слоев населения, в которых они, критикуя действия землевладельцев и властей, одновременно выражали свою преданность власти монарха и видели в короле защитника своих интересов⁵¹³.

Подобные материалы и до сегодняшнего дня во многом остаются слабо изученными в исторической науке, отчасти в силу своей многочисленности. Обратимся, например, к неопубликованной «Декларации диггеров Уоркшира» (1607 г.). В ней земледельцы графства Уоркшир жалуется на свое тяжёлое материальное положение и притеснения со стороны лендлордов. «Вся наша община пребывает в большой печали и горе из-за вторгающихся на наши земли тиранов, которые пронзают наши тела острыми

⁵¹³ См.: Russell C. The Crisis of Parliaments: English history 1509–1660. Oxford: Oxford University Press, 1971; Idem. Unrevolutionary England, 1603–1642. L.: Bloomsbury Academic, 2003.

копьями и заставляют наши сердца умолкнуть ради того, чтобы они смогли жить на наших территориях, разводя скот и собирая богатые урожаи... Они опустошают и уничтожают целые города и делают из них овечьи пастбища, которые не приносят никакой пользы нашей общине»⁵¹⁴. Выступая против огораживаний и подвергая критике действия лендлордов-«тиранов», диггеры Уоркшира апеллируют к божественной справедливости, которую напрямую связывают с королевской властью, чьему прославлению, наряду с критикой действий лендлордов, посвящена значительная часть «Декларации...». «И все это (притеснения со стороны лендлордов. – Б.К.) творится не ради блага нашего самого милостивого правителя, за долгое правление которого мы молимся, и не ради блага нашей общины... <...> Ибо Бог даровал нам самые обильные и неисчислимые благословения, среди которых самое главное благословение – наш милостивейший и праведный король, слава о котором простирается и будет простираться по всем процветающим его владениям»⁵¹⁵.

Не менее широко идеи роялизма как необходимой верности королевской власти, даже если её действия противоречат их убеждениям, были распространены среди средних и высших слоев населения. Тревельян отмечал необычность раскола среди англичан на начальном этапе революции середины XVII в., когда среди одних и тех же групп населения находились как те, кто, руководствуясь своими политическими интересами, встал на сторону парламента, так и те, кто сохранял верность королю, считая это исполнением своего долга. «Во многих английских графствах местная гражданская война то замирала, то разгоралась и тянулась в течение нескольких лет подряд... Эти местные войны велись под командованием

⁵¹⁴ Declaration of the Diggers of Warwickshire (1607) // British Library, Harley MS 787, f. 9v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/DeclarationDiggersWarwickshire1607.html> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵¹⁵ Ibid.

сельских джентльменов, которые знали друг друга как соседи, а часто и как друзья...»⁵¹⁶.

Наибольший интерес представляет проявление роялизма в начале революции среди пуритан, которые составляли основу революционного движения. Так, в 1640 г. священник Ральф Браунригг, являвшийся одновременно убежденным пуританином и роялистом в политике, выпустил небольшую работу под названием «Соображения относительно клятвы», где доказывал правомерность издания королем указов, предписывающих пуританским священникам приносить клятвы на верность англиканской церкви, несмотря на то, что это противоречило его собственным религиозным убеждениям. Основой для подобных убеждений Браунригга служила необходимость повиновения королю, как верховному правителю государства, власть которого происходит от Бога. «Нет среднего пути между двумя крайностями: между согласием или противостоянием [указам короля]. А именно, если таковая перестройка будет учреждена в церкви, то хоть я и не смогу согласиться с ней в силу этой клятвы, но не смогу и противостоять, и противиться королю, когда он сделает это в силу какой-либо присяги, а смогу лишь терпеливо согласиться»⁵¹⁷, – смиренно заключал священник.

Противниками англиканской церкви в первой половине XVII в. являлись не только пуритане, выступавшие за углубление Реформации в Англии, но и католики, бывшие её радикальными противниками. И, хотя для многих католиков верность католической церкви и римскому папе часто перевешивала верность королю, источник королевской власти, в данном случае, воспринимался не как Бог непосредственно, а как церковь и её лидер – проводник слова Божьего на земле. Находились и те, кто, оставаясь католиком, сохранял верность королевской власти. Примечательно, что некоторые жители Англии, являясь католиками, воспринимали

⁵¹⁶ Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 260.

⁵¹⁷ Ralph Brownrigg Considerations on the Ectætera Oath (1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 54r-55r. URL: <https://mpese.ac.uk/t/BrownriggConsiderations1640.html> (дата обращения: 15.02.2021).

противодействие королю как грех и стремились перед смертью в нем покаяться. Например, в 1640 г. в Лондоне в Саутуоркской церкви (современное название – Саутуоркский собор) было найдено завещание («Последние слова») Джона Хаскинса. Про него не сохранилось никаких биографических сведений, только те, которые можно почерпнуть из «Последних слов». Хаскинс всю жизнь являлся католиком, противником королевской власти. В 1640 г. по неизвестным причинам (от старости или от болезни) его здоровье пошатнулось, и он полагал, что вскоре умрет. Это и подвигло его написать «Последние слова». В них Хаскинс стремился раскрыть «тайны» существования различных секретных хранилищ (оружия или припасов) и сообщить о других подозрительных местах. «Я испытываю муки совести, хотя до настоящего момента верил, что хранить тайну в моем случае достойно и благонаравно. По этой причине я воздерживался от ее разглашения до сих пор... Продолжают распространяться различные слухи, и все они не напрасны, ибо нет дыма без огня. <...> На улице Коулман (Coleman) у славного человека есть дом с прилегающим к нему садовым домом – меня бы утешила ваша предусмотрительность, если бы вы его обыскали. <...> Также осмотрите чердак нашего садового дома в Саутуорке, потому что он, как мне известно, уже давно используется как временное хранилище»⁵¹⁸.

Однако целостную роялистскую концепцию, основной целью которой стало обоснование абсолютной монархии как наиболее совершенной и единственно возможной, естественной формы правления, удалось создать уже в разгар революции. Ее автором, как говорилось выше, стал представитель «старой» родовой аристократии Р. Филмер.

Ни о каком праве народа на вмешательство в прерогативы власти в общественной модели Филмера не могло идти и речи. Даже парламент, начатки которого можно найти ещё в XIII в., мыслитель рассматривал

⁵¹⁸ Haskins J. Last Words (7 June 1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 65r-65v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/HaskinsLetter1640.html> (дата обращения: 20.02.2021).

исключительно как политический институт, созданный для поддержки власти короля, улучшения эффективности управления государством, но никак не для ограничения власти суверена. Создание парламента, по мнению Филмера, являлось исключительно королевской инициативой, парламент воспринимался как «вспомогательный» орган власти, созданный «для облегчения процедуры утверждения законов, которые соизволили принять король и его министры»⁵¹⁹. Монарх стоял выше не только любых политических институтов, но и законов, изменение которых было исключительно его прерогативой – парламент и другие органы управления могли лишь «помогать» суверену в его законотворческой деятельности. «Будет ли грехом послушаться короля, если он предписывает совершить что-либо вопреки законам? – спрашивал Филмер. И тут же сам отвечал на этот вопрос: «Повиновение необходимо в любом случае. <...> Например, человек служит королю на войне, он не может проверить, является эта война справедливой или нет, однако, он обязан повиноваться»⁵²⁰.

В идеях, выдвигаемых Филмером, мы видим полноценное, гармоничное и логически завершенное проявление «органического» типа мировоззрения; практически все, выделенные нами его черты прослеживаются в концепции патриархализма. Это и обращение к феномену веры, причем Филмер не просто констатирует приверженность христианской вере и обращается при аргументации своих идей к сюжетам из Священного Писания, но и связывает с верой религиозной веру в абсолютность и всесильность королевской власти; и обращение к морально-нравственным, семейным ценностям – противодействие королю, фактически, приравнивается к восстанию против власти отца семейства; и апелляция к традициям, исконно английским порядкам, существующим веками; и, конечно же, позиционирование общества и государства как развивающегося организма, в основании которого лежит институт семьи и божественная воля.

⁵¹⁹ Filmer R. Patriarcha. P. 53.

⁵²⁰ Ibid. P. 44-45.

Однако в бурные революционные годы в Англии к традициям, опыту прошлого, идее «изначальной», богоданной справедливости будут обращаться не только роялисты, но и противники королевской власти. Наиболее полно среди противников Карла I «органический» тип мировоззрения проявится у лидера движения диггеров Дж. Уинстенли.

Уинстенли не просто выступал за радикальное реформирование английского общества, но и стремился воплотить свои идеи в жизнь. В 1649 г. Уинстенли и его последователи, как говорилось выше, начали распашку пустующих общинных земель около местечка Кобхэм в графстве Суррей (Сэррей). Таким образом они пытались воплотить в жизнь свою основную идею – представление о земле как «общей сокровищнице». Диггеры не пытались силой отобрать чью-либо собственность – они были радикальными пацифистами и считали, что создать справедливое общество можно исключительно мирным путем – они распахивали лишь пустующие земли, чтобы прокормить себя и надеялись, что остальные жители Англии последуют их примеру. Однако подобные надежды оказались напрасны, движение диггеров так и не обрело большого количества последователей, а местные власти разрушили их поселение⁵²¹.

Казалось бы, мировоззрения убежденного роялиста Филмера и сторонника революции и радикальных общественных изменений Уинстенли полностью противоположны. Однако, обосновывая совершенно разные идеи, оба мыслителя обращались к одинаковым аргументам, трактовали сущность общественного развития, его движущие силы сходным образом.

Прежде всего, следует отметить, что Уинстенли, подобно Филмеру, был склонен к традиционализму. Несмотря на радикальность предлагаемых лидером диггеров преобразований, сам Уинстенли не рассматривал свои идеи как нечто новое; согласно его убеждениям, «справедливое общество», которое он стремился создать, уже существовало в прошлом, поэтому для него предполагаемые общественные изменения были не решительным шагом

⁵²¹ Барг М.А. Великая английская революция... С. 349-369.

вперед, а, наоборот, возвращением к справедливости. Шацкий ввел в научный оборот специальный термин – «революционный традиционализм» – для обозначения подобных произведений. «Нередко в традиции содержится действительно революционный потенциал... Это особенно характерно в тех случаях... где изменение статус-кво часто понимается как возвращение к прошлому, которое не знало того, что кажется самым худшим в настоящем»⁵²², – писал он. Конечно, с научной точки зрения, описываемого Уинстенли идеального общественного устройства никогда прежде в Англии не существовало, однако, для нас важно, что сам мыслитель был искренне убежден в обратном⁵²³.

Вторая особенность мировоззрения Уинстенли, позволяющая нам отнести его к представителям «органического» типа мировоззрения и отмеченная нами также и у Филмера – это вера в существование «изначальной справедливости» и представление об обществе как о развивающемся «организме». И Филмер, и Уинстенли основывали свои теории на идее богоданности идеального общественного устройства. Однако, если для Филмера следствиями божественного сотворения мира и общества являлись незыблемость и абсолютность королевской власти, ибо та происходит непосредственно от Бога, то Уинстенли, напротив, обосновывал, опираясь на ту же идею, необходимость обобществления земельной собственности и установления социального равенства. Как для Филмера не вызывало сомнения происхождение общества и государства от семьи, так для Уинстенли не менее очевидным было сотворение общества как объединения равных людей. Во всех произведениях Уинстенли одно из главных мест занимает идея «равенства во творении». Т.к. все люди созданы по образу и подобию всеблагого и всемогущего Бога, размышлял Уинстенли на страницах своих многочисленных памфлетов, неравенство между людьми, любые конфликты и войны, угнетение одних другими противостоят

⁵²² Шацкий Е.[Р.] Указ. соч. С. 10–11.

⁵²³ Уинстенли Дж. Закон свободы. С. 144.

для человеческой природы и несправедливы, а потому являются лишь «временным» отступлением человека от правильного общественного мироустройства, которое изначально было сотворено Богом. «...И ни один не будет господствовать над другими, но все будут смотреть друг на друга, как равные во творении, так, чтобы наш создатель был прославлен в деле рук своих и чтобы каждый мог видеть, что творец не почитает отдельных лиц, но равно любит все свое создание»⁵²⁴.

Наконец, ещё одна важная черта мировоззрения Уинстели, позволяющая отнести его к мыслителям с «органическим» типом мировоззрения – это крайняя религиозность. Лидер диггеров при аргументации своих идей не только постоянно обращался к Священному Писанию, но и объяснял общественное развитие и свои действия божественным промыслом. Колония, созданная Уинстенли и его последователями, была ничем иным, как начальной точкой восстановления «божественных порядков». Более того, Уинстенли был убежден в торжестве Божьей воли вне зависимости от действия людей – поэтому, когда войска местных лендлордов разрушали поселение диггеров, те абсолютно им не сопротивлялись, ибо, согласно их мнению, это только откладывало, но никак не отменяло конечное торжество их идей⁵²⁵. Большинство отечественных исследователей оспаривали подобное позиционирование взглядов диггеров, но не отрицали их крайней религиозности⁵²⁶.

В начале 1650-х гг., после разгрома поселения диггеров, их движение пошло на спад и быстро исчезло. Уинстенли, как и многие его последователи, закончит свою жизнь в общине квакеров. Квакеры не будут стремиться к какому-либо прямому воздействию на политику или к изменению общества в целом, но лишь к распространению своих идей и созданию справедливого общества в миниатюре, т.е. в рамках отдельных общин. Идеи квакеров также являются ярким примером проявления

⁵²⁴ Уинстенли Дж. Знамя, поднятое истинными левеллерами... С. 65.

⁵²⁵ Juretic G. Op. cit. P. 263-280.

⁵²⁶ Павлова Т.А. О зарождении коммунистических воззрений Уинстенли... С. 129–153.

«органического» типа мировоззрения в английской общественной мысли XVI–XVIII вв.

Сам основатель движения квакеров Дж. Фокс, и его последователи считали свое учение не собственными идеями, но «гласом Божиим», божественным откровением. Одним из основных компонентов учения квакеров является убежденность в возможности каждого истинно верующего христианина напрямую общаться с Богом. Эта особенность отражена в порядке богослужения ранних квакерских общин – все богослужения проходили в абсолютной тишине, до тех пор, пока один из верующих не начинал слышать глас Божий и проповедовать. В роли проповедника мог выступать абсолютно любой член общины, который ощутил «божественный голос». «Так что, если кто-нибудь имеет в себе что-то сказать, встань в жизни Божией и скажи это – если это можно выразить двумя или тремя словами – и снова сядь. И оставайся в жизни, чтобы ты мог отвечать тому, что от Бога в каждом человеке на земле...»⁵²⁷, – так описывал Фокс богослужения в «Обществе друзей».

Первым «божественный голос» ощутил сам Фокс, и вскоре, в 1647 г. уже начал проповедовать усвоенные им идеи публично с целью обратить на «путь истинный» как можно больше людей. Он был не раз арестован и подвергнут тюремному заключению за свои проповеди, однако популярность его, в особенности, среди низших слоев населения неуклонно росла. В 1652 г. была создана первая община квакеров, представлявшая собой своеобразное справедливое общество в миниатюре, где жизнь и взаимоотношения между людьми были устроены согласно вероучению Фокса. Постепенно количество квакерских общин росло, они начали формироваться и в других странах – не только в Европе, но и в Северной Америке. Движение квакеров является единственным общественным движением, зародившимся в Англии в период

⁵²⁷ Цит. по: Хью МакГрегор Росс. Указ. соч. С. 88.

революции середины XVII в. и, в трансформированном виде, существующим сегодня⁵²⁸.

Во многом идеи и особенно компоненты мировоззрения Фокса и Уинстенли были схожи, хотя и имели некоторые важные различия. Фокс и квакеры в целом, в отличие от Уинстенли, не желали глобальных общественных перемен «здесь и сейчас». Они стремились к воплощению своих идей в рамках отдельных общин. Однако и принципы, на которых создавались общины, и представления об общественном развитии у Фокса и Уинстенли во многом совпадали. Квакеры также негативно относились к насилию – были радикальными пацифистами; выступали против частной собственности – они не стремились обобществить земельную или какую-либо иную собственность в рамках государства, но внутри общины все крупное имущество было общим, а хозяйство велось сообща. Они были сторонниками всеобщего имущественного и социального равенства – некоторые квакеры даже подвергались преследованию со стороны властей из-за того, что они, руководствуясь принципом равенства всех людей перед Богом-творцом, отказывались снимать шляпы перед людьми знатного происхождения и чиновниками и обращались к ним на «ты»⁵²⁹.

В мировоззрении ранних квакеров традиционализм, представления о существовании «изначальной справедливости», об обществе, как растущем «организме» и крайняя религиозность слились вместе и были выражены в одной исходной идее – о наличии в каждом человеке «божественной частицы». «Храните свои собрания и пребывайте в силе истины и знайте её друг в друге, и будьте едины в свете»⁵³⁰, – обращался Фокс со страниц своих «Дневников» к последователям. Наличие в каждом человеке, вне зависимости от его социального и материального положения, «частицы божественного» в глазах квакеров уравнивало всех людей между собой. Они

⁵²⁸ Павлова Т.А. Народная утопия в Англии... С. 18.

⁵²⁹ См.: Ingle H.L. First among friends: George Fox and the creation of Quakerism. N.-Y.: Oxford university press, 1996.

⁵³⁰ Цит. по: Хью МакГрегор Росс. Указ. соч. С. 37.

не признавали ни социального, ни экономического, ни политического неравенства, в квакерских общинах не существовало формальных лидеров – все их члены являлись «братьями и сестрами». Ценность человеческой жизни при этом неуклонно возрастала, человек являлся не просто творением Божьим, но и частью Божьей. Существование «божественной частицы» в каждом человеке обуславливало возможность для любого быть проповедником. Наконец, данная идея давала однозначные ответы на вопросы о справедливости, общественном развитии и прогрессе. Выражением справедливости для квакеров были божественные откровения, отчасти зафиксированные Фоксом в его «Дневниках» и иных произведениях, отчасти произносившиеся самими членами общины во время собраний. Общественный строй однозначно воспринимался ими как «богоданный», мир и люди в нем полностью зависели от воли Божьей. В учении квакеров в принципе не существовало категорий прогресса или регресса, ибо изначальный «эталон» взаимоотношений был задан Богом, а сами члены «Общества друзей» реализовывали его непосредственно в своих общинах.

В XVIII в. религиозные мыслители, многие из которых являлись квакерами, развивали и конкретизировали идеи Фокса, основываясь примерно на тех же мировоззренческих элементах. Особенно популярны идеи квакеров стали в английских колониях в Северной Америке. В Новую Англию, спасаясь от преследований, бежали представители радикальных течений протестантизма. Здесь идеи квакеров быстро распространились и в XVIII в. обрели новую направленность – борьба за всеобщее социальное равенство вылилась в конкретную идею борьбы против рабства. Квакеры сыграли важную роль в развитии аболиционизма – движения за отмену рабства и освобождение рабов. Например, один из первых открытых противников рабства в североамериканских колониях Джон Вулман (1720–1772) был квакером. Являясь сыном состоятельного торговца и землевладельца, Вулман, следуя своему призванию проповедника, а также идеям квакеров о социальном равенстве, оставил торговлю и, трудясь на

простых работах (портным, садоводом и т.д.), путешествовал по миру, проповедуя отказ от рабства и войн. Во время пребывания в Англии с целью распространения своих идей Вулман заразился в Лондоне оспой и умер⁵³¹. Однако идеи североамериканских мыслителей Нового времени достойны отдельного обширного изучения, и мы не будем в них углубляться.

Если Фокс и большинство его последователей ограничивались проповеднической, благотворительной деятельностью и созданием квакерских общин, то У. Пенн мыслил гораздо шире. Он создал политический трактат – «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе...» (1693 г.), в котором изложил проект нового европейского мироустройства и международного сотрудничества, в основе которого должны были лежать принципы пацифизма, общественной стабильности и совместного достижения общего блага. Он одним из первых предложил создание международного органа коллективной безопасности – «Конгресса, парламента или Палаты государств», в который входили бы представители всех европейских стран, совместно обсуждавшие важные международные проблемы и добивавшиеся разрешения противоречий не военным, но мирным путем⁵³². Важнейшим условием поддержания всеобщего мира, который должен был привести к небывалому экономическому подъему и всеобщему процветанию, были чистые моральные помыслы – стремление всех людей к взаимной помощи и выгоде, а также политические и правовые традиции. «Создаваемый мир поддерживается правом, являющимся результатом деятельности правительств...»⁵³³, – констатировал Пенн. Более того, он предпринял попытку воплощения своих идей в жизнь посредством создания колонии Пенсильвания. Для управления новым поселением Пенн создал свод законов и рекомендаций – «Система правительства Пенсильвании» (1682 г.), содержащий изложение принципов, на которых

⁵³¹ См.: Woolman J. The Journal of John Woolman. N.-Y.: Independent Publishing Platform, 2016; Cady E.H. John Woolman: The Mind of the Quaker Saint. N.-Y.: Washington Square Press, 1966.

⁵³² Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe. P. 406.

⁵³³ Ibid. P. 404.

должно строиться новое общество – пацифизм, трудолюбие, запрет «пагубных» увеселений, совместный труд и взаимопомощь, социальное равенство, нравственная и моральная чистота. Для Пенна при создании любого общественного объединения, тем более, государства, были первичны человеческие качества и принципы. «Правильные» моральные принципы, по мнению мыслителя, являлись основой для создания справедливых политических институтов. «Правительство в большей степени зависит от людей, чем люди от правительства. Если люди будут добры и чисты, то создание плохого правительства невозможно»⁵³⁴, – рассуждал Пенн.

Но в XVIII в. в Англии активно действовали не только религиозные мыслители, обладавшие «органическим» типом мировоззрения. Э. Бёрк и У. Годвин, к мировоззрению которых мы снова обратимся, не были богословами, а последний из них в зрелом возрасте встал на позиции атеизма. В идеологическом плане эти мыслители были непримиримыми врагами, видели пути общественного развития совершенно по-разному: один – непримиримый консерватор; другой – радикал, поддерживавший на ранних этапах Французскую революцию 1789–1799 гг. и выступавший за радикальное общественное переустройство. Тем не менее, в мировоззрении обоих мыслителей присутствовали характерные для «органического» типа представления об «изначальной» справедливости, важности традиций либо моральных ценностей, вера, как феномен «бездоказательности» выдвигаемых положений, в собственные идеи и постулаты.

Всемирную известность Бёрку принесли его произведения, посвященные революции во Франции. Прежде всего, это «Размышления о революции во Франции»⁵³⁵, а также последующие произведения, конкретизирующие позиции мыслителя по тем или иным вопросам или дававшие оценку развитию революции – «Письмо депутатам Национального

⁵³⁴ Penn W. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.01.2021).

⁵³⁵ См.: Burke E. Reflections...

собрания» (1791 г.)⁵³⁶ и «Замечания о политике союзников по отношению к Франции» (1793 г.)⁵³⁷. Следует отметить, что в начале революционных событий во Франции большинство представителей английской интеллектуальной элиты относились к ним в целом одобрительно. В произведениях К. Маколей, М. Уолстонкрафт, Т. Пейна (1737–1809) и др., революция позиционировалась как прогрессивное народное движение, направленное на борьбу со «старыми порядками», нежизнеспособностью политико-экономической системы, полной феодальных пережитков⁵³⁸. Только Бёрк с самого начала решительно выступил с резкой критикой революции. В феврале 1790 г. он произнёс речь в парламенте, подвергнув сомнению идеи о благоприятном влиянии событий во Франции на английскую политику и отметив возможное негативное влияние революции не только на Англию, но и на Европу в целом. В ноябре того же года он выпустил в свет «Размышления о революции...», где изложил собственное видение разворачивающихся событий. В трактате в наибольшей степени отражены особенности мировоззрения философа, его взгляд не только на революцию, но и на принципы общественного развития. Он обосновывал пагубность революции; доказывал важность сохранения исторических традиций и преемственности; настаивал на необходимости существования консервативной идеологии⁵³⁹.

Бёрк, в отличие от большинства английских историков и политиков конца XVIII в., не рассматривал отдельные экономические или политические явления в качестве причин революции. Для него революция была крушением всего общественного организма в целом, распадом социума. «Это, – писал Бёрк, – не просто смена форм правления. И не победа одной из партий над другой. Это – гибель и распад всего общества!»⁵⁴⁰. Наиболее трагическим последствием революции был, по мнению мыслителя, разрыв исторической и

⁵³⁶ См.: Burke E. Letter to a Member of the National Assembly.

⁵³⁷ См.: Burke E. Remarks on the Policy of the Allies... P. 117-201.

⁵³⁸ Чудинов А.В. Размышления англичан... С. 60-80.

⁵³⁹ Там же. С. 62-64.

⁵⁴⁰ Burke E. Letters on the Regicide Peace // Burke E. Select Works... P. 190.

правовой преемственности, а также падение общественных нравов. Для Бёрка идея о строительстве общества с «чистого листа» была недопустимой, ценности, традиции, опыт, политические принципы, накопленные многими поколениями граждан страны, являлись для него основой общественного строя, главной отличительной чертой конкретного государства, его «богатством». Революция, знаменовавшая радикальный отказ от большинства этих ценностей, была для Бёрка равносильна гибели общества и его огромного исторического наследия. «Вы, – обращался мыслитель к революционерам, – предпочли действовать так, как будто у вас никогда не было гражданского общества и все надо было создавать с нуля. Вы плохо начали, потому что начали, презирая все то, что вам уже принадлежало...»⁵⁴¹.

Крайне важна для Бёрка была и роль религии в обществе; именно религия, с его точки зрения, составляла основу множества обычаев и традиций; являлась неотъемлемой частью культурного и исторического наследия; и, самое главное, была важнейшим регулятором жизни людей и ценностным ориентиром. Бёрк категорически отвергал распространенную среди его современников идею о том, что Французская революция была вызвана исключительно политическими и экономическими причинами. Мыслитель не отрицал, что в экономике и политической системе Франции в конце XVIII в. было достаточно проблем, но он полагал, что они могли и должны были разрешаться путем реформ, но не путем кровопролития. Для него революция была результатом заговора; антинародным действием, спровоцированным радикально настроенной интеллектуальной элитой и возбужденными ими маргинальными слоями общества. Истоки революции он видел в «пагубных» идеях философии Просвещения, направленной изначально против христианской религии и тесно связанных с ней общепринятых моральных ценностей. «Литературная клика, – писал Бёрк, подразумевая под «кликкой» французских просветителей, – выработала несколько лет назад нечто вроде стройного плана уничтожения христианской

⁵⁴¹ Burke E. Reflections... P. 82.

религии...»⁵⁴². Со временем к этой антинародной борьбе, возглавляемой просветителями, присоединились, преследуя своекорыстные интересы, и некоторые другие слои населения, образовав, таким образом, «воинствующее меньшинство», выступающее от имени всего народа и низвергнувшее собственное государство в пропасть.

Революция для Бёрка являлась борьбой наиболее корыстных и аморальных общественных сил против государственных и социальных основ, выраженных в религии, морали, прочных политических и правовых традициях и обычаях, культурном наследии и историческом опыте. Революция разрушала весь социум в целом, представлявший собой единый, динамично развивающийся организм.

Взгляды У. Годвина на революцию во Франции были полностью противоположны взглядам Бёрка. Годвин воспринимал революцию как борьбу народа за свободу, торжество разума над «закостенелыми» политическими институтами и традициями. Да и религиозные ценности Годвин отнюдь не считал основой общественного строя, напротив, он придерживался атеистических взглядов. Тем не менее, в мировоззрении двух данных философов было очень много тождественного: оба они представляли общество как единый, цельный развивающийся организм, были убеждены в необходимости существования определенных общественных ценностей, на которых будут основываться взаимоотношения между людьми, и основывали свои идеи, прежде всего, не на рационалистической критике или аргументации, а на вере.

Годвин уже в своих первых небольших сочинениях – «Насчет семинарий» и «Итальянских письмах» – подверг критике существующие в Англии общественно-политические устои. Человек, – отмечал он в «Итальянских письмах», – существо, превосходящее все, что изобрела цивилизация. <...> Если бы воображаемые барьеры были разрушены, если бы мы снова были возвращены к естественному состоянию, дворянин казался

⁵⁴² Ibid. P. 137.

бы беспомощным и бесполезным существом; человек есть существо Бога, посланное в мир с определенными для каждого способностями. Дворянство же создано искусственно и есть фикция...»⁵⁴³. Неудивительно, что Годвин всецело поддержал начавшуюся во Франции революцию, воспринимая её как борьбу за свободу и справедливость против религиозных догматов, «закостенелых» политических институтов и королевской тирании; как борьбу за торжество разума в обществе и государстве. В «Исследовании о политической справедливости»⁵⁴⁴ он изложил свои представления об общественном развитии и «справедливом» общественном устройстве.

В данном произведении Годвин первым из крупных европейских мыслителей последовательно излагает концепцию бесклассового общества с отсутствием государственных институтов управления, основанного на добровольном объединении индивидов. Подобный подход к концепции общественного развития, выдвижение идеи последовательного уничтожения государственных институтов как основных механизмов общественной эксплуатации, позволит многим исследователям европейской общественной мысли назвать Годвина первым представителем теоретического анархизма⁵⁴⁵. В основу общественного организма мыслитель предлагал заложить принципы свободной кооперации людей посредством создания системы самоуправляющихся общин и распределения общественных благ среди населения, исходя из реальной экономической потребности людей. «То, что я имею, истинно мое, если нужно мне для употребления; то, что я имею, если даже оно представляет плод моего труда, но мне не нужно, не может быть мною удержано без нарушения справедливости»⁵⁴⁶.

Мы видим, что взгляды Бёрка и Годвина на Французскую революцию и идеал общественного развития были прямо противоположными. Однако в мировоззрении Годвина было несколько принципиально важных элементов,

⁵⁴³ Godwin W. Italian Letters... P. 8. Подробнее об этом см.: Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. С. 5-57.

⁵⁴⁴ Godwin W. An enquiry concerning political justice...

⁵⁴⁵ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия... С. 255-256.

⁵⁴⁶ Годвин В. О собственности. С. 134.

роднивших его с Бёрком и другими представителями «органического» типа мировоззрения. В первую очередь, это вера, как основа аргументации выдвигаемых идей. В случае с мировоззрением Годвина речь идет не о религиозной вере – мыслитель в зрелые годы был атеистом – а о «вере», как абсолютной, собственной, личной убежденности в правоте выдвигаемых принципов и идей⁵⁴⁷. В современной науке феномен веры трактуется гораздо шире, нежели религиозные убеждения. Например, Барбур выделял концепт «веры» как самоценный феномен мировоззрения, бездоказательную убежденность индивида в существовании чего-либо или в аксиоматической правоте своих идей. Исследователь отмечал, что феномен «веры» присущ не только религии, но и другим мировоззренческим типам⁵⁴⁸. Именно безграничная вера в изначальную человеческую доброту и справедливость, в стремление абсолютно всех людей к всеобщему счастью – счастьем и благополучию не только для себя, но и для всего человечества в целом – составляли основу мировоззрения Годвина. «Все люди ценят справедливость, – писал он. – Они понимают, что они существа одной общей природы, и признают правильность такого общения друг с другом, которое основывалось

⁵⁴⁷ Лучше всего, на наш взгляд, этот концепт личной «веры», заменяющей критически настроенному мыслителю XVIII в. веру в традиционные религиозные ценности, выражает точка зрения немецкого философа И.Г. Гамана (Johann Georg Hamann, 1730–1788). Он писал: «Естествоведение и история суть два столба, на которых покоится истинная религия. Неверие и суеверие основываются на поверхностной физике и поверхностной истории». В вере Гаман видел непосредственное личное состояние души, не подлежащее доказательствам и не нуждающееся в них. – Гаман И.Г., Якоби Ф.Г. Философия чувства и веры / Сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч. С.В. Волжина. СПб.: Книга издана при поддержке газеты ST/A/R (Австрия), 2006. С. 67.

В конце XX в., осмысливая трагический опыт Европы в этом столетии, выдающийся российский философ Г.С. Померанц (1918-2013) писал: «Подлинная вера возникает, скорее, в игре духа, в веселии духа. И путь – через высокую красоту природы и искусства, через разворачивание высоких возможностей нашей собственной природы. Или через кризис, через чувство пустоты механизированной жизни, через тоску по подлинному – но непременно по *собственному* (курсив автора. – Б.К.) переживанию огня, подлинного возгорания духа. С сознанием этой цели в душе, но без насилия, без подхлестывания себя». – Померанц Г.С. Собрание себя. Курс лекций, прочитанный в Университете Истории Культур в 1990–1991 гг. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 53.

⁵⁴⁸ Барбур И. Указ. соч. С. 199-208, 242-247.

бы на одной общей мерке. Каждый человек стремится помогать другим, как бы не объяснять это...»⁵⁴⁹.

Другая черта, объединяющая Годвина с иными мыслителями с «органическим» типом мировоззрения – это рассмотрение им общества как непрерывно развивающегося социального организма. Годвин отнюдь не был сторонником идеи существования изначальной «божественной» справедливости и скептически относился к большинству обычаев и традиций, считая их архаизмами. Однако история и общественное развитие, с его точки зрения, имели определенную движущую силу и, главное, конечную цель; т.е. общество в его представлении, вне зависимости от действий людей – они могли лишь приблизить или отдалить достижение цели – пришло бы к состоянию, которое можно назвать «социальной справедливостью». Данное состояние общества, достигшего устойчивого социального равновесия, Годвин описал в «Исследовании о политической справедливости». Подобные идеи – о цели и движущих силах человеческого развития – мы можем встретить у большинства религиозных философов. Но, если в их концепциях движущей силой общественного прогресса было божественное провидение, а конечной целью наступление «царства Божьего» на земле, то Годвин рассматривал в качестве основы человеческого и общественного развития разум, а конечной целью – создание бесклассового общества, в котором отсутствуют любые механизмы и формы эксплуатации.

При этом мыслитель рассматривал общество в его целостности, как единый феномен, не выделяя прогресс отдельных сфер общественной жизни. Торжество разума и наступление «социальной справедливости», по его мнению, были явлениями неизбежными, поэтому Годвин выступал против массового революционного насилия, считая, что наиболее важна «внутренняя революция» – глубокое осознание членами общества истинных ценностей. «Я не должен стремиться к тому, – писал Годвин, – чтобы насильственно изменить учреждения, но к тому, чтобы доводами разума изменить идеи.

⁵⁴⁹ Годвин В. О собственности. С. 79.

Мне нет никакого дела до мятежников и интриганов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее. <...> Не надо спешить с осуществлением сегодня того, что завтра станет неизбежным»⁵⁵⁰.

Таким образом, основными отличительными чертами «органического» типа мировоззрения английских мыслителей XVI–XVIII вв. являются: представление об обществе, как об особом целостном «организме»; частое обращение к моральным ценностям, выраженным в традициях, религиозных постулатах или принципах гуманизма; опора на религиозную веру (или личную «веру») как основу аргументации выдвигаемых положений. На протяжении рассматриваемого хронологического периода при сохранении основополагающих отличительных черт особенности проявления «органического» типа мировоззрения претерпели серьезную трансформацию. Мыслители XVI – первой половины XVII вв. при обосновании своих идей обращались к религиозным аргументам, трансцендентному опыту. Со второй половины XVII в. религия, как способ обоснования истинности авторских концепций, отходит на второй план, уступая место, прежде всего, личной «вере» и традиционализму.

* * *

Исследование убеждает в том, что у английских мыслителей XVI–XVIII вв. существовали два типа мировоззрения – «рационально-механистический» и «органический». Каждый из них, сохраняя определенные базовые доминанты, претерпевал серьезную трансформацию на протяжении рассматриваемого хронологического периода.

Основными доминантами «органического» типа мировоззрения являлись: представление об обществе, как об особом феномене, «организме»; склонность к рассмотрению динамики общественного развития «в целом»,

⁵⁵⁰ Годвин В. О собственности. С. 163.

исключая «дробление» общества на различные сферы или части; убежденность в существовании определенного общественного идеала, который сформировался прежде или обязательно сформируется в будущем; частое обращение к моральным ценностям, выраженным в традициях, религиозных постулатах или принципах гуманизма; опора на религиозную веру (или личную «веру») как основу аргументации выдвигаемых положений.

При этом, взгляды на общественное развитие и понятие общественного идеала у различных мыслителей серьезно отличались, что связано, в первую очередь, с их социальным положением, а также с периодом творчества. Если до второй половины XVII в. у подавляющего большинства представителей «органического» типа мировоззрения религия и апелляция к Священному Писанию являлись стержнем концепций, то во второй половине XVII, и, особенно, в XVIII в., религия отходит на второй план, или даже замещается иными, названными выше, ценностями.

Основными доминантами «рационально-механистического» типа мировоззрения являлись: рационализм, отказ при аргументации идей от религиозно-мистических концепций, прогрессизм и «социальный конструктивизм». На протяжении XVI–XVIII вв., при сохранении основополагающих доминант, особенности построения и обоснования своих концепций представителями данного типа мировоззрения также серьезно эволюционировали. Рационализм мыслителей XVI – начала XVII вв. проявлялся в стремлении построить модель идеального общества с четкой регламентацией жизни граждан. В период революции середины XVII в. и Реставрации место готовых моделей справедливого общества занимают попытки описания с научных позиций общественно-политического развития Англии и выдвижения программ конкретных преобразований.

В XVIII в. рационалистической основой предлагаемых английскими интеллектуалами идей становится историческое знание. Прогрессизм, как доминанта мировоззрения, также претерпел трансформацию – от

констатации факта возможности существования лучшего общественного устройства в ранних английских утопиях до попыток анализа и выявления закономерности в общественном, политическом и экономическом развитии в XVII в., и прослеживании выявленных особенностей развития на конкретном историческом материале в XVIII в. Предлагаемые мыслителями методы «конструирования» социума эволюционировали от идей детальной регламентации жизни и поведения граждан, как основы общественного устройства, до конкретных программ преобразований и концепций изменения человека, как основы и условия трансформации общественного строя.

Заключение

Политическое и социально-экономическое развитие Англии в XVI–XVIII вв. характеризовалось перманентно кризисными условиями. Причем источники резких изменений носили разноплановый характер, а не происходили из какой-либо одной сферы жизни. Эта особенность обусловила невозможность выделения одного доминирующего фактора влияния на эволюцию мировоззрения английских мыслителей. Так, религия была неотделима от политики – в богословских трактатах зачастую присутствовали критика, либо оправдание действий властей; экономические и политические требования, особенно в период революции середины XVII в., устойчиво коррелировали с социальным положением мыслителей; развитие научной мысли не только приводило к кризису религиозного мировоззрения, но и к переосмыслению природы государственной власти.

Социальные противоречия в английском обществе также носили разноплановый характер. Это была борьба различных религиозных течений, соперничество за власть между джентри и старой аристократией, соперничество политических элит в парламенте, попытки пауперизированного крестьянства добиться улучшения условий существования и т.д. При этом, за исключением революции середины XVII в., Англии удавалось избегать насильственного пути разрешения социальных противоречий. Казалось бы, все эти явления принципиально не могут сочетаться. Их невозможно объяснить с помощью анализа только политических или социально-экономических условий. Следовательно, необходимо обратиться к процессам ментальной эволюции представителей интеллектуальной элиты страны (с учётом всех перемен, произошедших в XVI–XVIII вв., в этой категории населения).

На эволюцию мировоззрения английских мыслителей оказали серьезное влияние точки бифуркации, обусловленные неравномерностью,

нелинейностью развития общества, сочетавшимися с влиянием английских традиций и обычаев, особенно в области правовой сферы, уникальной политической системой и быстрым, хотя и крайне неровным, развитием буржуазных отношений. Во-первых, это рубеж XV-XVI вв., период формирования национальной общественной мысли и первых попыток осмысления путей общественного развития, построения идеальных общественных моделей, произошедших под влиянием, прежде всего, социально-экономических факторов, связанных с началом формирования буржуазного строя. Во-вторых, это «Королевская реформация» Генриха VIII 30-х гг. XVI в., которая ещё более укрепила власть монарха, но, при этом, расколола страну на противоборствующие религиозные течения, ведущие постоянную идейную полемику друг с другом. В-третьих, это середина XVII в. – период социальной революции, когда размышления об общественном устройстве были переведены из формы утопий в форму конкретных социальных проектов, к созданию которых приступили представители различных социальных групп. Наконец, в-четвёртых, рубеж XVII–XVIII вв., когда формирование основ стабильной политической системы в Англии завершается, в дискуссиях и политической борьбе все более важную роль начинают играть парламентские дебаты политических партий, а также журнальная и газетная полемика. В этот период в среде английских мыслителей формируется слой, условно названный нами «интеллигенцией», которая и задает новаторский вектор направленности английской общественной мысли.

Однако, несмотря на то, что английские мыслители XVI–XVIII вв. представляли разные общественные слои, и, следовательно, отстаивали интересы различных социальных групп, они, независимо от постоянно изменявшихся исторических условий, имели определенные мировоззренческие доминанты, отличавшие их от мыслителей других стран. К таким доминантам, сохранявшим свое значение на протяжении всего изученного нами периода, следует отнести: восприятие права, как важного

инструмента достижения общенародного консенсуса и основы справедливого общественного устройства; стремление к преобразованию общества эволюционным путем; осознание своей страны как государственного объединения, наиболее готового к созданию справедливого строя – своеобразная форма английского патриотизма, выражавшаяся в разные периоды в концепциях изоляционизма, традиционализма, прогрессизма или историцизма.

Уникальное сочетание в мировоззрении английских мыслителей XVI–XVIII вв. формировавшихся веками доминант и необходимости быстро реагировать на меняющиеся исторические условия, обусловили невозможность его редуцирования до устоявшихся в научной литературе мировоззренческих типов – религиозно-мифологического, метафизического и научно-рационального. Анализ английскими мыслителями феноменов общественного и государственного развития Англии, их попытки разработать уникальные модели «справедливого общества», привели к формированию в XVI–XVIII вв. двух принципиально иных типов мировоззрения – «органического» и «рационально-механистического».

Основными доминантами «органического» типа мировоззрения являлись: представление об обществе, как об особом феномене, «организме»; склонность к рассмотрению динамики общественного развития «в целом», исключая дробление социума на различные сферы или части. Это предполагало наличие убежденности в существовании общественного идеала консенсусного типа, который сформировался прежде или обязательно сформируется в будущем; частое обращение к моральным ценностям, выраженным в традициях, религиозных постулатах или принципах гуманизма; опору на религиозную веру (или личную «веру») как основу аргументации выдвигаемых положений.

При этом, взгляд на общественное развитие и понятие общественного идеала у различных мыслителей серьезно отличались, что связано, в первую очередь, с их социальным положением, а также с периодом творчества. Если

до второй половины XVII в. у подавляющего большинства представителей «органического» типа мировоззрения религия и апелляция к Священному Писанию являлись стержнем концепций и выдвигаемых идей, то во второй половине XVII, и особенно, в XVIII в., религия отходит на второй план, или даже замещается иными, названными выше, ценностями.

Основными доминантами «рационально-механистического» типа мировоззрения являлись: рационализм, отказ при аргументации идей от религиозно-мистических концепций, прогрессизм и «социальный конструктивизм». На протяжении XVI–XVIII вв., при сохранении основополагающих доминант, особенности построения и обоснования своих концепций представителями данного типа мировоззрения также эволюционировали. Рационализм мыслителей XVI – начала XVII вв. проявлялся в стремлении построить модель идеального общества с четкой регламентацией жизни граждан. В период революции середины XVII в. и Реставрации место готовых моделей справедливого общества занимают попытки описания с научных позиций общественно-политического развития Англии и выдвижения программ конкретных преобразований. В XVIII в. рационалистической основой предлагаемых английскими интеллектуалами идей становится историческое знание. Прогрессизм, как доминанта мировоззрения, также претерпел серьезную трансформацию – от констатации факта возможности существования лучшего общественного устройства в ранних английских утопиях до попыток анализа и выявления закономерности в общественном, политическом и экономическом развитии в XVII в., и прослеживании выявленных особенностей на конкретном историческом материале в XVIII в. Предлагаемые мыслителями методы «конструирования» социума эволюционировали от идей детальной регламентации жизни и поведения граждан, как основы общественного устройства, до конкретных программ преобразований и концепций изменения человека, как основы и условия трансформации общественного строя.

Таким образом, уникальность развития английского общества и многофакторность эволюции идейных концепций мыслителей XVI–XVIII вв. привели к формированию «рационально-механистического» и «органического» типов мировоззрения, каждый из которых, в свою очередь, обеспечил Англии, в основном, эволюционный переход от религиозного сознания к иным ментальным конструкциям, характерным для общества с устоявшимися буржуазными ценностями. Эта ментальная революция в дальнейшем способствовала завоеванию Англией лидерских позиций в Европе и во всём мире.

Список источников и литературы

I. Архивные источники

1. Declaration of the Diggers of Warwickshire (1607) // British Library, Harley MS 787, f. 9v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/DeclarationDiggersWarwickshire1607.html> (дата обращения: 10.01.2021).
2. Haskins J. Last Words (7 June 1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 65r-65v. URL: <https://mpese.ac.uk/t/HaskinsLetter1640.html> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Ralph Brownrigg Considerations on the Etcaetera Oath (1640) // British Library, Harley MS 4931, ff. 54r-55r. URL: <https://mpese.ac.uk/t/BrownriggConsiderations1640.html> (дата обращения: 15.02.2021).

II. Опубликованные источники

4. Акт о соединении с Шотландией (1707 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 137–140.
5. Акт об объявлении Англии свободным государством (1649 г.) // Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. Кн. 1. С. 35.
6. Акт об увеличении торгового флота и поощрении мореплавания английской нации (Навигационный акт, 1651 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 81-84.

7. Беллерс Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства // Хрестоматия по истории педагогики в 4-х т. / Сост. И.Ф. Сवादковский. М.: Учпедгиз, 1935. Т. 1. С. 296–303.
8. Билль о правах (1689 г.) // Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. Кн. 1. С. 126–133.
9. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М.: Наука, 1990. – 323 с.
10. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 5–45.
11. Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ (Ленинградское отделение), 1935. – 384 с.
12. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 85–547.
13. Великая ремонстрация (1640 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 41–49.
14. Великая хартия вольностей (1215 г.) // Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Под ред. Д.М. Петрушевского. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 96–118.
15. Гаман И.Г., Якоби Ф.Г. Философия чувства и веры / Сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч. С.В. Волжина. СПб.: Книга издана при поддержке газеты ST/A/R (Австрия), 2006. – 487 с.
16. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 6–547.
17. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 270–507.
18. Годвин В. О собственности. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 260 с.

19. Годвин Ф. Человек на Луне или необыкновенное путешествие, совершенное Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или воздушный посол // Наука и жизнь. 1967. № 4. С. 64–70.
20. Дашкова Е.Р. Путешествие одной русской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям // «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31–44.
21. Завещание Изабеллы I Кастильской (1502 г.) // Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново: Ивановский государственный университет, 1992. С. 113–145.
22. Крюсе Э. Новый Киней, или рассуждение о состоянии, представляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. С. 60–115.
23. Лильберн Дж. Вторая часть Новых цепей Англии // Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 67–94.
24. Лильберн Дж. Новые цепи Англии // Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 47–66.
25. Лильберн Дж. Открытое письмо Дж. Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы // Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 24–34.
26. Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии // Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 107–120.
27. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–407.
28. Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 407–609.

29. Локк Дж. Опыт веротерпимости // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 66–90.
30. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1947. – 416 с.
31. Ордонанс об учреждении суда над королем, 8 января 1649 г. // Лавровский В.М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. М.: Высшая школа, 1973. С. 222–223.
32. Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 309–341.
33. Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. – 453 с.
34. Петиция о праве (1628 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 22–25.
35. Постановление палаты общин об объявлении себя верховной властью английского государства (1649 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 71.
36. Приговор высшей судебной палаты над королем (1649 г.) // Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. Кн. 1. С. 33.
37. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Азбука-классика, 2013. – 224 с.
38. Рочестер, Джон Уилмот, граф. Стихотворения, письма. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2014. – 702 с.
39. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. СПб.: Светоч, 1907. – 166 с.
40. Уинстенли Дж. Закон свободы // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 179–363.
41. Уинстенли Дж. Знамя, поднятое истинными левеллерами // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 47–83.

42. Уинстенли Дж. Новогодний подарок парламенту и армии // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 135–179.
43. Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями, им принадлежащими («Орудие управления»), 1653 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв. Учебное пособие для вузов по специальности «История» / Сост. М.Ю. Золотухин, М.М. Куриев, В.М. Лобанов и др.; под ред. В.Г. Сироткина. М.: Высшая школа, 1990. С. 83–84.
44. Хью МакГрегор Росс. Говорит сам Джордж Фокс. М.: ИВИ РАН, 2000. – 192 с.
45. Чадаев П.Я. Философические письма. Казань: Тип. Д.М. Грамь, 1906. – 99 с.
46. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М.: Типо-лит. «Русского товарищества печатного и издательского дела», 1908. – 169 с.
47. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2. С. 231–517.
48. Юм Д. Диалоги о естественной религии // Юм Д. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 379–483.
49. Юм Д. Об изучении истории // Юм Д. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 707–711.
50. 95 тезисов Мартина Лютера // Хрестоматия по истории Средних веков в 3-х т. / Под ред. С.Д. Сказкина. М.: Учпедгиз, 1950. Т. 3. С. 109–110.
51. Adam de Usk Chronicon. L.: Oxford university press warehouse, Amen Corner, E. C., 1904. – 347 p.
52. Allen W. An Admonition to the nobility and people of England and Ireland. Antwerp: J. de Foigny, 1588. – 270 p.
53. Allen W. An apologie and true declaration of the institution of the two English colleges. Antwerp: J. de Foigny, 1581. – 256 p.

54. An Act for Exempting their Majestyes Protestant Subjects dissenting from the Church of England from the Penalties of certaine Lawes // The Statutes of the Realm: Vol. 6. 1685-94 / Ed. By John Raithby. L.: Great Britain Record Commission, 1819. P. 74–76.
55. Barrow H. A brief discovery of the false churches: wherein the rights of the Christian church are further asserted by the Holy Scriptures. L.: Gale ECCO, Print Editions, 2010. – 391 p.
56. Burke E. Letter to a Member of the National Assembly. L.: Woodstock Books, 1990. – 84 p.
57. Burke E. Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in certain societies in London. Oxford: Oxford University Press, 1999. – 252 p.
58. Burke E. Remarks on the Policy of the Allies with Respect to France // The works of Edmund Burke in 9 vol. L.: Nobel Press, 2020. Vol. 7. P. 117-201.
59. Burke E. Select Works of Edmund Burke: Letters on a Regicide Peace. L.: Liberty Fund, 1999. – 445 p.
60. Calvin J. The Institutes of the Christian Religion. Christian Classics Ethereal Library, Grand Rapids, MI, 2002. – 136 p.
61. Capgrave J. Chronicle of England. L.: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. – 482 p.
62. Cartwright J. Take Your Choice!: Representation and Respect, Imposition and Contempt; Annual Parliaments and Liberty, Long Parliaments and Slavery. L.: Forgotten Books. 2019. – 134 p.
63. Clarendon E.H. The History of the Rebellion and Civil Wars in England Begun in the Year 1641. In 3 vol. L.: Clarendon Press, 2001. – 656 p.; 408 p.; 622 p.
64. Cobbett W. Parliamentary History of England from the earlier period to the year 1803. L.: T.C. Hansard, 1816–1819. Vols. II–V, XVIII, XIX. – 785 p.; 851 p.; 845 p.; 849 p.; 832 p.; 856 p.
65. Filmer R. Anarchy of a limited or mixed monarchy // Filmer R. Patriarcha and other writings. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 131–172.

66. Filmer R. Patriarcha // Filmer R. Patriarcha and other writings. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 3–131.
67. Fox G. George Fox's Journal. L.: Isbister and company, limited, 1903. – 512 p.
68. Foxe J. The Acts and Monuments of John Foxe. In 7 vol. L.: R.B. Seeley and W. Burnside, sold by L. & G. Seeley, 1838. – 954 p.; 934 p.; 838 p.; 734 p.; 1164 p.; 776 p.; 858 p.
69. Godwin W. An Account of the Seminary // Godwin W. Four Early Pamphlets. The Project Gutenberg EBook. 2004. URL: www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=43583 (дата обращения: 26.06.2020).
70. Godwin W. An enquiry concerning political justice, and its influence on general virtue and happiness. N.-Y.: Nabu Press, 2011. – 420 p.
71. Godwin W. Italian Letters, Vols. I and II or, The History of the Count de St. Julian. The Project Gutenberg EBook. 2012. URL: www.gutenberg.org/cache/epub/9299/pg9299-images.html (дата обращения: 26.06.2020).
72. Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 299 p.
73. Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. – 252 p.
74. Henry VIII 's Act of Supremacy (1534). URL: <https://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm> (дата обращения: 31.01.2020).
75. Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688, in 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983. – 554 p.; 516 p.; 532 p.; 607 p.; 617 p.; 540 p.
76. Lamb C. Letters of Charles Lamb with Some Account of the Writer, his Friends and Correspondents. In 2 vol. L.: Bell, 1886. Vol. 1. – 506 p.
77. Leslie J. A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth and the Crown of England. L.: The Scholar Press, 1975. – 348 p.

78. Letters and Memorials of Fr.R. Parsons, S.J. / Ed. by L. Hicks. L.: Catholic Record, 1942. – 475 p.
79. Macaulay C. Letters on Education with Observations on Religions and Metaphysical Subjects. N.-Y.: Gale Ecco, 1994. – 532 p.
80. Macaulay C. The history of England, from the revolution to the present time, in a series of letters to the Reverend Doctor Wilson. L.: Andesite Press, 2017. – 474 p.
81. Morton T. A Full Datisfaction conderning a double Pomish Iniquitie. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1606. – 78 p.
82. Morton T. An Exact Discoverie of Romish Doctrine in the case of Conspirasie and Rebelion. L.: Imprinted by Felix Kyngston, 1605. – 54 p.
83. Parsons R. A Quiet and Sober Reckoning with T. Morton. L.: Scolar Press, 1975. – 739 p.
84. Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe // The political writings of William Penn. Indianapolis: 2002. P. 401-421.
85. Penn W. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.01.2021).
86. Sander N. De Vissibilli Monarchia Ecclesiae. Lovanii: Apud Ioannem Foulerum, Anno D., 1571. – 808 p.
87. Sander N. The Rocke of the Church. Lovanii: Apud Ioannem Foulerum, Anno D., 1567. – 566 p.
88. The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1964. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin). P. 91–99.
89. Thorne R. The discourse of the foresaid Robert Thorne, written to Doctour Leigh the Kings Ambassadour in Spaine touching that matter // Hakluyt R. The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. P. 164–181.

90. Toland J. Christianity Not Mysterious. L.: Franklin Classics, 2018. – 174 p.
91. Treasons Act (1534). URL: <http://fs2.american.edu/dfagel/www/1534treasons.htm> (дата обращения: 31.01.2020).
92. Walpole M. A Briefe Admonition to the all English Catholikes concerning a late Proclamation set forth against them. L.: English College Press, 1610. – 136 p.
93. Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. Harmondsworth: Penguin, 2004. – 144 p.
94. Wollstonecraft M. The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman. Toronto: Broadview Literary Texts, 1997. – 488 p.
95. Woolman J. The Journal of John Woolman. N.-Y.: Independent Publishing Platform, 2016. – 116 p.

III. Научная литература

96. Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 2019. – 214 с.
97. Андреев А.Н. Квакеры на Западе и в России. XVIII век // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 165–177.
98. Архангельский С.И. Аграрное законодательство английской революции 1649–1660 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. – 276 с.
99. Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40-х – 50-х годах XVII века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 356 с.
100. Архангельский С.И. Положение и борьба народных масс Англии в 60-е годы XVII века // Вопросы истории, 1958. № 6. С. 129–141.
101. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2000. – 430 с.
102. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. – 397 с.

103. Барг М.А. Историческая мысль английского просвещения: Болингброк // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 274-315.
104. Барг М.А. Место XVII века в истории Европы // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 58–74.
105. Барг М.А. Социальная утопия Уинстенли // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 58–88.
106. Барг М.А. Генезис идеологии истинных левеллеров // История социалистических учений. Сборник статей памяти академика В.П. Волгина. М.: Наука, 1964. С. 149–198.
107. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. – 446 с.
108. Бердичевский А.М. Трансформация пасторальной модальности в лирике английского либертинажа эпохи Реставрации Стюартов // Пасторали над бездной: сборник научных трудов / Отв. ред. проф. Т.В. Саськова. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 22–27.
109. Бернштейн Э. Общественное движение в Англии XVII века. СПб.: Тип. Л.Ф. Пантелеева, 1899. – 422 с.
110. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М.: Мифрил, 1995. – 242 с.
111. Блок М. Феодалное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 503 с.
112. Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. – 286 с.
113. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. – 240 с.
114. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. – 123 с.
115. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
116. Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 496 с.

117. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. – 462 с.
118. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальной истории» и «Истории социальных практик» в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 48–56.
119. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. – 352 с.
120. Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. (Период империи) / Предисл. А.С. Сенина. [2-е изд.]. М.: ГПИБ, 1998. – 175 с.
121. Волгин В.П. Диггеры и Уинстенли // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 5–47.
122. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М.: Наука, 1975. – 295 с.
123. Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 5–57.
124. Володин А.И. О понятии «утопический социализм» // История общественной мысли. Современные проблемы. М.: Наука, 1972. С. 453–474.
125. Всемирная история в 10 т. / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. – 782 с.
126. Высокова В.В. Эпоха Просвещения и рождение историзма: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. № 21. С. 274–292.
127. Гардинер С.Р. Пуритане и Стюарты. 1603–1660 гг. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1896. – 190 с.
128. Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении Всеобщей Истории // Грановский Т.Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 13–31.

129. Грановский Т.Н. Реформа в Англии // Грановский Т.Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 477–488.
130. Грановский Т.Н. Судьбы Европейского народа // Грановский Т.Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 110–134.
131. Губарев В.К. Фрэнсис Дрейк. М.: Молодая Гвардия, 2013. – 384 с.
132. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: Лабиринт, 1994. – 489 с.
133. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
134. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. Антология. М.: Юристъ, 1995. С. 213–256.
135. Зайченко Г.А. Джон Локк. М.: Мысль, 1973. – 206 с.
136. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. – 664 с.
137. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
138. Кареев Н.И. Две английские революции XVII века. [2-е изд.]. М.: ГПИБ, 2002. – 162 с.
139. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. В 7 т. СПб.: Тип. Е.А. Ефрона, 1892. – 558 с.; 421 с.; 661 с.; 388 с.; 618 с.; 650 с.; 888 с.
140. Кернс Э. Дорогами христианства. М.: Протестант, 1992. – 414 с.
141. Киясов С.Е. Массонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 396 с.
142. Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н. Лондон на рубеже эпох: Мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.). Саратов: Техно-Декор, 2015. – 194 с.
143. Креленко Н.С. Английские просветители о революции середины XVII века // Новая и новейшая история. Рабочее и демократическое движение: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. И.Д. Парфёнов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. С. 132–151.

144. Креленко Н.С. Концепция «пуританской революции» С.Р. Гардинера и ее судьбы в историографии // Историографический сборник, 1989, № 14. С. 18-35.
145. Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв.: Исторический миф в контексте политической борьбы. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 112 с.
146. Креленко Н.С. Кэтрин Маколей – «леди Фукидид» XVIII века // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. кол.: А.И. Аврус и др. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1998. С. 80–89.
147. Креленко Н.С. Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 141–157.
148. Креленко Н.С. Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем, 2001, № 4. С. 74–83.
149. Креленко Н.С. Пуританин в английской литературе XVII века: становление мифа // Британская ойкумена российской новистики: К 70-летию профессора И.И. Шарифжанова / Под ред. О.В. Бодрова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2010. С. 129–135.
150. Креленко Н.С. «История Английской республики» Уильяма Годвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2008. Т. 8, № 2. С. 23-27.
151. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 239–575.
152. Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М.: Издательство АСТ, 2004. – 446 с.
153. Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии, XVI – первая половина XIX в. М.: Наука, 1981. – 319 с.

154. Лабутина Т.Л. Английские просветители: взгляды на воспитание и образование подрастающего поколения. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2012. – 159 с.
155. Лабутина Т.Л. Ковалёв М.А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб.: Алетейя, 2020. – 462 с.
156. Лабутина Т.Л. Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII – начало XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2016. – 256 с.
157. Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: Издательство РАН, 1994. – 303 с.
158. Лабутина Т.Л. Наследие английской революции в идеологии ранних политических партий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История, 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 587–600.
159. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция: некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. М.: Соцэкгиз, 1958. – 366 с.
160. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: ГПИБ, 2004. – 305 с.
161. Лахманн Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. – 454 с.
162. Левин Г.Р. Демократическое движение в Англии в годы Английской буржуазной революции XVII в. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. – 223 с.
163. Лозинский С.Г. История папства. М.: Издательство политической литературы, 1986. – 380 с.
164. Маколей Т.Б. История Англии // Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. СПб.-М.: Издательство М.О. Вольфа, 1863–1868. Т. 6–12. – 451 с.; 408 с.; 523 с.; 398 с.; 458 с.; 396 с.; 257 с.

165. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. – 908 с.
166. Матвеев И.А. Восприятие социально-криминального романа У. Годвина «Калеб Вильямс» в России в 1830–1860-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 29-34.
167. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. – 360 с.
168. Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. – 208 с.
169. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 480 с.
170. Мижуев П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы. СПб.: Тип. Л.Ф. Пантелеева, 1901. – 252 с.
171. Мортон А.Л. Английская утопия. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 278 с.
172. Мортон А.Л. Возникновение социалистической мысли в Англии // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Наука, 1962. С. 34–57.
173. Мортон А.Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 464 с.
174. Нарский И. С. Давид Юм. М.: Мысль, 1973. – 180 с.
175. Орлов А.А. «Англии конец»! Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб.: Алетейя, 2019. – 152 с.
176. Орлов А.А. Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464-й год) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 34–44.
177. Орлов А.А., Сопленков С.В., Альбертина В.А. Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-

- Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. Т. 7. № 4. С. 63–76.
178. Орлов В.И. Фрэнсис Годвин и его книга // Наука и жизнь, 1967. № 4. С. 70.
179. Осинковский И.Н. Томас Мор и его «Утопия» // Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1947. С. 5-83.
180. Осинковский И.Н. Томас Мор. М.: Мысль, 1985. – 174 с.
181. Павлова Т.А. О зарождении коммунистических воззрений Уинстенли // История социалистических учений. Сборник статей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1987. С. 129–153.
182. Павлова Т.А. Джордж Фокс и движение квакеров // Хью МакГрегор Росс. Говорит сам Джордж Фокс. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 7–18.
183. Павлова Т.А. Закон свободы: Повесть о Джерарде Уинстенли. М.: Политиздат, 1985. – 367 с.
184. Павлова Т.А. Народная утопия в Англии XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. – 213 с.
185. Павлова Т.А. Уинстенли. М.: Молодая гвардия, 1988. – 301 с.
186. Померанц Г.С. Собрание себя. Курс лекций, прочитанный в Университете Истории Культур в 1990–1991 гг. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 143 с. (Серия: «Humanitas»).
187. Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М.: Голос труда, 1925. – 180 с.
188. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. СПб.: Пневма, 2002. – 880 с.
189. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 22. С. 5–15.
190. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. – 559 с.

191. Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // Англия в эпоху абсолютизма: статьи и источники. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 69–103.
192. Рунг Э.В. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры, 2013. № 2. С. 304–314.
193. Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции (К вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 72–81.
194. Сабина М.В. Давид Юм, его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. СПб.: Типо-лит. и фототип. В.И. Штейна, 1893. – 79 с.
195. Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кунышева, 1903. – 485 с.
196. Савин А.Н. Английская секуляризация. М.: Тип. Московского университета, 1906. – 576 с.
197. Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 388 с.
198. Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона // Средние века. Вып. 04. М.: Наука, 1953. С. 249–270.
199. Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона (окончание) // Средние века. Вып. 05. М.: Наука, 1954. С. 228–249.
200. Сапрыкин Ю.М. Политические идеи английской эмиграции при Марии Тюдор // Вестник Московского университета. Серия: История. 1983. № 4. С. 60–74.
201. Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 448 с.
202. Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 372 с.

203. Семенов В.Ф. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века. Вып. 04. М.: Наука, 1953. С. 209–224.
204. Семенов В.Ф. Раннее капиталистическое фермерство в Англии XVI – первой половины XVII века // Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI – первой половине XVII в. М.: Наука, 1965. С. 52–84.
205. Серегина А.Ю. «Истинная» реформа церкви в представлении английской католической эмиграции конца XVI в.: «Записки о Реформации Англии Роберта Парсонса» // Средние века. Вып. 60. М.: Наука, 1997. С. 107–117.
206. Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 544 с.
207. Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006. – 296 с.
208. Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974. – 175 с.
209. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. – 603 с.
210. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 608 с.
211. Фёдоров С.Е. Британская идентичность / идентичность в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2013. № 3. С. 75–81.
212. Фёдоров С.Е. Генезис британской аристократии в начале XVII в. // Вопросы истории. 2017. № 8. С. 5–20.
213. Фёдоров С.Е. Универсализм vs этноцентризм: империя и монархия к исходу Средних веков // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 176–189.
214. Фогт А. Социальные утопии. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 179 с.
215. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. – 640 с.

216. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 253–350.
217. Хеншелл Н. Миф Абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
218. Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. – 490 с.
219. Хилл К. Английская революция. М.: Издательство иностранной литературы, 1947. – 184 с.
220. Хилл К. Пуританизм и революция: исследование английской революции XVII века. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 363 с.
221. Холореншоу Г. Левеллеры и английская революция. М.: Издательство иностранной литературы, 1947. – 148 с.
222. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.-СПб.: Петроглиф, 2020. – 368 с.
223. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: Олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – 440 с.
224. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: Механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2011. – 508 с.
225. Чичерин Б.[Н.] Очерки Англии и Франции. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: Тип. Э. Барфкнехта и комп., 1858. – 357 с.
226. Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М.: Знание, 1990. – 63 с.
227. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Наука, 1996. – 304 с.
228. Шацкий Е.[Р.] Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. – 451 с.
229. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994. С. 1–129.

230. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное образование, 2007. – 737 с.
231. Эрикссон К. Мария Кровавая. М.: АСТ, 2001. – 640 с.
232. Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М.: Научная книга, 2007. – 207 с.
233. Эрлихсон И.М. Английская социальная антиутопия и сатира реставрации и раннего просвещения (1660–1714) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 146–159.
234. Эрлихсон И.М. Женское насилие в структуре английской преступности // Британия: история, культура, образование. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2018. С. 396–402.
235. Эрлихсон И.М. Роберт Филмер и политическая философия абсолютизма периода поздней реставрации (1679–1689 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9 (64). С. 50–55.
236. Эрлихсон И.М. Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2020. Т. 11. № 3. С. 40–53.
237. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020. – 484 с.
238. Askroyd P. The Life of Thomas More. N.-Y.: Nan A. Nalese, 1999. – 480 p.
239. Alison A. History of Europe from the Commencement of the French Revolution in 1789 to the Restoration of the Bourbons in 1815. In 10 vol. L.: Nabu Press, 2011. – 598 p.; 688 p.; 705 p.; 806 p.; 864 p.; 912 p.; 1040 p.; 932 p.; 907 p.; 1040 p.
240. Alison A. England in 1815 and 1845. L.: Nabu Press, 2013. – 134 p.
241. Angus M. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003. – 384 p.

242. Armitage D. Edmund Burke and Reason of State // *Journal of the History of Ideas*. University of Philadelphia Press. 2000. № 61 (4). P. 617–634.
243. Aston T. *Crisis in Europe 1560–1660*. L.: Routledge & K. Paul, 1965. – 368 p.
244. Aveling J.C.H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. L.: Blond and Briggs, 1976. – 384 p.
245. Baker J. *Coke's Note-Books and the Sources of His Reports* // *Cambridge Law Journal*. 1972. № 1. Vol. 30. P. 59-86.
246. Black J. *Eighteen-Century Britain, 1688–1783*. N.-Y.: Palgrave, 2001. – 312 p.
247. Boswell J. *Life of Samuel Johnson*. L.: Penguin Classics, 2008. – 1408 p.
248. Boxer C.R. *The Anglo-Dutch Wars of the 17th Century, 1652–1674*. L.: Her Majesty's stationery office, 1974. – 68 p.
249. Bremer F.J. *Puritanism: A Very Short Introduction*. L.: Oxford University Press, 2009. – 122 p.
250. Brown F.K. *The life of William Godwin*. L.: Dutton & co., 1926. – 387 p.
251. Cady E.H. *John Woolman: The Mind of the Quaker Saint*. N.-Y.: Washington Square Press, 1966. – 182 p.
252. Carlyle T. *Oliver Cromwell's Letters and Speeches: With Elucidations*. N.-Y.: Wentworth Press, 2016. – 412 p.
253. Carlyle T. *On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History*. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2011. – 148 p.
254. Chrimes S.B. *Henry VII*. California: University of California Press, 1973. – 373 p.
255. Clarke G. *John Bellers: his life, times, and writings*. L.: Routledge & K. Paul, 1987. – 293 p.
256. Cobbett W. *A History of the Protestant Reformation in England and Ireland*. L.: TAN Books, 1988. – 432 p.
257. Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 1988. – 201 p.

258. Como D.R. Print, Censorship, and Ideological Escalation in the English Civil War // *The Journal of British Studies*, 2012. 51(4). P. 820-857.
259. Como D.R. Making «the Heads of the Proposals»: The King, the Army, the Levellers, and the Roads to Putney // *The English Historical Review*, 2020. Vol. 135. Issue 576. P. 1387–1432.
260. Comte A. *A General View Of Positivism* / Transl. by J.H. Bridges. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 334 p.
261. Cressy D. *Birth, Marriage, and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England*. Oxford: Oxford University Press, 1996. – 664 p.
262. Cressy D. *England on Edge: Crisis and Revolution 1640–1642*. Oxford: OUP Oxford, 2006. – 462 p.
263. Cressy D. *Society and culture in early modern England*. L.: Ashgate Variorum, 2003. – 356 p.
264. Cunningham S. *Henry VII*. N.-Y.: Routledge historical biographies, 2005. – 336 p.
265. David R. *Major Legal Systems in the World Today: An Introduction to the Comparative Study of Law*. L.: Free Press, 1978. – 584 p.
266. Davis J. C. *Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700*. Cambridge: University Press, 1983. – 440 p.
267. Dexter H.V. *The Congregationalism of the Last Three Hundred Years*. N.-Y.: Harper & Brothers, 1880. – 716 p.
268. Dures A. *English Catholicism, 1558–1642*. Harlow: Longman, 1983. – 118 p.
269. Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. N.-Y.: Free Press, 1997. – 439 p.
270. Durston C. *The Culture of English Puritanism, 1560–1700*. L.: Palgrave Macmillan-3PL, 1996. – 344 p.
271. Durston C. *The family in the English revolution*. Oxford: Blackwell, 1989. – 192 p.

272. Durston Ch., Eales J. Introduction: The Puritan Ethos, 1560–1700 // The Culture of English Puritanism, 1560–1700. L.: Macmillan Education, 1996. P. 1-31.
273. Fantel H. William Penn: Apostle of Dissent. N.-Y.: William Morrow & Co, 1974. – 298 p.
274. Fletcher A. J. Gender, Sex, and Subordination in England, 1500–1800. L.: Yale University Press, 1999. – 488 p.
275. Fletcher A.J. Growing Up in England: The Experience of Childhood 1600–1914. New Haven: Yale University Press, 2010. – 434 p.
276. Fowler S. Workhouse: The People: The Places: The Life Behind Closed Doors. L.: Pen and Sword, 2014. – 224 p.
277. Fraser A. The Gunpowder Plot. Terror And Faith In 1605. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1996. – 448 p.
278. Gadamer H.-G. Truth and Method. N.-Y.: Crossroad, 2004. – 640 p.
279. Gardner B. The East India Company: a History. L.: Hart-Davis, 1971. – 319 p.
280. Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 377 p.
281. Guizot F. History of the English Revolution of 1640: From the Accession of Charles I to His Death. L.: Forgotten books, 2018. – 524 p.
282. Guizot F. The History of the Origins of Representative Government in Europe. L.: Liberty Fund, 2002. – 488 p.
283. Haigh C. English Reformations. Oxford: Oxford University Press, 1993. – 367 p.
284. Hallam H. The Constitutional History of England from the Accession of Henry VII to the Death of George II. L.: British Library, Historical Print Editions, 2011. – 410 p.
285. Hammersley R. James Harrington: An Intellectual Biography. Oxford: Oxford University Press, 2019. – 336 p.
286. Hariot Th., Lawson J., White J. A Vocabulary of Roanoke. NJ.: Evolution Publishing, 1999. – 51 p.

287. Harris T. *Rebellion: Britain's First Stuart Kings, 1567–1642*. Oxford: Oxford University Press, 2014. – 608 p.
288. Harris T., Taylor S. *The Final Crisis of the Stuart Monarchy*. Woodbridge: Boydell Press, 2013. – 336 p.
289. Hopkins E. *Childhood Transformed*. Manchester: Manchester University Press, 1994. – 343 p.
290. Hudson A. *Equity and Trusts*. L.: Cavendish publishing ltd., 1999. – 1432 p.
291. Ingle H.L. *First among friends: George Fox and the creation of Quakerism*. N.-Y.: Oxford university press, 1996. – 420 p.
292. Juretic G. *Digger no millenarian: The Revolutionizing of Gerard Winstanley* // *Journal of the History of Ideas*. 1975. Vol. 36. P. 263-280.
293. Kenneth G., Sheryl E.R. *Pontificate Of Clement VII: History, Politics, Culture*. Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2005. P. 217-245. – 520 p.
294. Kenyon J. *The Popish Plot*. L.: Phoenix Press, 2000. – 386 p.
295. Kindleberger C.P. *Economic and Financial Crises and Transformations in Sixteenth-century Europe*. Princeton: International Finance Section, Department of Economics, Princeton University, 1998. – 32 p.
296. Kramnick I. *On anarchism and the Real World: William Godwin and the Radical England* // *The American Political Science Review*. 1972. Vol. 66. № 1. P. 110–117.
297. Lawrence J. *The Rise and Fall of the British Empire*. N.-Y.: St. Martin's Publishing Group, 1997. – 744 p.
298. Loades D.M. *John Foxe and the English Reformation*. Aldershot: Scolar Press, 1997. – 340 p.
299. Loomie A.J. *English Politics at the Spanish Court: Joseph Cresswell's «Letter to The Ambassador from England»*. N.-Y.: Fordham University Press, 1993. – 210 p.
300. Marcuse H. *Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia*. Boston: Beacon Press, 1970. – 109 p.

301. Martin C., Parker G. *The Spanish Armada*. Manchester: Penguin Books, 1999. – 295 p.
302. Martinich A.P. *A Hobbes Dictionary*. Cambridge: Blackwell Reference, 1995. – 336 p.
303. Millstone N. *Manuscript Circulation and the Invention of Politics in Early Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 374 p.
304. Millstone N. *Radical voices, radical ways: Articulating and disseminating radicalism in seventeenth- and eighteenth-century Britain*. Manchester: Manchester University Press, 2016. – 272 p.
305. Morris T.A. *Europe and England in the Sixteenth Century*. L.: Routledge, 1998. – 376 p.
306. Morton A.L. *A People's History Of England*. L.: Gollancz, 1938. – 485 p.
307. Mossner E.C. *The Life of David Hume*. L.: Clarendon Press, 2001. – 738 p.
308. Munslow A. *The Future of History*. L.: Macmillan, 2010. – 320 p.
309. Munslow A. *A History of History*. L.: Taylor & Francis, 2012. – 217 p.
310. Oman Ch. *A History of England*. L.: Edward Arnold, 1906. – 780 p.
311. Osborne J.W. *John Cartwright*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 174 p.
312. Palliser D.M. *The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547–1603*. L.; N.-Y.: Longman, 1983. – 542 p.
313. Parker G. *Empire, War and Faith in Early Modern Europe*. L.: Allen Lane, 2002. – 411 p.
314. Parker G. *Europe in Crisis, 1598–1648*. N.-Y.: Cornell University Press, 1979. – 368 p.
315. Parker G. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. L.: Routledge, 1978. – 283 p.
316. Paul C.K. *William Godwin, his friends and contemporaries*. In 2 vol. L.: King, 1876. Vol. 1. – 387 p.
317. Pearson A.F. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism 1535–1603*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. – 511 p.

318. Petegorsky D.W. *Left-wing Democracy in the English Civil War: Gerrard Winstanley and the Digger*. L.: Sutton Publishing Ltd, 1995. – 270 p.
319. Phillips R. *Untying the Knot: A Short History of Divorce*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 261 p.
320. Pocock J.G.A. *The commonwealth of Oceana and A System of Politics* // Harrington J. *The commonwealth of Oceana*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1-27.
321. Polanyi K. *The great transformation: the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press, 2001. – 360 p.
322. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. Vol. I: *The Spell of Plato*. Princeton: Princeton University Press, 1966. – 755 p.
323. Powicke F.J. *Henry Barrow, Separatist (1550?–1593) and the exiled church of Amsterdam (1593–1622)*. L.: Palala Press, 2016. – 418 p.
324. Rice E.F. (Jr.) *The foundations of early modern Europe, 1460–1559*. N.-Y.: Norton, Corp. 1970. – 218 p.
325. Richter D. *Before the Revolution: America's ancient pasts*. Cambridge: Belknap Press. 2011. – 502 p.
326. Rickert H. *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology*. Princeton: D. Van Nostrand, Inc., 1962. – 161 p.
327. Rickert H. *The Limits of Concept Formation in Natural Science: A Logical Introduction to the Historical Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 276 p.
328. Russell C. *Unrevolutionary England, 1603–1642*. L.: Bloomsbury Academic, 2003. – 346 p.
329. Scarisbrick J.J. *Henry VIII (The English Monarchs Series)*. Los-Angeles: University of California Press, 1968. – 561 p.
330. Sharpe R.J. *The law of Habeas Corpus*. Oxford: Clarendon press, 1976. – 254 p.
331. Shelling F. *Historical-Critical Introduction to the Philosophy of Mythology*. N.-Y.: New York Press, 2008. – 240 p.

332. Spencer H. *The Man Versus the State: With Six Essays on Government, Society, and Freedom*. L.: Liberty Fund, 1982. – 531 p.
333. Tawney R.H. *Religion and the Rise of Capitalism*. L.: John Murray, Albemarle street, 1926. – 339 p
334. Tawney R.H. *The agrarian problem in the sixteenth century*. L.: Longmans, 1912. – 464 p.
335. *The Crisis of Parliaments: English history 1509–1660*. Oxford: Oxford University Press, 1971. – 434 p.
336. *The English Revolution: politics, events, ideas*. N.-Y.: Ashgate Variorum, 1998. – 329 p.
337. Thomas P.D.G. *John Wilkes: a friend to liberty*. Oxford: Clarendon Press. 1996. – 280 p.
338. Throness L. *A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779, Aldershot*. L.: Ashgate, 2008. – 390 p.
339. Todd J. *Mary Wollstonecraft: A Revolutionary Life*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2000. – 538 p.
340. Tomalin C. *The Life and Death of Mary Wollstonecraft*. N.-Y.: Penguin, 1992. – 379 p.
341. Trevor-Roper H. *Catholics, Anglicans and Puritans: Seventeenth Century*. Chicago: Chicago press, 1987. – 334 p.
342. Trevor-Roper H. *From Counter-Reformation to Glorious Revolution*. L.: Secker & Warburg, 1992. – 331 p.
343. Trevor-Roper H. *The Crisis of the Seventeenth Century: Religion, the Reformation, and Social Change*. N.-Y.: Harper & Row, 1967. – 451 p.
344. Woolhouse R. *Locke: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 558 p.
345. Zagorin P. *A History of Political Thought in the English Revolution*. L.: Routledge & Paul, 1954. – 208 p.
346. Zagorin P. *Culture and politics from Puritanism to the Enlightenment*. Los-Angeles: University of California press, 1980. – 284 p.

347. Zerubavel E. *Ancestors and relatives: genealogy, identity, and community*. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 240 p.
348. Zerubavel E. *Time maps: collective memory and the social shape of the past*. Chicago: University of Chicago Press, 2012. – 187 p.

IV. Диссертационные исследования

349. Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03/Минаев Андрей Иванович. М., 2009. – 480 с.
350. Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03/Рябов Пётр Владимирович. М., 1996. – 256 с.

V. Учебная и справочная литература

351. Егоров А.А. История Англии: учебник / Под общ ред. В.Ю. Апрыщенко. Ч. I-II. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018-2021. Ч. I – 228 с.; Ч. II – 390 с.
352. Креленко Н.С. Новое и новейшее время стран Запада. Проблемы историографии и судьбы историков. Саратов: Наука, 2009. – 203 с.
353. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2007. – 731 с.
354. Левин Г.Р. Очерки истории Англии. Средние века и Новое время. Учебное пособие. М.: Госучпедгиз Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – 358 с.

355. Орлов А.А. Справедливый порядок в европейских проектах «вечного мира» периода Нового времени. Учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: МПГУ, 2017. – 130 с.
356. Пономарев М.В. Великобритания: История художественной культуры. М.: Центр Школьная книга, 2000. – 302 с.
357. Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Великобритания: политика, государство, право. М.: Центр Школьная книга, 2000. – 287 с.
358. Романюк С.К. Сердце Москвы. От Кремля до Белого города. М.: Центрполиграф, 2013. – 909 с.
359. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М.: Юристъ, 2000. – 509 с.
360. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
361. Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen. L.: Smith, Elder & Co., 1889. Vol. XVIII. – 448 p.
362. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Fifth Reprint. Delhi: Surjeet Publications, 1989. – 1824 p.

VI. Художественная литература

363. Годвин У. Калед Уильямс. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 392 с.